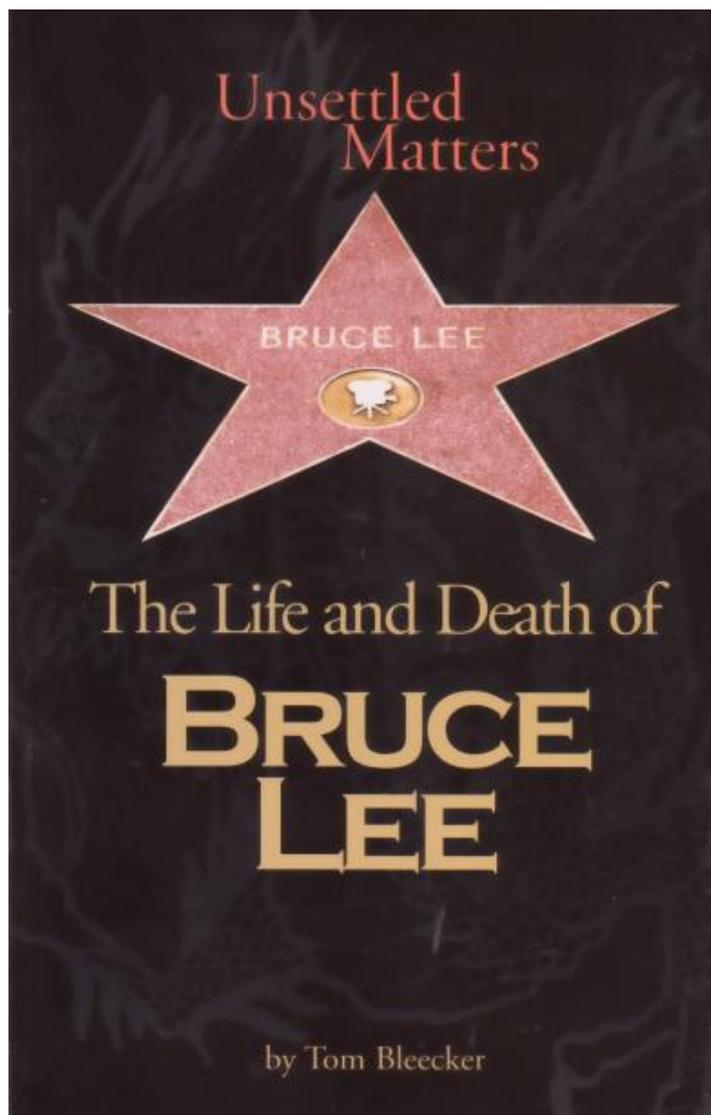

**НЕРАСКРЫТЫЕ ЗАГАДКИ
ИЗ ЖИЗНИ И СМЕРТИ БРЮСА ЛИ**

Биография
ТОМА БЛИКЕРА

Переводчик: Дмитрий Семёнов (<http://vk.com/atheistd>; atheistd@gmail.com)

Информационная поддержка: (http://vk.com/bruce_lee_official_page)

Гилдерой Пабλικейшнс / Ломпок, штат Калифорния

© Хабаровск, 2014

Книги Гилдерой Пабליкейшнс доступны по оптовой скидке для проведения рекламных акций, могут быть проданы в качестве премий или использованы для сбора средств. Для получения дополнительной информации напишите менеджеру по продажам по адресу: Гилдерой Пабליкейшнс / Почтовый ящик 2004, Ломпок, Калифорния 93438

НЕРАСКРЫТЫЕ ЗАГАДКИ

Гилдерой Пабליкейшнс, Ломпок, Калифорния

Авторское право 1996 года принадлежит Тому Бликеру

Первое издание 1996 г.

Отпечатано в Соединенных Штатах Америки

01 00 99 98 97 96 5 4 3 2 1

Номер книги по каталогу Библиотеки Конгресса 96-94563

ISBN (мягкая обложка): 0-9653132-0-4

Части главы № 20 настоящей работы были опубликованы в январском выпуске журнала «Karate Illustrated» (Выпуск №3 #6)

Бумага, использованная при печати данного издания, отвечает минимальным требованиям американского национального стандарта для информационных наук – стандарт качества бумаги для печатных фондовых материалов, ansi z39.48-1984

Примечание переводчика

Только для свободного распространения. Переводчик оставляет за собой право распространять данный перевод на электронных ресурсах по своему усмотрению и разрешает копирование перевода сторонними ресурсами и лицами только в случае полного сохранения оригинального текста настоящего перевода. Ресурсы, к которым обратился переводчик с просьбой удалить свой перевод, должны сделать это незамедлительно и в кратчайшие сроки.

Работа Т. Бликера это как загадочный сундук, полный секретов и ждущий своего часа где-нибудь на мрачном необжитом чердаке дома. В сущности, это не просто книга, это книга-ответ, если так можно выразиться. Не сумев убедить вдову Брюса, Линду Ли, в необходимости открыть миру всю правду спустя несколько десятков лет после гибели киноактера и мастера боевых искусств, но уже располагая примерной картиной событий, Бликер решил поведать миру о предполагаемых причинах смерти великого мастера кунг-фу и о том, что он скрывал при жизни в силу определенных причин и обстоятельств. Говоря по правде, тех, кто интересуется жизнью и творчеством Брюса Ли, уже давно беспокоят некоторые вопросы. Что же, здесь вы найдете ответы на них, пусть и сперва они покажутся вам совершенно нелепыми и лишенными всякого смысла. Главное, о чем следует помнить, решив начать чтение этой книги – здесь почти ни слова не говорится о творчестве Брюса, а любые упоминания тех или иных событий являются лишь связующим звеном для очередных откровений. А потому светлых моментов и, разумеется, феерии по Брюсу Ли, здесь не то что не наблюдается – они атрофированы полностью. Тем эта книга неприятна и притягательна одновременно – книг, посвященных описанию жизни Брюса Ли великое множество, книг, проливающих свет на реальные причины его гибели не было ни одной. До этого момента.

Дмитрий Семёнов

Часть первая:

ЖИЗНЬ БРЮСА ЛИ

Когда наши самые сокровенные, но несбыточные мечты разбиваются в пух и прах, жизнь тем самым преподает нам очень хороший урок, мы чертовски хорошо получаем по заслугам! - Киплинг

Вступление

Зима 1963-го. В Лос-Анджелесе был холодный, дождливый вечер, только что закончились занятия Эда Паркера по боевым искусствам. Я сидел в раздевалке, уставившись на голень своей правой ноги. На ней набухла шишка размером с мяч от гольфа, боль была мучительной. Я снял свое пропитанное потом кимоно и заметил свежую кровь на рукаве недавно порванной хлопчатобумажной ткани. Я огляделся в поисках кусочков ткани, но ничего не нашел. Это была чужая кровь. Эд Паркер вел суровые занятия, потому что Эд Паркер и сам был суровым человеком. По-настоящему суровым. По-уличному суровым. Уроженец Гавайев, ростом в шесть футов и весом в добрые 210 фунтов, считающийся многими таким же быстрым и мощным, как Мухаммед Али.

Надпись на журнале занятий для продвинутых гласила: «Кучка безумцев». К нам ходили несколько бывших заключенных, пара-тройка «Ангелов Ада», новоиспеченный мистер Вселенная, звезда футбола из колледжа - лишь некоторые из них.

В соревновательном кругу находилась группка учеников Паркера, которые прославились как «Аварийная команда». Они дрались со всеми подряд. Самым значимым их неприятелем была близлежащая школа «Тан Су До», чьим главным инструктором был молодой человек по имени Чак Норрис.

Самый известный обладатель черного пояса Эда Паркера «зависал» в Мемфисе. Его звали Элвис Пресли, и у него не было гитары, на видном месте которой не красовалась бы эмблема нашей школы. Это была избранная группа черных поясов Эда Паркера, позднее известных как скандальная «Мемфисская Мафия». Люди, чья единственная цель состояла в охране «Короля».

Поражает, что в 60-х, когда боевые искусства еще находились на стадии становления, публика присвоила статус тем немногочисленным избранным, которые носили черные пояса. Загадочным, наводящим страх, временами даже таинственным людям, большинство из которых почитали как сверхлюдей, если не сказать богов. Если и был духовный аспект в восточной философии смертельного боя, то он

ускользал от нас, западников, как нельзя хуже. По большей части это всегда было сообщество мускулов, появившееся еще в начале 1960-х, когда мы смазали маслом наш огромный военный механизм в джунглях Вьетнама.

Я взял свои туфли и прошел по матам босиком, заметив новую дырку в гипсокартонной стене в том месте, где Боб Кук ударил ногой Ларри Хартселла в опасной близости к зеркалу. Я сидел в небольшой комнате ожидания, обуваясь, когда Эд Паркер вдруг вышел из своего офиса и направился в заднюю часть школы.

Два китайца вошли через заднюю дверь, Паркер их приветствовал. Тот, что был чуть ниже и более замкнутый, оказался Джеймсом Ли. Джеймс часто приезжал из Окленда, чтобы навестить Паркера, и на этот раз привез с собой неизвестного специалиста по кунг-фу из Гонконга, который видел Паркера впервые. Его звали Брюс Ли. Он был хорошо одетым, приятным человеком лет двадцати пяти. Подчеркивая разительный контраст с Паркером, Брюс был ростом всего пять футов семь дюймов и весил около 140 фунтов.

Вскоре Паркер и Брюс стали делиться друг с другом идеями, и Брюс часто использовал Джеймса Ли (он не был родственником Брюса) для демонстрации своей точки зрения. Что меня сразу же больше всего впечатлило в Брюсе, так это его невероятная самоуверенность. За те два года, что я тренировался с Эдом Паркером, Брюс Ли оказался первым человеком, которого не испугал огромный гаваец. Хотя эта встреча состоялась более тридцати лет назад, я и по сей день помню три особенности: огромная доля энтузиазма, с которой Брюс демонстрировал свое искусство, его поразительная физическая и эмоциональная энергия, и что особенно важно - невероятная скорость его рук.

На протяжении последующих шести лет мы с Брюсом провели немало времени в компании друг друга. Вдобавок к совместным тренировкам по боевым искусствам мы оба втянулись в голливудскую киноиндустрию, и в результате у нас был схожий образ жизни и многочисленные общие друзья.

20 июля 1973 года, когда в Гонконге умер Брюс Ли, я сидел за ланчем с Блэком Эдвардсом и Джули Эндрюс. Как и многие другие, я знал или из первых или из вторых уст о проблемах Брюса, его катастрофической потере веса, госпитализации в критическом состоянии девятью неделями ранее, агрессивных и непредсказуемых сменах настроения, глубокой депрессии и возрастающей паранойе, алкогольной и наркотической зависимости, предполагаемом распутстве, длительной вражде с

прессой и по-видимому бесконечном списке врагов. А теперь он умер. Умер в возрасте тридцати двух лет, что интересно, от отека головного мозга. Говоря простыми словами, его мозг просто разбух в черепной коробке. Проблема заключалась в том, что доктора не знали, по какой причине это произошло.

15 лет спустя я организовал вечер памяти для супермастера восточных единоборств Эдмунда Паркера, состоявшийся в отеле Бонавентюр в Лос-Анджелесе 27 февраля 1988 года. Более тысячи друзей, учеников, почетных гостей - мастеров боевых искусств сели за обеденным столом из пяти блюд, и их развлекали в течение всего вечера. Вдобавок к этому множество теле- и кинозвезд приехали со всех концов мира, чтобы почтить Эда Паркера, наряду с его самыми близкими членами семьи, многие из которых прилетели из Гавайев и Юты. Это был поистине великий вечер, проведенный по высшему разряду. И хотя Эд в возрасте пятидесяти семи с избытком веса в 30 фунтов, внезапно слег с подагрой, сообщество боевых искусств было ошеломлено, когда он двумя годами позднее скончался в аэропорту Гонолулу от обширного инфаркта.

На раннем этапе планирования мероприятия я написал письмо Линде, вдове Брюса Ли, пригласив ее прийти от имени Брюса. Я не видел Линду со дня смерти Брюса, и был рад, узнав, что она приняла мое приглашение.

Вечером в день памяти Линду сопровождал человек по имени Адриан Маршалл. В середине 60-х Маршалл какое-то время тренировался в школе WLA Паркера. Позднее он стал адвокатом Брюса Ли. Будучи в браке уже более тридцати пяти лет, Маршалл тем не менее часто сопровождал Линду на различных мероприятиях, так или иначе имеющих отношение к Брюсу.

На следующей неделе мы с Линдой говорили по телефону, в частности по поводу той книги, написание которой она получила заказ от Охара Пабλικейшнс. В сущности ею должна была стать официальная биография о Брюсе Ли. Однако перед ней стояла проблема. Хотя на написание этой книги ей выдали аванс в виде значительной суммы денег, она не могла продвинуться дальше первой страницы.

Вдобавок к тому, что в течение многих лет являлся близким другом и учеником Брюса Ли, на протяжении последних двадцати лет я работал сценаристом профессионально, и таким образом я был главным кандидатом на то, чтобы помочь Линде решить ее проблему. Вскоре после нашего разговора я поехал к Линде в Лос-Анджелес, где мы с ней обсудили дальнейшие планы и условились работать вместе.

Книга, на которую Линда строила планы, фактически была переработкой издания «Дэлл» в мягкой обложке, впервые опубликованного в 1975-ом. Книга называлась «Брюс Ли: Мужчина, которого знала только я», и была написана по заказу английским автором по имени Алан Шадрейк, а Линда была указана в качестве автора. В то время, когда мы с Линдой писали совместно «Историю Брюса Ли» (Охара Пабликейшнс), Линда работала воспитателем в детском садике в Торренсе, так что зачастую я работал один.

В день, когда я начал свое исследование, Линда оставила копию книги Шадрейка в огромной комнате, примыкающей к гаражу. Преимущественно все, что было связано с Брюсом, находилось в этой комнате, главным образом в шести огромных канцелярских шкафах и двух кладовых, которыми мне предстояло пользоваться, чтобы подобрать материал для исследования. Что до офиса, мы сошлись на том, что будем работать либо в этой комнате, либо в офисе Линды, расположенном на противоположном конце дома.

Комната, в которой хранились документы и вещи Брюса, была единственной запертой комнатой в доме, которую я тут же узнал по зарешеченным окнам. У одной стены лежали шесть легендарных черных журналов Брюса, каждый из которых был больше пяти дюймов в толщину. Все эти журналы были написаны Брюсом во время его получившей широкую огласку травму спины в 1970-ом и по слухам содержали полный первоисточник собственного боевого искусства Брюса – «Джит Кун До». Через несколько лет после смерти Брюса Линда дала разрешение на публикацию «Дао Джит Кун До», в которой якобы содержались глубокие и чрезвычайно секретные знания, описанные в этих шести журналах. И вот я смотрю на эти самые журналы. Для человека, занимающегося боевыми искусствами, этот опыт сродни мирскому христианину, наткнувшемуся на Свитки Мертвого Моря.

Дверь в ближайшую кладовку была открыта, я щелкнул выключателем и вошел внутрь. Старые боксерские перчатки Брюса, кожа на которых теперь потрескалась и потускнела, висели на стене. Рядом висел защитный шлем Брюса для головы, великое множество спортивного инвентаря, покрытые ржавчиной наборы гирь, скакалки и потрепанный тяжелый боксерский мешок. Напротив одной стены располагались два армейских ящика, набитые невскрытыми письмами поклонников, адресованными Линде после смерти Брюса. На полу змеились электрошок-стимулятор и сплетение из проводов и электродов, которые Брюс применял, чтобы приучить к ним свои мышцы,

чтобы он мог тренироваться даже во время сна. Я слышал об этом электрическом приспособлении, но никогда не видел его своими глазами. У него был такой вид, как будто однажды оно принадлежало немецкому гестапо. Один его вид вызвал у меня тошноту, и я захлопнул дверь.

По сей день мне трудно поверить, что Линда не опасалась моей тревожной реакции на то, что я обнаружу в ящиках картотеки, куда она меня отправила. Если уж на то пошло, в них было слишком много юридических бумаг и медицинских документов. Более поразительными были многочисленные контракты по продвижению, возглавляемые компанией Зив Интернэшнл. Какое отношение весь этот мерчандайзинг имел к боевым искусствам и имени Брюса? Каким образом и почему горячо любимое Брюсом искусство кунг-фу было связано с Медисон-авеню? Требовалось ли Линде и двум ее детям выживать с финансовой точки зрения после смерти Брюса? И какое отношение Адриан Маршалл, человек, сопровождавший Линду на вечере памяти, имел ко всему этому? Что любопытно, его имя значилось практически на всех документах.

Большую часть пространства кабинета составляли сотни юридических файлов, аккуратно расставленных, и оставшимся, гораздо менее упорядоченным местом для всего остального. В нижнем ящике я нашел старый бумажник Брюса, водительские права, зажим для банкнот. В остальных ящичках располагались сотни файлов, связанных с последними годами, проведенными в Гонконге, включая личную переписку с гонконгским продюсером Рэймондом Чоу и Ран Ран Шоу. По-видимому Линда сберегла все, что когда-то принадлежало Брюсу.

В другом кабинете один файл выделялся среди прочих: «ПРОТОКОЛ ВСКРЫТИЯ БРЮСА». Я сел и прочел его. К тому времени, как я закончил его чтение в третий раз, мне стало не по себе. Что-то было не так. Не только с протоколом вскрытия, а вообще со всем.

В этот момент я поймал себя на мыслях о похоронах Брюса в Гонконге и о том, как его бронзовый гроб за 40 000 гонконгских долларов (8 500 долларов США) загадочным образом открылся во время переправки в Сиэтл, и как в него проникла влага, и краска с темно-синего костюма окрасила белый шелк, которым были обшиты стенки гроба. По древним поверьям китайцев это было дурное знамение. “Дух покойника не обретет покоя” – утверждали они. “Есть нераскрытые загадки”.

Я вернул на место книгу Шадрейка и повернулся к двери. Потянувшись к выключателю, я заметил вторую кладовку. Эта была заперта. Я секунду поколебался и затем открыл ее. Она была битком набита старой одеждой Брюса. Его галстуками, рубашками и костюмами. Прошло пятнадцать лет, и одежда мастера, теперь утратившая лоск, висела обветшалая на тонких вешалках. У стены стоял комод, в котором лежали его носки и нижнее белье, вместе с полуиспользованными бутылками лосьона после бритья. Все это было привезено из Гонконга. Я закрыл дверь, выключил свет, и покинул единственную комнату в доме с зарешеченными окнами.

На пути к противоположному концу дома я зашел в офис Линды. Хотя в остальной части дома была теплая, дружеская атмосфера, эта комната была темной и безликой. Я сел в потрепанное кожаное кресло, расположенное за старым столом Брюса, прямо напротив открытой кладовой, на полу которой стоял пятисотфутный сейф Брюса.

Я прочел книгу Шадрейка, и поймал себя на мысли, что мне трудно, если не сказать невозможно сосредоточиться на том, о чем в ней говорилось. Верхняя часть стола была покрыта густым слоем пыли и парой кип неоткрытого почтового спама. Я едва мог поверить почтовой марке – 1982 год! Шесть лет – слишком долгое время для нежелательной почты, чтобы вот так лежать на столе. Что произошло шестью годами ранее, и по-видимому привело к тому, что Линда покинула свой офис? Мой писательский ум был взбудоражен, и именно тогда я впервые начал задаваться вопросом, во что я себя втянул.

Я прочел книгу Шадрейка во второй раз, затем положил ее на стол. Хотя история была трогательна, она не перекликалась с большей частью того, что я увидел в «Комнате Брюса Ли». Мне нужно было сделать некоторые пометки. Я открыл верхний ящик стола Линды в поиске ручки, вместо этого уставившись на личные бланки Адриана Маршалла. На вершине бланков возвышался прекрасный молоточек председателя суда из плексигласа с именем «Адриана Маршалла», выгравированным на ручке. Что бланки Адриана Маршалла делали в столе Линды? Это был офис Адриана? Что он делал в офисе, находившимся в доме Линды? И как так получилось, что никто не бывал в этой комнате уже шесть лет?

В этот момент я услышал шум подъезжающей машины на улице, и понял, что Линда вернулась с работы домой. Я вышел из задней части дома и открыл дверь передней, чтобы увидеть, как она выходит из красного мерседеса Брюса 350SL. Со

смерти Брюса прошло 16 лет, а она по-прежнему водила его машину. Я был счастлив видеть ее, хотя должен признать, начал чувствовать себя отчасти как писатель, которого сыграл Уильям Холден в классическом фильме «Бульвар Сансет».

В течение следующих шести недель я исследовал жизнь и смерть Брюса Ли от колыбели до могилы, а затем продолжил работать над следующими шестью годами, прожитыми Брюсом в качестве юридического воплощения - «Наследство Брюса Ли». Задача была тяжелой, и когда я закончил, у моего соавтора и у меня возникла серьезная проблема. Хотя я уступил Линде, что основная история, которая легла в основу книги Шадрейка, была в целом правдивой, в то же самое время она была несомненно неполной, в некоторых ключевых местах совершенно не соответствовала действительности, и в общем и целом часто вводила в заблуждение. Более всего я твердо верил, что протокол вскрытия Брюса, вместе с исследованием коронера причин его смерти, были очковтирательством.

Через несколько месяцев, проведенных в работе над проектом книги, Адриан Маршалл вылез с деловой сделкой, над которой он работал. Он всегда работал над пропагандой легенды Ли. На этот раз он сосредоточился на ЭмСиЭй Юниверсал, и как оказалось, запустил в производство художественный фильм о жизни Брюса Ли. Как распорядилась судьба, фильм («Дракон», впоследствии выпущенный в 1993-ем), был связан с книгой, над которой мы с Линдой работали в то время. Что касается контракта как такового, был особый пункт договора, который угрожал раздавить всю сделку, если бы ЭмСиЭй Юниверсал отказались согласиться с ним.

Этот пункт, перечисленный в контрактных ограничениях, гласил: «Компания соглашается, что по настоящему документу ни одно издание, театральный или телевизионный кинофильм не должен ссылаться на употребление Брюсом Ли марихуаны, (ii) сексуальные или романтические отношения между Брюсом Ли и любой женщиной, кроме как его женой, за годы брака и (iii) любые неприглядные или запрещенные обстоятельства его смерти». Именно это последнее предписание, с целью избежать определенных обстоятельств смерти Брюса, мне показалось особенно неприятным.

Во время написания «Истории Брюса Ли» временами я думал о том, чтобы собрать вещи и вернуться домой. Причина, по которой я этого не сделал, заключается в том, что я влюбился в Линду. Через все испытания и невзгоды нашей творческой деятельности, уязвимость и простая эмоциональная глубина этой женщины проникли

в мое сердце. Итак, мое сердце было разбито, и думаю сердце Линды тоже. На одной чаше весов находилась крайне тягостная биография о человеке, который был не только ее бывшим мужем, но и моим близким другом, а на другой замечательный многообещающий роман, который слишком быстро увлек нас.

У нашего счастливого сближения было поистине сказочное завершение, и мы с Линдой поженились летом 1988-го. Однако, наш медовый месяц оказался недолгим. По всей видимости нераскрытые загадки, о которых предупреждали китайцы, неизбежно взяли смертельной хваткой наш брак и просто не отпускали. В конечном счете мы с Линдой не смогли разрешить ряд невероятных проблем, и наш короткий брак закончился разводом.

На протяжении многих лет Линда неоднократно публично заявляла, что предпочитает говорить о жизни Брюса. Я с ней полностью соглашусь, и хотел бы также расширить ее определение, сказав, что скоропостижная смерть Брюса во многом была связана с тем, как он жил.

Вашему вниманию представлена книга, которую я хотел написать в соавторстве с Линдой в 1988-ом. Я говорю это потому, что считаю, что Брюс, который в течение всей публичной жизни выступал против обмана и определял Дао как “истину”, захотел бы никак не меньше, чем полное и честное рассмотрение своей жизни.

И наконец, взвешивая то, о чем дальше пойдет речь, я вспоминаю байку, рассказанную Эдом Паркером на вечере памяти. Он всегда был виртуозным рассказчиком, и тут он вспомнил, как однажды учитель встал перед классом и сказал: “Если в этом классе есть глупцы, пожалуйста, встаньте”. Никто не поднялся, и он повторил снова: “Если в этой комнате есть глупцы, пожалуйста, встаньте”, и тут встает маленький Джонни. И учитель говорит ему: “Маленький Джонни, ты глупец?” А Джонни отвечает: “Нет, учитель, я не глупец, просто мне не нравилось, что вы стоите в одиночку”.

Надеюсь, я не тот одиноко стоящий школьный учитель. Так что давайте приступим.

Глава 1

ГОНКОНГ

Все началось из-за нескольких тонн опиума, изъятых китайцами с британских грузовых судов и затем выброшенных в Желтое море. Попытка британцев организовать торговлю наркотиками в Китае потерпела полный крах. В течение часа британские торговцы опиумом были отправлены в цепях в Центральную Азию, а один даже был публично распят в кантонских доках.

Королева ожесточилась. Вместе с огромной суммой за опиум, отправленной на корм популяции крабов на дне океана, этот случай публичного линчевания британского гражданина на зловонных доках был просто варварским, и рассерженные британцы ответили безжалостным обстрелом линии побережья.

Когда пыль улеглась, единственный британский дипломат в Китае, торговый суперинтендант капитан Чарльз Эллиот хотел более чем просто официального примирительного чаепития с императором. Может часть земли перейдет в подчинение, символический лакомый кусочек? Крошечный необитаемый кусочек от огромных просторов Китая? Через час у Эллиота была пачка бумаг, подписанных императором, и в девятнадцатом веке остров Гонконг, пример дипломатии с позиции силы, был передан британцам.

Министр торговли ее величества, Лорд Померсон, вскоре доложил ее Величеству, королеве Виктории о недавно приобретенном тропическом рае. Это место, о котором он пренебрежительно отозвался как о “пустынном острове без единого дома”, было бедно на природные ресурсы, тайфуны были суровыми и частыми, а люди были подвержены эпидемиям малярии, холеры, тифа и бубонной чумы. Хуже всего, что прибрежная линия имела отвесные острые скалы, и в поле зрения не было ни единой реки с пресной водой. Однако у этого острова была одна подкупающая особенность. Гонконг имел глубоководную гавань, которая могла служить убежищем от частых тайфунов.

Как фактория Гонконг не мог конкурировать с богатыми материковыми портами вроде Шанхая, и потому многие годы служил убежищем для пиратов, контрабандистов и различных других оппозиционеров Британской Империи. Кроме засилья преступников, известных как триады, бежавших из коммунистического Китая, ранний

управленческий аппарат Гонконга был полон возмутительных людей – недееспособные лица, эксплуататоры, расшатанная судебная система и коррумпированная полиция.

Вслед за остальными, японцы многие годы демонстрировали Китаю свои силы. Летом 1940-го в Гонконге бытовало общее мнение, что несмотря на все безумие японцев, они были не настолько сумасшедшими, чтобы атаковать этот известный форпост Британской Короны.

Ли Хой Чуэнь, родом из деревеньки Футшан в Катоне, бежал из коммунистического Китая с тысячами других китайцев, которые всеми правдами и неправдами добрались до острова Гонконг в конце 1930-х. Когда Хой Чуэнь не выступал в кантонской опере Гонконга, которая была больше любительским театром, чем известная труппа вроде Пекинской оперы, и приносила мало дохода, его можно было запросто найти в местных игровых залах и курильне опиума. В июне 1940-го он стоял рядом со своей привлекательной женой Грейс, которая в девятнадцать лет приехала на остров из Шанхая, и теперь они вместе смотрели, как пляжи обносят колючей проволокой. Неподалеку правительственные здания обкладывали мешками с песком, чтобы сдержать взрывную волну. Вскоре китайские жители Гонконга начали намеренно гасить свет в домах, а европейские семьи спешно эвакуировались на безопасную территорию Австралии.

До принятия акта о национальности 1940-го, китайцы, проживавшие в Соединенных Штатах, были лишены права стать гражданами США, как благодаря месту рождения, так и при натурализации. Все изменилось 11 октября 1940-го, когда президент Рузвельт подписал и тем самым придал силу акту о национальности 1940-го. Примерно в то же время Хой Чуэнь и Грейс вместе с другими актерами кантонской оперы взяли билет на океанский лайнер в Соединенные Штаты, где в городе Сан-Франциско открылся театр. Вскоре после их прибытия, как рассказывают, Грейс была шокирована, узнав, что находится на восьмом месяце беременности.

27 ноября 1940 года Грейс была доставлена в больницу Джексон Стрит Хоспитэл в китайском квартале Сан-Франциско. Несколько часов спустя она родила мальчика (одного из первых китайско-американских граждан после недавно подписанного акта о национальности), которого назвала Ли Чжун Фан. Прозвище “Брюс” младенцу дала медсестра этой больницы.

Шестьдесят лет назад качество медицинских услуг, доступное обычным

китайцам в Гонконге и коммунистическом Китае было относительно низким, и поэтому многие младенцы умирали в первый же год жизни. Веря, что этих младенцев забрали боги, которые придавали намного большее значение мальчикам, чем девочкам, для китайцев было обычным делом давать своим младенцам мальчикам женские имена, стремясь обмануть богов. Именно по этой причине семья Ли (обратите внимание: “Lee” это американизированное произношение фамилии “Li”), вдобавок к именам Ли Юэнь Кам и Ли Сяо Лунг (“Маленький Дракон”), дала Брюсу женское имя Сай Фон (“Маленький Феникс”) и проколола ему одно ухо.

Поскольку у временной визы истек срок действия, Хой Чуэнь и его жена были вынуждены вернуться в Гонконг в начале 1941-го. Это место было практически таким же, каким они его помнили до отъезда.

Одним из многочисленных заблуждений о Брюсе Ли является то, что он родился в богатой семье. Часто можно прочесть фразу “по гонконгским стандартам”, когда речь идет о доме Ли, который находился в Коулуне, над рядом многолюдных магазинов и был чем угодно, только не образцом лучших домов и садов. Не считая родителей и четырех сиблингов, дом на Натан Роуд, 218 предоставлял ночлег и питание тете Брюса и пятерым ее детям, а также супружеской паре и их сыну Ву Нгану, который двадцать лет спустя как дворецкий Брюса считался прессой главным подозреваемым в его загадочной смерти.

За железной дверью-гармошкой было несколько скудно мебелированных и разделенных комнат. Ни у кого из почти двадцати жильцов не было своей спальни, вместо этого все это крошечное помещение было разделено на тесные зоны отдыха. Хотя в доме была ванная комната, ванна часто использовалась в период засухи, чтобы экономить воду для приготовления пищи и спуска воды в уборной.

Не считая тысяч китайцев, живших в грязных трущобах, сделанных из палок, брезента, картона и гофрированной стали, и еще более тысяч других, которые жили как незаконные поселенцы на крышах многоквартирных домов, семья Ли жила подобно подавляющему большинству китайцев в Гонконге весной 1941-го как селедки в ветхих квартирных домах, окруженные городским улем кричащих неоновых вывесок и шумных прилавков. Среди ароматов пряностей, благовоний, кипящего масла в казане, систем открытых водосточных труб, парфюма и пота тел, ревушей музыки радиоприемников, безостановочного звона ложек, игральных костей маджонг, монет, абаки, молотков и электродрелей Брюс тем летом очень страдал от изнурительной

жары и влажности, охватившей остров Гонконг и прилегающий район Коулун.

Еще одним заблуждением относительно Брюса является то, что он родился в этом мире с потрясающими мышцами и безграничной энергией. Наоборот, Брюс с самого начала был чрезвычайно хрупким ребенком и болезненно медленным в физическом развитии. Причина этого заключалась в том, что он родился с заболеванием, известным как крипторхизм, то есть нарушение, при котором одно или два яичка новорожденного не опустились до его рождения. Это состояние часто естественным образом корректируется введением андрогена, мужского полового гормона, который ни младенец, ни его мать не выработали в восьмой внутриутробный месяц развития плода. Хотя неизвестно, подвергался ли Брюс лечению в раннем детстве, вопрос, касающийся истории болезни, заключается в том, почему первичный дефект остался у Брюса неисправленным до значительного времени во взрослом возрасте. В результате крипторхизма Брюса его костный и мышечный рост был затруднен, и в течение всей жизни его половая система никогда не переступала период полового созревания. Что до хорошо развитого и сформированного тела, благодаря которому он получил титул “самого атлетичного человека в мире”, несмотря на свои широко освещенные в прессы физические тренировки, это геркулесово телосложение просто не было его естественной генетической способностью. Более того, особенно важно для понимания ранних лет Брюса то, что основным симптомом, который наблюдается у большинства детей с нелеченым крипторхизмом, это психосоциальная незрелость.

8 декабря японцы перешли границу Гонконга. Следующей ночью 38-я дивизия японской армии атаковала гранатами и автоматами территорию к югу от Коулун, известную как «Аллея контрабандистов», одновременно бомбардируя и обстреливая артиллерийским огнем территорию у аэропорта Кай Так и разнося в щепки Королевские ВВС Великобритании. К рассвету японские артиллеристы обстреливали обратную сторону гавани, а пикирующие бомбардировщики сбрасывали бомбы на Центральную площадь, и впервые в истории полный хаос ударил по прибрежной части города. Гонконг быстро пал перед японцами на Рождество 1941-го, после символического, но отчаянного боя с гонконгскими волонтерами, рядовыми британской и индийской армии, и юным, неопытным экспедиционным подразделением из Канады. В соседнем Коулуне отец Брюса, Ли Хой Чуэнь, едва избежал смерти, когда бомба пробила крышу курильни опиума, где он был постоянным посетителем. Хотя

бомба так и не взорвалась, она раздавила на смерть человека, спавшего на соседней кровати.

Через пару недель японский воевода генерал-лейтенант Рэнсукэ Исогаи разместил свой первый манифест на пьедестале статуи королевы Виктории на одноименной площади: “С теми, кто преступит закон и не будет находиться в положенных местах, я поступлю согласно военному закону, не проявляя жалости”.

Действия японцев в Гонконге были позорными. Сразу после вторжения они умышленно разрешили своим войскам творить, что хотят, и те повсюду насильствовали и грабили. Тогда как кэмпэйти (военная полиция) мучила пленников с той же готовностью и жестокостью, что и гестапо, к китайскому населению в целом относились с абсолютным высокомерием.

Прохожий, который не поклонился японским солдатам, получал пощечину или удар прикладом винтовки. Многие другие были бесцеремонно отправлены за решетку. Как гласит легенда, в это время Брюс, едва выросший из подгузников, как утверждают, взобрался на крышу здания, гневно тряс кулаком японским самолетам, пролетавшим над головой.

Японская оккупация дала многочисленным триадам Гонконга беспрецедентную возможность закрепить контроль над черным рынком и торговцами-нелегалами. С уничтожением британской администрации и полиции синдикаты триад достигли соглашения с японцами и им было позволено управлять нелегальным бизнесом в обмен на предоставление японцам разведанных и помогая им сохранять порядок. Также в качестве одного из пунктов соглашения японцы уничтожили гонконгские полицейские сводки о триадах.

Будучи обычным подростком, Брюс смотрел, как на его глазах рушится родина. Школы буквально пустовали. Еда и топливо стремительно сокращались, повсюду свирепствовали уличные банды, которыми управляло организованное преступное сообщество, практически диктовавшее, какие китайцы будут есть, а какие останутся голодными. Поскольку полиция едва могла справиться с ежедневным уровнем серьезных преступлений и обращала меньше внимания на крупные синдикаты, триады использовали проблемы полиции в своих целях. Во время масштабного послевоенного движения набора в полицию сотни членов триад тайно вступили в японскую полицию.

Затем, в августе 1945-го, после того, как американская атомная бомба была

сброшена на Хиросиму, сэр Сесиль Харкерт из британского флота вошел в “очаровательную гавань” во главе британского флота, чтобы восстановить присутствие ее Величества в опустошенной войной британской колонии Гонконга. Хотя китайцы успокоились, видя, как британцы пытаются вернуть дом правительства, отношения между Драконом и Львом продолжали оставаться взаимно прохладными. Хоть и сделали вид покорного подчинения, на самом деле китайцы просто терпели британцев. Когда Брюс был ребенком, в театрах в финальных титрах звучал гимн “Боже, Храни Королеву”, но эта практика была прекращена из-за недостатка патриотической реакции. Немногочисленные британцы стояли по стойке смирно во время исполнения гимна, когда китайские зрители безразлично уходили прочь. Медленный с точки зрения перемен, почти двадцать лет спустя в 1964-ом, Гонконг вошел в историю как единственный город в мире, в котором знаменитые волосатики Британии – «Битлз», потеряли свои деньги.

Начав в шесть и продолжая до восемнадцати лет, Брюс часто снимался в китайских фильмах, где сыграл в более двух десятках картин. Однако назвать его детской кинозвездой, словно он был китайским аналогом Мики Руни, было бы большим заблуждением. В китайской киноиндустрии никогда не было детских кинозвезд, какими мы знаем их на Западе. У них есть только дети, которые играют в китайских фильмах. Верно, что Брюс был плохим учеником в школе, и кроме средних оценок по искусству и истории, получал двойки и часто временно исключался за плохое поведение и драки. Наподобие мира бизнеса, даже в 1950-х образовательная система Гонконга была отмечена жесткой конкуренцией, до такой степени, что будущее ребенка определялось аттестатом нулевого класса в школе.

Будучи проблемным и неусидчивым ребенком, в возрасте пятнадцати лет Брюс проявил живой интерес к боевым искусствам. Для справки: в это время большинство школ боевых искусств Гонконга были либо сообществами триад как таковыми или были филиалами триад.

Сперва Брюсу показали грациозное искусство тай чи, но он быстро утомился, потому что на его взгляд оно было неэффективно, и начал изучать стиль кунг-фу Хунга. В конце концов он отказался и от стиля Хунг, якобы потому что потерпел поражение в бою. На самом деле с рождения и до самой смерти Брюс интересовался системой боевых искусств, которая сделала бы его победителем на улице.

Некоторое время он был равнодушен к стилю кунг-фу вин-чунь, потому что

изучающие его редко проигрывали уличные оби. В 1956-ом Брюс присоединился к школе Вин-Чунь. Этот стиль преподавал великий мастер Ип Ман, который был хорошим другом отца Брюса Хой Чуэня. Они познакомились еще живя в небольшой деревушке в Кантоне. Легендарный по праву Ип Ман, весивший менее 110 фунтов, по словам Брюса, был человеком с самым жестким ударом кулака из тех, что он встречал, и по слухам однажды убил человека одним ударом. На первой стадии обучения процесс шел тяжело, и Брюса на занятиях часто сбивали с ног. Однако к концу первого года обучения он стал одним из самых подающих надежды учеников Ип Мана, и вскоре стал одержим мыслью однажды стать мастером. К концу второго года он достиг уровня продвинутого ученика, который часто и дерзко бил себя кулаком в грудь. Вспоминал его брат Роберт: “Брюс был королем хулиганов, боссом всей школы (имеется в виду средняя школа, в которой учился Брюс)”. И даже Ип Ман отмечал, что “Брюс абсолютно сконцентрирован и дерется как сумасшедший”.

Хорошо известно, что юношей Брюс испытывал привязанность к уличным бандам и его часто можно было найти болтающимся по улицам с цепями и ножами. Также верно, что триады всегда использовали этих матерых хулиганов в качестве временного источника силы. Как резкий контраст к молодым бандам, хорошо известным в Соединенных Штатах, члены гонконгских банд всегда имели привлекательный внешний вид и коротко стригли волосы. Что до высшего эшелона офицеров триад, то они разительно отличались от главарей мафии, выставляемых напоказ перед телекамерами в США. Одетые в темно-синие и серые костюмы, скромные рубашки и галстуки, они были больше похожи на банкиров, чем на крестных отцов мафии.

По имеющимся данным никто не подтверждал, что Брюс Ли когда-либо официально входил в состав той или иной триады. Возможно это из-за того, что признанное членство в триаде всегда считалось в Гонконге серьезным преступлением. Более того, члены триад скрепляли кровью клятву о неразглашении. С редкими исключениями члены триад скорее бы умерли, чем нарушили эту клятву, даже перед сенатской подкомиссией Соединенных Штатов по организованной преступности.

Однако в конце 1970-х отъявленный босс триады, приговоренный к заключению в США, сделал заявление не для протокола. Его звали просто Ма. “Когда мне было 14, я присоединился к триаде. Как и во всех организациях, куда вступают, ты должен

принести клятву о неразглашении, скрепив ее кровью, и обещая никогда и никому не рассказывать о деятельности триады. Мое вступление в триаду было очень естественным процессом, потому что когда мне было 10 лет, я тусовался с членами триад и играл с ними. Поскольку я был довольно мал, от меня не слишком много требовалось, но через несколько лет я стал принимать участие в уличных боях, чтобы защитить нашу территорию. Мы часто дрались с триадами Сунь Йи Онъ и Уо Шин Уо. Когда мне было 18, будучи членом триады, я сдал экзамен и вступил в королевскую гонконгскую полицию”.

Равноценно всему остальному, высеченное на камне в виде клятвы триад кровью, что членство в триаде длится всю жизнь. От этого никуда не деться. Принятый член принадлежит боссам триады до самой своей смерти.

В подростковые годы Брюса жизнь в колонии начала ухудшаться. В марте 1952-го развернулись восстания в Коулуне, когда правительство отказалось позволить миссии из Кантона оказать помощь жертвам огня незаконных поселенцев. Затем в 1953-ем на Рождество территория нелегальных поселенцев Гонконга Шек Кип Меи вспыхнула пламенем, оставив 53 000 людей без крова, и следом за этим в 1956-ем произошел очередной приток иммигрантов. С учетом гонконгского населения, превышающего 2,5 миллионную отметку, бараки незаконных поселенцев начали появляться во всевозможных щелях. С приступом летней жары и влажности, на улицах стали вспыхивать мятежи и кровопролития между националистами и коммунистами.

И хотя на них был наложен официальный запрет, введены ограничения, и к ним с неодобрением относились многие страны мира, особенно их азиатские соседи, китайское население Гонконга столкнулось с жесткими мерами, наподобие тех, от которых большинство спасались бегством. Для многих юношей единственной возможностью было отдаться в их руки и уйти в волшебный мир опиума или согласиться на жизнь уличных преступлений. В конце 1950-х перспективы у Брюса Ли были не лучше других. На боевых искусствах нельзя было заработать денег, и выбор в пользу карьеры актера в китайских фильмах или успехов в образовании, сделал бы перспективы еще более мрачными.

Факт: в Гонконге самооценка человека прямо пропорциональна его способности зарабатывать деньги. Для понимания движущей силы, которая стимулировала Брюса Ли от колыбели до могилы, крайне важно, что многие сильно недооценивают высшую ценность, которой он наделил приобретение всемогущего доллара. Причина проста.

Гонконг всегда была городом, где деньги дают божественную власть. По всему Гонконгу кричащие признаки успеха всегда были в большом изобилии – розовые роллс-ройсы и розовые норковые шубы, инкрустированные драгоценностями золотые часы, частные ночные клубы, где бизнесмену может обойтись в 1 500 долларов просто посидеть несколько часов с проституткой, именные номерные знаки со счастливыми номерами, которые обходятся владельцам машин до 175 000 долларов, самые дорогие в мире бизнес-центры, сделанные из мрамора и стекла стоимостью в 1 миллиард долларов. Гонконг - это город, где кучка баснословно богатых китайцев меняют одни социальные излишества на другие. Помимо всего прочего Гонконг всегда был местом, где бизнес превосходит все остальные человеческие цели, когда успех измеряется количеством машин, шуб, восточного антиквариата и драгоценных камней, которые есть у человека, и высотой, которую он занимает на пике этой пирамиды. То, как каждый получает свои деньги, мало волнует гонконгцев. Сам факт значения – вот что всегда имело значение.

Факт номер два, который никогда не менялся: в Гонконг иммигрируют только богатые. Чтобы увидеть полную картину детства Брюса в Гонконге, нельзя проигнорировать тот факт, что он родился в Сан-Франциско и соответственно был официально американским гражданином по праву происхождения.

Статус американско-китайского гражданина, живущего в Гонконге в 1940-50-х, был для Брюса Ли равноценен драгоценному. По большому счету ему не нужно было ходить в школу, и не нужно было ни перед кем заискивать, будто то семья, друзья или враги. Как блудному сыну все, что ему нужно было сделать, это вернуться в место своего рождения и заявить о своем праве на гражданство. Понятно, что этот редкий титул как некое подобие европейской королевской крови, способствовал самоуверенности Брюса, так как сделал его важной личностью во многих кругах и среди многих китайцев, поскольку после его окончательного переезда в Соединенные Штаты, другие могли бы последовать его примеру посредством брака или спонсорской поддержки, к чему позже и прибегли некоторые члены его семьи.

К середине 1950-х преступное сообщество триад полностью вышло из-под контроля, и гонконгский комиссар полиции под сильным давлением Лондона организовал «Комитет по борьбе с сообществами триад». Практически в одночасье британское руководство начало первую нешуточную войну против триад, арестовав более 10 000 их членов. Многие были заключены в тюрьму, другие депортированы, а

большинство вошли в систему полицейского надзора, напомиравшего условное освобождение.

Осенью 1958-го, по мере приближения восемнадцатого дня рождения Брюса, Грейс села за стол с Брюсом и другими членами семьи. Старший брат Брюса Питер открыто говорил о том, что слышал на улице. Брюс нажил себе много врагов. Некоторыми из них были члены триад, которые открыто говорили о своем желании убить Брюса. В возрасте семнадцати Брюс уже встал на курс, грозивший обернуться для него катастрофой и был обречен стать кормом для крабов на дне загрязненной гонконгской гавани. Пришло время убираться Брюсу из Гонконга.

По принципиальным соображениям, чтобы китайскому гражданину было разрешено покинуть остров Гонконг и уехать в Соединенные Штаты, он должен был получить справку из полицейского управления без единой записи о нарушениях. Когда Брюс подал запрос на получение этого сертификата, полиция сообщила ему, что он находится в списке отъявленных нарушителей. Понадобилось немало усилий, чтобы обелить имя Брюса перед его отъездом. С приближением смерти с косой, наконец настало время блудному сыну вернуться домой, чтобы заявить о своем долгожданном гражданстве. Так, 14 октября 1958-го Брюс Ли поднялся на палубу третьего класса лайнера Америкэн Президент Лайн с одной единственной купюрой в сто долларов в кармане рубашки, и пообещав отцу, что “разбогатеет”, отплыл в город своего рождения, решив для себя стать дантистом.

ГОДЫ, ПРОЖИТЫЕ В СИЭТЛЕ

После восемнадцатидневного путешествия по Тихому океану корабль причалил к Сан-Франциско, вернув Брюса Ли в город его рождения. Несколько месяцев Брюс слонялся по китайскому кварталу Сан-Франциско, обучая танцам желающих, но его пребывание оказалось недолгим из-за проблем то ли с каким-то человеком, то ли с группой людей из китайского сообщества. По этому вопросу известно немного, только о факте самой проблемы.

Известно, что в это время мать Брюса позвонила другу семьи, которая жила в Сиэтле, очень влиятельной китайке по имени Руби Чоу, и что Брюс быстро покинул территорию Залива. Пинга Чоу, приятеля и близкого друга отца Брюса, а по совместительству актера кантонской оперы, Руби выходила в Нью-Йорке, когда с началом Второй Мировой Войны труппа осталась в Штатах без средств к существованию. Годы спустя, после того, как вышла замуж за Пинга, Руби избрали на должность домоуправляющей в Сиэтле.

Брюс Ли встретил в лице Руби Чоу сложного по характеру человека. Она владела трехъярусным зданием, служившим и домом и местом работы многим молодым китайским иммигрантам, которые стремились начать новую жизнь в Америке. На цокольном этаже располагался первый китайский ресторан, открытый за пределами китайского квартала Сиэтла, а два верхних этажа использовались как жилые помещения.

По приезду из Сан-Франциско Брюс въехал в крошечную спальню на третьем этаже дома Руби Чоу. Днем он ходил в среднюю техническую школу Эдисона, а вечером работал в ресторане помощником официанта. Вскоре он устроился на вторую работу, по утрам набивая газеты «Сиэтл Таймс» рекламными вкладышами.

В это время Брюс знакомится с человеком, который стал его первым учеником и помощником инструктора в Соединенных Штатах, понимающим и эрудированным человеком по имени Джесси Гловер. В своей книге «Брюс Ли» Гловер вспоминал, как провел первые шесть месяцев, работая с Брюсом над проблемами с адаптацией, которые испытывал его друг и учитель.

По словам Гловера, хотя в Гонконге Брюс получал удовольствие от своего важного уличного статуса, в Америке на него смотрели отчасти как на ботаника с его странными замашками и толстыми очками в роговой оправе. Вдобавок у Брюса была большая проблема с выражением своих мыслей, как и с произносимыми словами, как в английском, так и в китайском, и невероятный комплекс из-за небольшого роста. И наконец, самая испытывающая проблема Брюса заключалась в том, что он испытывал большие трудности с адаптацией к психологии уличного выживания в Америке, принципы которой значительно отличались от тех, к которым он привык в Гонконге.

Что касается тогдашнего представления Брюса о самом себе, важно понимать, что в Гонконге в 1950-х специалисты кунг-фу считались немногим лучше хулиганов. Вероятно по этой причине Брюс приехал в эту страну с двадцатью парами туфель с кубинскими каблуками и таким же количеством костюмов, и хотел спортивную машину для завершения своего образа.

Бесспорно, что в жизни Брюс сделал очень большую ставку на деньги. Когда он впервые приехал в Сиэтл, хоть он искренне верил, что сможет зарабатывать 30 000 в год, штампуя фильмы о кунг-фу в Гонконге, и часто говорил о желании однажды стать величайшим специалистом кунг-фу в мире, чего он на самом деле хотел, так это стать богатой голливудской кинозвездой.

Неудивительно, что проницательность Гловера легко определила психологический профиль этого молодого китайского юноши, который провел последние восемнадцать лет в оккупированном иностранцами и наводненном беженцами Гонконге. Свойственными для многих были страх и неопределенность, возникающий из расовой враждебности гнев, недостаток самолюбия у охваченных паникой людей, и крайняя необходимость контролировать каждый аспект своей окружающей обстановки.

Когда Брюс впервые приехал в Соединенные Штаты, он почувствовал, что в своем владении искусством вин-чунь он не вышел за рамки умений продвинутого новичка. Поэтому в начале 1960-х он видел в себе неизвестного китайского специалиста по кунг-фу в Америке, натравленного на хорошо развитые японское и корейское сообщества боевых искусств. Если мы добавим к этому скрытые национальные конфликты, существовавшие в то время, и тот факт, что Брюс еще не достиг двадцатилетнего возраста, тогда без труда будет понятно, как его могли тревожить эти опасения. Как ни странно, что касается боевых искусств, это вероятно

был единственный раз в жизни Брюса, когда он выражал какую-либо степень покорности.

Вскоре после приезда Брюса в Сиэтл, он начал тренироваться с человеком по имени Фук Янг, инструктором китайского молодежного клуба. В обмен на уроки вин-чунь Янг обучил Брюса форме под названием Джит Кюн и множеству стилей, включая Пак-Куа и Богомола. В дополнение к этим тренировкам с Янгом, Брюс также начал обучаться дзюдо у чемпиона Штатов Шудзо Като и изучать кунг-фу в школе Чой Ли Фут с Ричардом Лунгом.

Живя в Сиэтле, Брюс проводил много времени, штудировав книжные магазины китайского квартала Сиэтла и путешествуя в Канаду в поисках текстов по боевым искусствам. За год он собрал внушительную библиотеку по обширному ряду восточных боевых искусств. Однако следом за изнурительным обучением Брюс пришел к выводу, что настоящих мастеров не существует, и счел это личным оскорблением. Многие личности, близкие к Брюсу в течение его жизни, считали, что его одержимый поиск к тому, чего он добился как настоящий мастер боевых искусств, подогревали его неудовлетворенные отношения с отцом.

В это время в начале 1960-х Брюс начал то, что станет пожизненным поиском своей собственной системы боевого искусства. Не останавливаясь ни перед чем он расширил свое обучение в области реслинга, бокса, сават, карате и фехтования, если называть наиболее важные.

В своей книге «Безграничная Мощь» Энтони Роббинс утверждает: «Первые лица этого мира нередко являются профессиональными модельщиками – это люди, которые достигли совершенства в искусстве, изучив все, что можно, следуя больше опыту других людей, чем своему собственному». И далее: «Чтобы смоделировать совершенство, вы должны стать детективом, экспертом, тем, кто задает множество вопросов и отслеживает все ниточки, ведущие к совершенству». Одно из величайших достоинств Брюса заключалось в том, что он полностью уяснил этот принцип в своей жизни.

Брюс всегда утверждал, что ненавидит китайский ресторанчик Руби Чоу, потому что считал, что она эксплуатирует дешевую китайскую рабочую силу, хотя на самом деле все было гораздо проще – он считал, что он выше мытья посуды за минимальную заработную плату. По мнению Брюса он был детской кинозвездой и очень популярным бандитом в Гонконге. Хотя бы потому что он считал, что из-за близости Руби к его

матери, она должна была относиться к нему как к желанному гостю, когда он стремился получить образование и преследовал другие интересы. Спустя некоторое время Брюс возненавидел один вид Руби и ее ресторана, и за последние тридцать лет единственный комментарий Руби в отношении Брюса был неизменным, независимо от того, кто ее спрашивал: “Меня всегда учили, что если не можешь сказать о ком-то что-то хорошее, не говори ничего”.

С конца 1950-х Брюс начал обучать кунг-фу небольшую группу учеников. В то время его немногочисленные последователи не платили достаточно для финансового поддержания платной школы, поэтому они встречались в неформальной обстановке в местных общественных парках и местах отдыха.

Что касается учебы, то в средней технической школе Эдисона Брюс сохранил средний балл успеваемости 2.6, и в конце концов поступил в университет Вашингтона после получения диплома средней школы в двадцатилетнем возрасте. Вскоре после поступления в университет, он по уши втрескался в симпатичную японку по имени Эми Саныбо.

Невысокая ростом и при этом невероятно красивая, Эми вспоминала о своем болезненном раннем детстве, когда в начале Второй Мировой Войны она и ее семья были интернированы правительством Соединенных Штатов.

“В моей памяти все еще ярки воспоминания о лагере Тюл Лейк, и это было далеко не самое приятное место. До десяти лет меня не переставали мучать кошмары, сны, как посреди ночи проезжали танки, а солдаты наводили на меня оружие, когда мне было три годика. Помню, как на моих глазах умирали люди. Вот у меня перед глазами лежит мертвый человек, а рядом жена прижимает полотенце к его горлу, где алеет нанесенная ему от уха до уха рана”. В глазах Эми эта картина сменяется портретом отца, висевшим рядом с книжным шкафом из красного дерева. “По вечерам отец включал шестую симфонию Бетховена, пастораль. И хотя семье было разрешено взять всего два чемодана в лагерь для интернированных, он набил их пластинками и классикой Гарварда. Так что я засыпала под шестую симфонию Бетховена, пока отец читал мне Торо”.

После окончания войны Эми и ее семья какое-то время жили на острове Вашон, а затем переехали в Белвью. Это места, где отец Эми был смотрителем. После смерти отца Эми и ее сестру мать забрала в Сиэтл. “Думаю, можно сказать, что мы жили там,

что сейчас называют гетто. Вечерами становилось очень оживленно, постоянно слышались sireны полицейских машин, крики проституток, работавших на улице”.

Эми вспоминает, как впервые увидела Брюса Ли. “Я сидела в ХАБе (студенческое общежитие) и про себя отмечала, что этот азиат пододвигается все ближе и ближе к тому месту, где мы сидели. Так или иначе, мне нужно было идти на занятия, и я начала проходить мимо него, как он вдруг подскочил и схватил мою руку, большим пальцем руки сжав ее с такой силой, что я подумала, что умру, у меня подкосились колени, я уронила книги на пол и закричала: “Отойди от меня, пока я не разозлилась!” Он сделал это, и я спросила его, зачем он так меня схватил, а он ответил, что демонстрировал что-то своему другу. Я понятия не имела, о чем он говорит. Мне просто было больно. И боль не прекращалась целую неделю, я имею в виду, у меня остался синяк на руке. Я подумала про себя: “Ну и законченный придурок!”, повернулась и пошла прочь.

“В следующие две недели Брюс продолжал появляться из ниоткуда” – продолжает Эми. “И он спрашивал: ‘Как себя чувствуешь? С тобой все в порядке? Меня зовут Брюс Ли’. Он был таким настойчивым. Он находил любой предлог, чтобы поговорить со мной”.

В течение жизни вероятно самым большим недостатком в характере Брюса было то, что он считал совершенно невозможным извиняться перед кем-либо. Тем не менее, он часто находил другие способы загладить свою вину, как это было и с ранним нападением на Эми.

“Я повредила лодыжку во время тренировки по танцам, и в результате мне пришлось ходить на костылях целую неделю” – улыбнулась Эми, покачав головой, будто не веря своим словам. “И для того чтобы попасть утром в школу, мне нужно было пройти через автостоянку, а затем пересечь 23-ю авеню, а потом подняться по невероятному лестничному маршу из 367 бетонных ступенек к северу от футбольного стадиона. Это было настоящее путешествие. А потом как-то утром появился Брюс, взял меня на руки и понес, вместе с книгами, костылями и тяжелым пальто до самого конца этих ступенек! Это было не только подвигом, но и шикарным жестом. И он делал это каждый день всю неделю, пока я ходила на костылях. И он делал это не только на лестнице. После школы он носил меня на руках на третий этаж моей комнаты и всюду, где на его взгляд у меня могли быть трудности. Думаю, это более чем загладило его вину от того, что он оставил синяк на моей руке”.

“Больше всего мне нравилось в Брюсе то, что он никогда не извинялся за то, что был азиатом” – вспоминает Эми. “В то время большинство моих восточных приятелей извинялись. Я имею в виду они занимали второстепенное положение по отношению ко всем белым, что приводило меня в ярость. Брюс был настолько самоуверенным, что это было так здорово. Он был азиатом. У него было восточное лицо, похожее на мое, и он не извинялся за это, и мне это очень нравилось”.

Эми вспомнила о том времени, как Брюс, человек, которого редко кто-то пугал, пересекся со всемирно известным Теодором Ретке. “Итак, вот стоит великий Теодор Ретке, обладатель премии Пулитцера, а мы с Брюсом вдвоем занимаемся в классе Ретке в университете. Тут вам нужно знать, что Теодор Ретке был единственным преподавателем на отделении английского языка, у которого был свой кабинет. И вот входит Ретке – человек настолько огромный, что он часто описывал себя в образе медведя в своих поэмах – и говорит: ‘Я Ретке, поэт! Вы в моем кабинете!’ Я была в полном шоке и подумала: ‘Ретке, Боже мой!’ И мне хватило ума отступить: ‘Ладно, я склонюсь в почтении. Буду молчать’. Но Брюс и не подумал отступить. Он встал, подошел прямо к Ретке, и, указав на себя рукой, сказал: ‘Я Брюс Сифу Ли’, с ударением на Сифу, ‘мастер кунг-фу’. Боже мой, я уже была готова пролезть под дверь, и надеялась, что Ретке не заметил меня. Кажется, я стояла в изумлении какое-то время, а затем следующее, что я помню, это как я поднимаю глаза и вижу, что Брюс стоит у доски с кусочком мела, читая лекцию Ретке, сидящему в первом ряду! И Брюс объясняет поэту, обладателю премии Пулитцера, основы кунг-фу и рисует китайских героев на всей доске Ретке. Вот так следующие полчаса я стояла, абсолютно замороженная тем, как Брюс очаровывает, если не сказать гипнотизирует, Теодора Ретке и думала: ‘Боже мой, это совершенно и абсолютно невероятно!’ Это было в 1961-ом, на первом курсе обучения Брюса в университете. Они больше не виделись, и к сожалению великий поэт умер два года спустя. А почти ровно через десять лет не стало и Брюса”.

Эми была талантливым и широко признанным хореографом танцев в течение тридцати лет. Она вспоминает о своих первых впечатлениях о Брюсе.

“В то время Брюс наблюдал за тем, как двигались черные, потому что они были такими классными танцорами, а Брюс был признанным чемпионом по ча-ча-ча в Гонконге. Поэтому он наблюдал за черными. И я видела, как он смотрит, как они ходят по улице. Думаю, поначалу он их просто пародировал, а вскоре обнаружил свое

уникальное самовыражение. Но вне зависимости от конечного результата, помню, думала, что в этом человеке что-то есть. Он необычный, и я видела это в его движении”.

Ранее Эми использовала понятие кинетического гения для описания уникального таланта Брюса. “Кинетический гений, именно таким был Брюс” – сказала она живо. “Я имею в виду, он мог просто посмотреть на движение и ассимилировать его, впитать, стать этим движением. Я была танцором всю свою жизнь, и всегда тесно работала с движением. И я тут же поняла, что Брюс двигался так, как ни один другой азиат не двигался”.

“Меня ужасно привлекают талантливые люди, и я видела, что Брюс был невероятно талантлив, хотя из его рта часто звучали ужасные вещи, которые были просто невыносимы. Но дело в том, что нас обоих увлекало движение. Это было то, что нам обоим физически нравилось делать. Как танцор, когда я выступаю, это почти состояние оргазма. В какой-то мере это очень сексуально, и я понимала, что Брюс отчасти был таким же. И потом, иногда после его или моей тренировки было просто приятно побыть с кем-то, кто разделял эту сильную любовь и понимание движения”.

Эми погрузилась в мысли на продолжительное, задумчивое мгновение, стараясь подобрать слова. “С самого начала Брюс был открыт и честен о своей проблеме в сексуальном плане. Мы поговорили об этом, и я сказала: ‘О, я понимаю. Это не проблема’. Но в голове у меня вертелась мысль: ‘У него есть проблема’. Но хорошо, что мы обсудили ее открыто, и думаю он почувствовал себя комфортнее, что я хочу работать с ним над этим, но с течением времени это стало большей проблемой, чем кто-то из нас предполагал вначале”.

Хотя Эми не понимала причины несерьезного отношения Брюса к сексу, что часто казалось ей симптомом мужской импотенции, она неизбежно натыкалась на его неисправленный детский крипторхизм, о чем в силу своей прямолинейной сущности Брюс часто говорил многим незадолго до их знакомства.

Лонни, близкая подруга Эми, знавшая Брюса по университету Вашингтона, уточняет: “Конечно, очаровательным в Брюсе было то, что он говорил тебе обо всех вещах, о которых остальным было неловко говорить. У него была детская открытость, временами по-настоящему прекрасная. Само собой, годы спустя, когда он вернулся в Гонконг, все изменилось”.

“Было такое чувство, что он не может перестать быть таким честным по любому вопросу” – вспоминает Эми. “Временами он видел меня и улыбался своей глупой ухмылкой, и был непостоянным, и это мне казалось очаровательным. А потом он настолько увлекался чем-то, что даже смеялся от радости. Я заметила, что он носит эту классную рубашку, и сказала ему: ‘Тебе очень идет эта рубашка, Брюс’, а он хихикал и спрашивал: ‘Думаешь? Правда?’ И однажды утром он увидел Лонни и сказал: ‘Думаю, Эми любит меня на 80%’. А потом на следующий день он сказал: ‘Думаю, на шестьдесят процентов Роджера, и, может, на сорок меня’. Он каждый день говорил процентами, и это было довольно забавно”.

Бесспорно это были лучшие годы в жизни Брюса. Лишь в них можно найти теплые воспоминания о том, как он обучал кунг-фу маленьких китайцев в китайской баптистской церкви; проводил вечера в крошечной комнате без окон, готовя свое любимое мясо под устричным соусом и лапшу; долгие прогулки у озера. Это была единственная простая жизнь, которую знал Брюс, вероятно потому что это были годы без препаратов, еще до того, как деньги и слава позволили эго проявить себя. Возможно это было потому, что впервые в свои взрослые годы он не жил жизнью члена уличной банды в Гонконге.

Примерно в то же время Брюс начал практически ежедневно предлагать Эми выйти за него замуж. Узнав о ее любви к литературе, он начал писать ей стихи о любви и цитировать романтическую поэзию китайских классиков. Отдав Эми кольцо, которое когда-то принадлежало его прабабушке, Брюс организовал приезд своей тети Евы Тсо, которую он часто называл своей матерью, в Штаты специально для встречи с будущей невестой.

“Все это было для меня ужасно неловко, потому что Брюс никогда не говорил, что эта женщина придет на встречу со мной” – вспоминает Эми. “И, видите ли, по азиатскому обычаю, получение благословения от близкого родственника, это всего один шаг от официальной церемонии. Все это обеспокоило меня, потому что у меня было много дел в жизни. Я хотела большего, чем домоводство и дети, и думала, что Брюс понимал это. Но он продолжал давить”.

Из-за своего детского интернирования, Эми всегда проявляла симпатию к тем, кто был менее удачлив, чем она, и этот момент Брюсу следовало учесть, когда он делал ей предложение, чтобы они с Эми поселились в Гонконге. “Я смотрела документальные фильмы о Гонконге, и то, что я в них увидела, было ужасно. Знаете,

беженцы на лодках, город выглядел перенаселенным” – говорит Эми. “Он выглядел заброшенным, словно бедность захлестнула его. И я сказала Брюсу, что не знаю, смогу ли это вынести. Это бы просто причиняло мне боль. И он ответил, что нам не нужно там жить, что мне не придется видеть эту часть жизни. Я хочу сказать, это ведь происходит у тебя на глазах. Он ответил, нет, мы будем жить в особняке на Пике Виктории и смотреть сверху на город, как в фильме «Мир Сюзи Вон». Я ответила: ‘Нет, я не смогу так жить. Я не могу игнорировать людей на лодках. Они живут в нищете, Брюс. И я не могу чувствовать себя комфортно, живя на каком-то холме со слугами. Я не смогу с этим справиться’”.

Трудно понять, почему Брюс считал обязательным предлагать Эми роскошный образ жизни, который он бесспорно не мог себе позволить. В каком-то смысле многие считали, что он живет жизнью Великого Гэтсби.

“Видите ли, Эми отчасти человек из гетто” – отмечает Лонни. “И когда вы говорите о Брюсе, живущем в условиях перенаселения на Натан-роуд над рядом магазинов, между ними есть некое сходство, потому что Эми жила в гетто с тех пор, как ее мать овдовела и стала работать прислугой. И возможно поэтому это было знакомо Брюсу, а мы не понимали этого, и само собой, все время, когда он намекал на благосостояние своей семьи в Гонконге, он жил в крошечной комнате на третьем этаже у Руби Чоу”.

“Это было больше, чем четкие различия в нашей социальной осведомленности” – вспоминает Эми. “Помню, как-то незадолго до разрыва отношений Брюс спросил меня, что он может сделать, чтобы покорить меня, и я надолго задумалась, и ответила довольно искренне: ‘соответствовать моим оценкам’. Думаю, что в конце концов поставило точку в наших отношениях, так это что Брюс не был так же глубоко образован, как я, и что он был сосредоточен только на физической стороне жизни”.

Существовала гораздо большая проблема в том, что Брюс хотел, чтобы Эми следовала восточной традиции и доживала свой век как его нежный цветок лотоса. Эта тема вогнала Эми в краску. “Я не собиралась подчиняться Брюсу, несмотря на его требования. Это была постоянная борьба. Если женщина не была достаточно независима, чтобы постоянно выражать свое мнение, он угнетал ее еще сильнее. Такой у него был темперамент. Между тем я считала, что у меня была власть над ним, потому что я не позволяла ему ничего подобного. Если только он не стал бы избивать меня до полусмерти, тогда я бы застрелила его. Он был тем человеком, кто считал,

что женщины созданы для того, чтобы их использовали, и постоянно цитировал строчку из «Король и я» о пчеле, порхающей с цветка на цветок и с лепестка на лепесток, и поэтому он был настоящим классическим самцом, именно таким. И это обычно оскорбляло меня, и я даже написала ему в ответ стихи, не четверостишием, как он обычно писал в китайских стихах. Я написала ему длинную поэму о том, что думаю о нем, и подумала, если он поймет, о чем речь, тем лучше для него, но потом я поняла, что он не смог. Нет, я не пыталась изъясняться витиевато, я говорила открыто”.

Эми чувствовала, что в мужском шовинизме Брюса было нечто большее, чем дальневосточное воспитание. “Брюс держал в себе много боли и значительную долю гнева как результат эмоциональных шрамов, полученных в детстве. Я считала, что причиной тому были отсутствие интереса со стороны отца и его больший интерес к сыну Питеру, чем к Брюсу. Но он никогда не говорил о своем отце. Он упоминал мать, но не говорил об отце. И когда кто-то спрашивал его о брате Питере, Брюс всячески избегал этой темы”.

Разрыв отношений не прошел гладко, и в конце концов Эми уехала в Нью-Йорк, где взяла летнюю подработку в подготовке ко всемирной ярмарке в Нью-Йорке 1964-го, дав указание матери и друзьям не говорить Брюсу о своем местонахождении. “Я просто чувствовала, что между нами все кончено, и знала, что Брюс был крайне одержимым человеком. Эта его особенность проявлялась и во время наших отношений. Он был не тем человеком, кто бы признал, что его отвергли. И он был достаточно настойчивым, и даже инфантильным, чтобы преследовать меня любой ценой. И я не знала, смогу ли с этим справиться”.

Брюс вернулся в Гонконг в некотором замешательстве, видя, как тает на глазах его роман с Эми Саньбо. В тот момент Гонконг не так давно пережил очередной массовый наплыв беженцев из коммунистического Китая. Начался рост барачников, семьи строили укрытия на крышах зданий и люди спали в парках и на улице. Засуха того лета только ухудшила ситуацию. Воду давали только на пару часов раз в четыре дня. Тем не менее, Брюсу удалось получить удовольствие в свое короткое пребывание. Он отправился плавать на песчаные пляжи, ходил в кино, посетил парк аттракционов, питался в ресторанах или просто наслаждался атмосферой и энергией оживленных улиц. Будучи там, Брюс продолжил серьезные тренировки с Ип Маном и имел недолгую связь с подружкой детства – Пак Янь.

С окончанием лета Брюс вернулся в Сиэтл, где продолжил повседневную жизнь в университете и на вечерней работе у Руби Чоу. Хотя он не прекратил одержимые поиски Эми, ее было невозможно найти. Во всех сферах по-видимому ничего не получалось. В университете не было будущего, что было более чем очевидно, когда в осенний семестр он провалил, среди прочих занятий, вступительный курс современного китайского языка.

Сочувствующий положению дел Брюса, Таки Кимура, один из первых учеников Брюса в Сиэтле, устроил так, чтобы ученики Брюса платили достаточную ежемесячную сумму, чтобы Брюс смог уйти с работы помощника официанта и переехать в собственную комнату. По крайней мере, ему больше не нужно было терпеть постоянные жалобы Руби о деревянной кукле, на которой он часто обрабатывал удары перед рестораном.

В следующие несколько месяцев Брюс увеличил свое расписание публичных демонстраций, и в результате количество их участников постепенно возросло. С увеличившимся доходом, Брюс подписал договор аренды на небольшое здание, которое вскоре станет домом института Чжун Фан Гунфу.

Незадолго до открытия института Брюс встретил девушку по имени Линда Эмери, которая только-только закончила гарфилдскую среднюю школу, где она не только блистала в учебе, но и входила в школьную спортивную команду по дайвингу и выступала в группе поддержки. Линда была белокожей блондинкой с голубыми глазами, рожденной и воспитанной в Сиэтле матерью со строгими религиозными ценностями. До этого Линда встречалась с молодым человеком, который был наполовину японцем, и ее мать пришла в ярость, узнав об этих отношениях. После этого, до поступления на первый курс в университет Вашингтона, в следующие несколько месяцев Линда начала время от времени встречаться с Брюсом тайком от матери.

Недавно учрежденный институт Чжун Фан Гунфу Брюса оказался недолговечным, в основном из-за высокой текучести учеников. В конце концов Брюс не смог платить за аренду и школу пришлось закрыть.

Понимая, что ему скоро придется закрыть школу и что у него снова нет реальных средств к существованию, Брюс начал по выходным ездить в Окленд, в основном, чтобы провести время со специалистом кунг-фу, Джеймсом Ли. Этих мужчин представили друг другу годом ранее, и они рассматривали возможность открытия

совместной школы кунг-фу. В то же время, зимой 1963-го, Джеймс привез Брюса Ли в Лос-Анджелес на встречу с кэнпоистом и обладателем черного пояса Эдом Паркером, который находился на первоначальной стадии организации первого международного турнира боевых искусств, запланированного на следующее лето в Лонг-Бич.

После трех лет в университете Брюс не смог получить достаточно зачетов, чтобы продвинуться дальше уровня первогодки и бросил учебу в конце весеннего семестра 1964-го. Буквально без гроша в кармане и без работы, он продал свою машину и переехал к Джеймсу Ли в Окленд, не планируя возвращаться в Сиэтл.

2 августа 1964-го Брюс выступил на международном чемпионате по карате, прошедшем в Лонг-Бич Муниципал Аудиториум. Это был первый крупный чемпионат по карате в Соединенных Штатах, и он прошел с ошеломительным успехом. Важнее всего остального было искреннее братство, объединившее все сообщество мастеров боевых искусств, приехавших со всех концов страны, чтобы выступить и посоревноваться. Воскресным вечером состоялся грандиозный финал, представивший заключительные спарринги. Билеты на это мероприятие были раскуплены за много месяцев, и около тысячи желающих остались за дверями. Никогда ранее публика не видела состязаний по боевым искусствам такого рода. Уроженец Гавайев, Майк Стоун, после молниеносного движения, получил звание чемпиона, и ожидание и приток адреналина были просто невероятными.

В этот вечер было много демонстраций. Чжун Ри, ростом в 5 футов 55 дюймов, провел невероятное выступление с прыжками в воздухе, разбивая в воздухе сосновые доски, подвешенные на уровне семи футов. Позже, Бен Ларгуса ошеломил зрителей филиппинскими смертоносными палочками – эскрима. Такаюки Кубота продемонстрировал то, что позднее журнал «Черный Пояс» назвал шокирующими трюками, а восьмилетний Рой Кастро, сын известного обладателя черного пояса района Залива, Ральфа Кастро, провел такую демонстрацию, что зрители стоя наградили его оглушительными аплодисментами.

В разгар этого величественного зрелища Брюс Ли, относительно неизвестный мастер кунг-фу из Гонконга, вышел на арену со своим продвинутым учеником Таки Кимура. Брюс был одет в черную одежду и странные черные ботинки, а Таки напоминал существо с другой планеты благодаря своему набитому ватой бронезилету, наколенникам и чем-то похожим на маску кэтчера на лице.

Хотя первоначально именно ослепительная скорость рук и ног привлекла всеобщее внимание, именно агрессивный и остроумный характер Брюса вспоминали месяцы спустя. Заносчивый. Высокомерный. Самоуверенный. Порой откровенно наглый. Необъяснимым образом, вся личность Брюса была удивительно похожа на знаменитого и эпатажного Мухаммеда Али. И как с Али, несмотря на заносчивость Брюса, люди были вынуждены болеть за него. Было что-то в этом взрывном юноше из Гонконга. У него было то, чего те, кто занимался боевыми искусствами, стремились достичь. По-видимому у него была внутренняя уверенность без прикрас, и судя по всему он был абсолютно бесстрашен.

Как резкий контраст к тому, что неточно изображено в фильме «Дракон» производства ЭмСиЭй, Брюс не принимал участия в спаррингах, и не бросал вызов на поединок в полный контакт кому бы то ни было. Такое дикое поведение не только оскорбило бы сообщество боевых искусств, но и сам Эд Паркер никогда бы не позволил состояться такому жестокому публичному выступлению, и у Брюса Ли было слишком много занятий, чтобы заниматься такой ерундой.

Спустя две недели после появления на международных соревнованиях в Лонг-Бич Брюс вернулся в Сиэтл. В зависимости от того, версию событий какого биографа вы читаете, это неделя жизни Брюса может быть какой угодно – от тепло поднимающей настроение до крайне разочаровывающей. В любом случае, мы знаем точно, что он прибыл в Сиэтл во второй неделе августа 1964-го, и что 12 августа он и Линда Эмери появились в здании суда Кинг Каунти и подали заявление на разрешение вступить в брак, планируя пожениться тайно.

Два дня спустя мать Линды прочла о предстоящем бракосочетании дочери в колонке о количестве браков в местной газете. Разъяренная, она взбежала на третий этаж Сирс и Робак, где Линда подрабатывала летом, и потрясла газетой у нее перед носом. “Это о тебе пишут?”

Тем же вечером Брюса и Линду вызвали на семейный ковер. Это был первый раз, когда семья Линды видела Сифу Брюса Чжун Фан Ли, и они требовали объяснений. Кроме матери и отчима (отец Линды умер, когда ей было четыре годика), любимый дядя Линды, чрезвычайно набожный мужчина, начал приводить цитаты из Библии. Это не христианский поступок, кровосмешение рас. Они ответят за свои грехи в аду.

Брюс прервал их: “Я хочу жениться на вашей дочери. Кстати говоря, я китаец”.

Возможно они ошибочно приняли его за японца и повергли его в антияпонскую поствоенную расистскую истерию. Это было не так. Все азиаты были под запретом. Белые, особенно те, кто носил фамилию Эмери, женились на белых.

Они спорили до глубокой ночи и в течение следующего дня. Насколько семья Линды была убеждена, Линде едва исполнилось девятнадцать, и она была слишком молода. Почему они не могут подождать еще год?

Кроме того, Линда не умела готовить и убирать. Беспокоило остальных и то, что судя по всему, у Брюса не было реальных средств к существованию, что было правдой. Не считая расовых и бесцеремонных элементов этой встречи, что подробно обсуждалось все эти годы, главным вопросом, с которым столкнулась семья Эмери, было то, что Линда находилась почти на четвертом месяце беременности, и разумеется, в то время если твоя девушка беременела, ты женился на ней, просто и ясно.

Не зная о ее беременности Эми Саньбо вспоминала, как у нее было ощущение, что что-то ужасно неправильно, когда она вернулась в Сиэтл на короткую встречу с семьей. “Я сочувствовала Линде. Помню, как видела их в октябре, гуляющими по китайскому кварталу. Было холодно, и она была одета в большое пальто. Знаете, есть путь, который вы проходите вместе, когда влюблены, и если вы пара, вы ощущаете воодушевление, а у нее этого не было. Она выглядела так, словно едва сдерживала себя, потому что была ужасно несчастна. И мне стало ее жаль, потому что я уже решила для себя, что знаю, какой будет повседневная жизнь с Брюсом, и потому что ей вскоре пришлось бы столкнуться с этим, я очень сочувствовала ей. Помню, как очень расстроилась за нее, когда умер Брюс и начали всплывать сообщения, что у него были любовницы и подобные вещи. И вновь я ощутила почти сочувствие и сострадание к Линде. Из-за того образа жизни, которым ей пришлось жить с Брюсом, я уверена, она была несчастна”.

Не прошло и суток, как Линда и Брюс поженились на церковной службе, поспешно организованной матерью Линды. Кроме матери и бабушки Линды, остальная часть клана Эмери бойкотировали службу, и все закончилось тем, что новоиспеченная свекровь Брюса ворчала, что ее новоиспеченный зять “мог бы по крайней мере принести цветы”. В скором времени Линда переехала в Окленд, где они с Брюсом заняли спальню в доме Джеймса Ли.

Даже после свадьбы Брюс продолжил искать Эми Саньбо и звонить ее друзьям и семье с вопросом: “Где Эми? Мне нужно поговорить с ней”. Наконец, когда Эми вышла замуж осенью 1964-го, звонки прекратились.

Откуда такая настойчивость? К чему это чувство полного безрассудства, неустанное преследование Эми? “Самое важное из того, что Брюс говорил мне” – Эми сделала паузу, чтобы погрузиться в свои мысли, “и скорее всего впервые он был по-настоящему честен, когда посмотрел мне прямо в глаза и сказал: ‘Знаешь, ты очень взрослая, ты не такая, как другие’. Думаю, что Брюс чувствовал себя в безопасности рядом со мной, потому что я контролировала его. Была в Брюсе странность заваривать кашу или пользоваться ситуацией так, что у других не оставалось выбора кроме как ответить тем же, выражая свой гнев. Станным образом Брюс, казалось, получал от этого удовольствие, хотя в иных случаях это пугало его. Вспоминая об этом, я думаю, очень рано Брюс увидел, как становится непредсказуемым и чувствовал во мне почти родственную мудрость”.

Оскароносный сценарист Стерлинг Силлифэнт, сам обладатель черного пояса, пару десятков лет грустно вспоминал: “Боевые искусства никогда не делали для Брюса то, что они сделали для меня и многих других. Брюс никогда не получал никакого умиротворения от боевых искусств. То, что должно было защитить его, не делало этого. Он навлек на себя множество трудностей, которые вышли ему боком. В жизни хватает проблем. Большинство из нас уходят от них... Временами Брюс казалось встречал их с распростертыми объятьями”.

Глава 3

ГОЛЛИВУД

“Ну” – протянула Обезьяна, “много лет назад первоклассный мастер дзен обучил меня искусству отрывания голов. Не знаю, помню я его или нет, но я очень не прочь попробовать” – «Обезьяна», Ву Чэньэнь

Недавно учрежденный институт кунг-фу Брюса в Окленде едва открылся, когда Брюс получил открытый вызов от мастера кунг-фу по имени Вон Джек Мэн. С самой смерти Брюса в июле 1973-го подробности этой схватки широко освещались Линдой Ли посредством ведущих журналов о боевых искусствах. Кроме Джеймса Ли, который умер до того, как эта история получила живой интерес со стороны прессы, единственными свидетелями схватки были Вон Джек Ман и парочка его товарищей, ни один из которых не проявлял личного интереса в последующие два десятилетия в стремлении использовать имя Ли в свою пользу.

Верно и то, что Вон Джек Мэн лично провоцировал стычку, заявив, что представляет группу старейшин боевых искусств, которые проживали неподалеку в китайском квартале Сан-Франциско. Однако, что остается загадкой, так это что именно разгневало этих самых старейшин, если они вообще были разгневаны?

По рассказам, в январе 1963-го Вон Джек Ман приехал в оклендскую школу Брюса, и как утверждают, сразу перешел к делу – Брюс Ли раскрывал секреты кунг-фу некимтайцам! В качестве исторической отсылки интересно, что незадолго до известной теперь стычки между Брюсом Ли и Воном Джек Маном, набирающий в близлежащем Лос-Анджелесе популярность кэнпоист Эд Паркер опубликовал без происшествий и жалоб свою популярную книгу в твердой обложке «Секреты Китайского Каратэ». И хотя Паркер был гавайцем и вероятно не мог быть призван к ответу за обучение неазиатов, его помощник инструктора в лосанджелесской школе каратэ, легендарный мастер тайцзы, Джимми Ву, обучал некимтайцев ежедневно без призыва к ответу китайскими старейшинами, мастерами кунг-фу и кем-либо еще.

Возможно альтернативное объяснение связано с посягательством на чужую территорию. По сообщениям несколькими годами ранее члены местной группировки триады пришли в сизтльскую школу Брюса, требуя денег. Клятва триады №27 может иметь что-то общее как со стычкой в Сизтле, так и со стычкой в Окленде: “Я не должен

преступать территорию, занятую моими кровными братьями. Пусть в меня ударят пять молний, если я притворюсь, что не знаю о правах своих братьев в подобных случаях”.

Какая бы причина ни стояла за визитом Вон Джек Мана, Брюсу вручили рукописный ультиматум, в котором, как говорят, утверждалось, что он либо перестает обучать неазиатов, либо принимает вызов Вона к началу боя. Согласившись скорее драться, чем закрыть собственную школу, Брюс мгновенно пришел в ярость, когда Вон предложил, чтобы они просто слегка поспарринговали пару минут. “Я против подобных вещей!” – крикнул Брюс, кипя от злости. “Ты сделал вызов, так что я устанавливаю правила! Поэтому бой будет без ограничений – изо всех сил!”

Решительно опровергая сообщения, что бой закончился вничью, Линда в течение двух десятков лет утверждала, что удивительно грубая схватка закончилась “за считанные минуты”. Ни один участник не получил никаких существенных травм, хотя этот опыт заставил Брюса позже прийти к заключению, что значительная доля его боевого искусства оказалась неэффективна, и что из-за того, что он слишком быстро запыхался в течение схватки, ему нужно было провести серьезную работу над своей сердечно-сосудистой системой.

Месяцем позже в Гонконге в возрасте шестидесяти четырех лет от инфаркта скончался отец Брюса. В то время Брюс находился в США, и тут же сел на самолет до Гонконга. Перед входом в похоронный зал, чтобы отдать последние почести, согласно китайскому обычаю требовалось подползти к гробу отца. То, что Брюс сделал это, плача при этом, вероятно является свидетельством глубокой эмоциональной боли, которую он нес в себе всю оставшуюся жизнь из-за отца, которого остался холоден к нему и которому Брюс так никогда и не смог угодить.

Главный поворотный момент в жизни Брюса произошел в августе 1964, когда Эд Паркер заснял на пленку впечатляющую демонстрацию кунг-фу на международном чемпионате по карате в Лонг-Бич. Когда вслед за этим запись показали телепродюсеру Уильяму Дозьеру, Брюс получил роль в новом сериале Дозьера – «Зеленый Шершень», к съемкам которого приступили в июне 1966-го. Ван Уильямс сыграл роль Бритта Рида (Зеленого Шершня), героя радиопередачи, который был редактором газеты и активным борцом с преступностью. Брюс сыграл роль верного помощника Шершня, Като, который был мастером смертоносного искусства кунг-фу.

В 1967-ом Брюс Ли был практически неизвестен в мире боевых искусств. И хотя он приобрел кое-какую популярность как Като, для тех, кто занимался боевыми

искусствами, истинными героями были чемпионы турниров, больше известные как золотые парни уходящей эпохи – Джо Льюис, Чак Норрис и Майк Стоун. Из этих трех Льюис больше всего времени провел с Брюсом.

В то время в соревновательных кругах не было никого более смертоносного, чем Джо Льюис. Он был не только молниеносно быстрым и имел силу удара, от которого мог треснуть стальной сейф, он также был скандально известен за свой характер, настолько взрывной, что однажды Эду Паркеру пришлось физически удерживать его от того, чтобы он не разорвал своего соперника на части.

Присоединившись к Джо Льюису, Брюс придерживался цели получить признание, которого он так страстно желал. По словам Льюиса, Брюс хотел иметь престиж, чтобы заявить о статусе мастера, и подкрепил бы этот статус, представляя своих учеников, которые были национальными чемпионами. В то время Брюсу было чуть больше двадцати пяти лет, и поэтому, благодаря своему юному возрасту, иерархическая структура кунг-фу не позволяла признать его мастером чего-либо, не говоря уже о том, чтобы проявлять к нему уважение. Это разозлило Брюса и он начал закипать.

Вскоре после выхода «Зеленого Шершня» Брюс, теперь уже телезвезда, начал давать интервью различным журналам о боевых искусствах, в которых обрушивал свое возмущение на сообщество боевых искусств в целом и делая особый упор на тех, кого он называл большинством самозваных, бездарных мастеров. Хорошо известный за свою прямоту, Брюс открыто обвинял многих из этих икон боевых искусств в том, что они находились в непозволительной форме, и часто заходил так далеко, что называл многих из них откровенными фальшивками. Чему бы ни учили эти мастера почти восемнадцать столетий особо хранимого, тайного знания, Брюс говорил публично с большой горячностью, что 90% всего этого была ерундой!

Абсолютно униженные, уважаемые черные пояса сообществ боевых искусств и в США, и на Дальнем Востоке обвинили Брюса в том, что он был никем иным, кроме как невежественным выскочкой, когда другие дошли до того, что повесили на него ярлык юнца с большим ртом. Не утратив смелости, Брюс открыто призывал своих критиков “доказать, на что они способны”. Часто, невероятно дерзким жестом Брюс выбирал одного мастера боевых искусств и стоя прямо перед ним в пределах досягаемости, предлагал ему “попытайся ударить меня”. Невероятно, но ни один из тех, кто пытался, не мог этого сделать. В общем и целом Брюс был помехой для

сообщества боевых искусств, которое просто не представляло, как с ним быть и в то же время не могло заткнуть ему рот.

По сути, по большей части в таланте Брюса не было большой тайны. По природе он был невероятным натуральным спортсменом, “одним на два миллиарда”, по словам Эда Паркера, и поддерживал себя в прекрасной физической форме, над которой работал до степени фанатизма. Кроме того, что касается открытого боя без ограничений, он упростил свое искусство и отточил до совершенства несколько ключевых элементов, которые часто оказывали разрушительное воздействие.

У великого мастера фехтования Джулио Мартинеса Кастелло Брюс приобрел способность сокращать и увеличивать разрыв или дистанцию, между ним и его соперниками до такой степени, что мог нападать со скоростью кобры. Во-вторых, Брюс также овладел тем, что Кастелло называл “рваным ритмом”. Это способность запутывать соперника, и таким образом нарушать его естественный ритм. При доведении до совершенства, человек, который в обычной жизни медленнее, чем соперник, может выиграть поединок, разбивая ритм соперника на половины и четверти такта. Общий эффект был и чрезвычайно сбивающим с толку и невероятно обескураживающим.

Более того, Брюс стал настолько опытен в искусстве западного бокса, что многие были убеждены, что он мог выйти на ринг с любым профессиональным боксером своей весовой категории и вполне вероятно и следующей весовой категории тоже. Когда Брюс сокращал разрыв, большинство мастеров боевых искусств были часто совершенно ошеломлены, потому что не привыкли первыми наносить удар боксеру уровня Брюса.

Схожим образом, Брюс был одинаково опасен на расстоянии, поскольку он мог ударить своего соперника в любую точку тела с ослепительной скоростью кнута из телячьей кожи, и вполне буквально, с силой лошади. Более того, он довел до совершенства искусство удара в переднюю голень соперника, и бил так же быстро и эффективно, как и боксер, применяющий джеб. Это не только было обескураживающе сбивающим с толку, но и значительно препятствовало желанию соперника ударить передней ногой или атаковать.

Бесспорно, самым ценным качеством Брюса было то, что он был мэтром в мгновенном определении слабостей своего соперника. Вскоре после приезда в Лос-Анджелес он начал набирать учеников из числа занимающихся у Эда Паркера

коричневых и черных поясов. Возрастающая теучка продвинутых учеников Паркера не устраивала крестного отца кэнпо.

Брюс охотно определил проблему, волновавшую многих продвинутых учеников, которые занимались кэнпо у Паркера. По сути проблема сводилась к трем составляющим. Первая проблема, с которой сталкивался изучающий кэнпо, заключалась в том, что стойка льва как одна из техник была защитой против соперника, который атаковал, наступая пошагово правой ногой и проводя блокирующий прямой удар правой. Проблема, на которую самоуверенно указал Брюс, заключалась в том, что ни один уличный боец из тех, с кем он сталкивался, никогда так не дрался. Вторая проблема заключалась в том, что Брюс отказывался стоять без движения, пока кэнпоист работал над ним, словно он неподвижный манекен. Наоборот, он был быстр и подвижен. И наконец, изучающих кэнпо в основном учили двигаться от соперника. Поскольку одна из главных целей Брюса состояла в постоянном контроле центральной линии (очень похоже на то, как победитель в шахматы контролирует центр доски, а баскетбольная команда победителей контролирует центр площадки) никаким образом нельзя было заставить Брюса Ли встать в одну стойку, потому что он постоянно передвигался таким образом, что всегда был обращен к вам лицом. Как резкий контраст, Брюс без усилий мог быстро подобраться к противнику сбоку, и вот тогда обрушивался. Он отставлял левую ногу, оказываясь к противнику лицом к лицу. К сожалению для соперника Ли, здесь Брюс был на высоте. Будучи квалифицированным специалистом в чи сао или «липких руках», Брюс мог умело победить соперника внутри этого круга, и сделать это с завязанными глазами!

В защиту искусства кэнпо и своих учеников скажем, что Эд Паркер был человеком с большой проницательностью. Спустя годы, многие отступники кэнпо вернулись, чтобы продолжить свое обучение, когда открыли для себя истину, о которой Паркер твердил многие годы – то, что работало для Брюса Ли, было не только уникальным для Брюса, но и практически наверняка гарантировало большие неприятности для самих учеников.

К лету 1966-го Брюс и Линда (вместе с сыном Брэндоном, родившимся 1 февраля 1965 г.) переехали из Окленда в западный Лос-Анджелес, где поселились в многоэтажном жилом комплексе под названием Баррингтон Плаза. Одним из собственников комплекса был Дон Карнес. Сам изучающий боевые искусства, Карнес

вскоре подружился с Брюсом. Возможно здесь следует признать, что Карнес сделал важный вклад в жизни Брюса.

Из почти двух тысяч книг в обширной библиотеке Брюс ценил одну больше других, и как правило постоянно читал ее. Этой книгой была «Думай и Богатей» Наполеона Хилла, которую ему подарил Дон Карнес вместе с убеждением, что если Брюс будет прилежно и твердо следовать доктринам, изложенным в книге Хилла, жизнь даст ему все, что он от нее хочет. Спустя немного времени после получения «Думай и Богатей», и следуя ее продуктам восприятия Брюс написал то, чего он хотел от жизни и что мог дать ей взамен:

“МОЯ ГЛАВНАЯ ЛИЧНАЯ ЦЕЛЬ В ЖИЗНИ”

Я, Брюс Ли, стану самой высокооплачиваемой суперзвездой-азиатом в Соединенных Штатах. Взамен я буду проводить самые захватывающие выступления и сделаю максимум как актер. Начиная с 1970-го я достигну мировой славы, и с этого времени и до конца 1980 я буду иметь в распоряжении сумму в 10 000 000 долларов. Тогда я заживу как пожелаю и обрету внутреннюю гармонию и счастье.

К сожалению, всемогущие рейтинги Нильсена не были благосклонны к «Зеленому Шершню». После выхода в эфир двадцати шести эпизодов в телесезон 1966-67, шоу было закрыто за низкие рейтинги, повергнув Брюса в глубокую депрессию.

Когда в гримерку в XX Век Фокс захлопнулась дверь, Брюс неохотно продолжил давать частные уроки элитной группе учеников, плативших по 275 долларов в час, больше никогда не возвращаясь к обучению в группах. К этому времени список учеников Брюса составляли практически одни голливудские знаменитости и звезды спорта: Ли Марвин, Джеймс Коберн, Элке Соммер, Роман Полански, Джо Хайамс, Стив МакКуин, Джеймс Гарнер, продюсер Су Вейнтрауб, звезда баскетбола Карим Абдул-Джаббар, и оскароносный сценарист Стерлинг Силлифэнт.

С самого начала Брюс был очарован голливудской публикой, и вскоре начал появляться на различных вечеринках и приемах. Однако его присутствие на них оказалось недолгим, поскольку ему было тяжело вписаться в эти рамки.

Несколько лет спустя Брюс говорил: “Я не пью и не курю, а эти мероприятия чрезвычайно бессмысленны. Мне не нравится носить строгую одежду и бывать в тех местах, где все пытаются впечатлить друг друга. Я не говорю, что я застенчивый. Мне больше нравится находиться в компании друзей и вести неформальную беседу о

боксе и боевых искусствах”. Хотя бесспорно то, что эти слова принадлежат Брюсу, это заявление в корне ложно. Один из самых близких друзей Брюса отмечал, что “Брюс был жадным и безостановочным болтуном, а темы для разговора были одни и те же – Брюс Ли и кунг-фу. Это раздражало даже самых преданных друзей и учеников”. Питер Чин, работавший на съемках «Зеленого Шершня», вспоминал, что у людей часто вызывало отвращение поведение Брюса вне экрана. “Он всегда демонстрировал людям свои мускулы, показывал им, как он сильный. Когда Брюс уходил, кто-нибудь всегда говорил: ‘Да он несет вздор – он большой болтун’”.

После отмены «Зеленого Шершня» Брюс заинтересовался написанием для себя главной роли – роли шаолиньского монаха, блуждающего по Среднему Западу Соединенных Штатов в 1800-х. По иронии судьбы, Брюс узнал, что Уорнер Бразерс в то же время разрабатывали похожий сюжет с продюсером Фредом Вейнтраубом, что неизбежно вылилось в организованный отступниками сериал «Кунг-фу».

Спустя нескольких месяцев разработки проекта с Фредом Вейнтраубом, Брюсу наконец сообщили, что главную роль отдали Дэвиду Кэррадайну, и что ни Уорнер Бразерс, ни Эй-Би-Си ТиВи никогда серьезно не рассматривали Брюса на главную роль потому что: 1) он был слишком низкого роста 2) он имел чересчур китайскую внешность 3) он был слишком неопытен и 4) не имел достаточно весомого имени для получения роли в еженедельном телесериале, идущем в пиковое время.

Разумеется, Брюс был разочарован, некоторое время даже подавлен. К сожалению, с тех пор он долго развивал комплекс меньшинств о том, что был азиатом в индустрии, управляемой Западом, и в результате окончательно убедился, что от голливудской славы его сдерживали расовые барьеры.

В попытке изменить ситуацию Брюс попытался выдвинуть себя на второстепенную роль, которая бы демонстрировала его боевые искусства. Чтобы достичь этого он прибег к помощи двух своих учеников, Стива МакКуина, который должен был сыграть в фильме главную роль, и Стерлинга Силлифэнта, который бы написал ее.

Взволнованные этой перспективой, Брюс и Стерлинг пошли к МакКуину и предложили ему главную роль, лишь затем, чтобы получить отказ. Говоря начистоту, МакКуин сказал Брюсу, что Ли не в том бизнесе, который бы сделал Брюса звездой, и что ему не интересно тащить его на своих плечах. Брюс был более чем шокирован. Он был в ярости. Оставив дом МакКуина со Стерлингом, он на мгновение остановился на

лужайке и потряс кулаком перед роскошным домом звезды, гневно поклявшись, что однажды станет еще большей звездой, чем МакКуин!

Непреклонный, Брюс обратился к одному из своих учеников, Джеймсу Коберну, и рассказал ему основной сюжет. И хотя Коберн имел бы звездный статус, Брюс сыграл бы пять различных героев боевых искусств. Ясно, что для Брюса это было лишь средство и понятно, почему звезда величины МакКуина ответила отказом. С момента проявленного интереса Коберна и после нескольких никуда не годных черновиков истории Брюса от других сценаристов, Стерлинг Силлифэнт неизбежно принялся за задачу написания сценария, который теперь назывался «Безмолвная Флейта».

Между тем, в марте 1969-го Брюс был госпитализирован в больницу Святого Джона в Санта-Монике, где хирурги удалили неразвитое яичко, оставшееся неопустившимся с момента рождения, а также устранили грыжу. Спустя год после хирургии Брюса для корректировки крипторхизма, и в некотором роде по скрытой, но связанной причине, он получил усиленно освященную в СМИ травму спины.

По словам доктора Лайонела Уолпина, который осматривал Брюса в сентябре 1970-го, спазм в спине произошел во время эпизода полового акта в июне 1970. Проведя полный физический осмотр Брюса и назначив рентгенографическое облучение позвоночника, доктор Уолпин пришел к заключению, что с ним практически все было в порядке. Через короткое время и с помощью джакузи Брюс пришел в порядок и вернулся к обычным тренировкам и бегу.

Кроме доктора Уолпина, к доктору Герберту Тэнни Брюса направил режиссер Блейк Эдвардс, больше всего известный рядом фильмов о «Розовой Пантере» и своим браком на актрисе и певице Джули Эндрюс.

Результатом встречи Брюса с Тэнни было общее обследование, лабораторные исследования и рентгенография. Хотя ничего серьезного с Брюсом не было, Тэнни, как и в течение продолжительного времени с Эдвардсом, начал вводить кортизон в позвоночник Брюса. Очевидно это не полностью решило проблему, какой бы она ни была, и в декабре 1970 Тэнни направил Брюса к доктору Эллис Сильберман в Сэнчюри-Сити на еще один продолжительный сеанс рентгенографии. Заключение Сильберман: «Исследование пояснично-крестцового отдела позвоночника и таза показало, что они находятся в пределах нормы». Брюс не был удовлетворен, и

продолжил время от времени возвращаться в офис Тэнни за инъекциями кортизона (депо-медрола).

Наиболее примечательно предупреждение, которое четко прописано на каждой бутылке депо-медрола, а также указано в настольном справочнике врача: “Терапия с приемом депо-медрола не избавляет от необходимости в приеме стандартной дозировки. И хотя этот метод лечения снизит симптомы, он ни в какой мере не является лечением, и гормон не оказывает влияние на очаг болезни”. Простыми словами, это предупреждение потребителю, что постоянный прием кортизона похож на закрашивание ржавчины.

Был также ряд других предупреждений, указанных производителем препарата, которые в равной мере неблагоприятны: “При приеме кортизона могут наблюдаться психические расстройства, начиная от эйфории, бессонницы, смен настроения, изменения личности и глубокой депрессии до открытых манифестаций психоза”.

Будут и еще направления к врачам. В марте 1971 Брюса снова отправили к специалисту доктору Лайонелу Уолпину. Опять-таки, общее впечатление Уолпина заключалось в том, что “никакого диагноза поставлено не было”. Вдобавок доктор Дэвид Эйзенштейн сделал еще ряд снимков, и поставил общее заключение, что у Брюса обычный торакальный отдел позвоночника.

В общем, что у Брюса и было, так это чрезмерное жужжание мошкеры перед лицом; неприятность, досаждавшая ему больше всего. Она продолжала его периодически беспокоить, когда он придерживался своих суровых режимов упражнений и тренировок по боевым искусствам.

Примерно в это время Стерлинг Силлифэнт представил Уорнер Бразерс свою последнюю черновую версию сценария «Безмолвной Флейты». Студия была впечатлена сценарием Стерлинга, хотя они согласились финансировать проект, если фильм будет сниматься в Индии, где у них было весомое количество замороженных рупий, которые можно было потратить только на территории этой страны. И вот они отправились – Брюс Ли, Джеймс Коберн и Стерлинг Силлифэнт, бороздя просторы Индии и Пакистана в поисках места для съемок.

Через некоторое время между Брюсом и Коберном возникли разногласия. Прежде всего, Брюсу понравилось проводить демонстрации кунг-фу, которые неизбежно собирали толпы зрителей. Это мешало Коберну, чье личное пространство было нарушено, как только толпа узнавала в нем того, кто сопровождал Брюса. В

качестве отступления от темы отметим, что во время этой поездки было сделано много фотографий, где Брюс рассекает воздух посреди индийской пустыни, демонстрируя блокирующие боковые удары. Пожалуй, эти трюки были бы невозможны, если бы Брюса беспокоила сокрушительная травма спины.

Вдобавок, Брюс имел привычку напевать попсовые мелодии себе под нос, и часто делал это часами, пока трое мужчин путешествовали по палящей пустыне. В конце концов, терпение Коберна лопнуло. Он повернулся и заорал на Брюса, сидевшего на заднем сидении: “Ради Бога, чувак, перестань! Ты сводишь меня с ума!” Брюс ничего не ответил, но когда Коберн повернулся спиной, он потряс кулаком в спину звезды, так же, как это ранее сделал перед домом МакКуина.

Позднее тем же вечером трое мужчин поселились в отеле. Брюс был глубоко оскорблен, потому что к Коберну персонал отеля отнесся как к звезде, и в результате он получил роскошную комнату. Разъяренный, Брюс пошел Стерлингу жаловаться, что он должен был стать звездой «Безмолвной Флейты», а не Коберн, добавив, что однажды он станет величайшей кинозвездой в мире, крупнее чем Коберн, которого он теперь добавил в список “я тебе покажу” следом за Стивом МакКуином!

Это был не первый раз, когда случалось что-то подобное. Месяцем ранее Брюс сопровождал Коберна в Беверли-Хилз, где оба мужчины оказались в дорогом магазине мужской одежды на Родео Драйв. Во время примерки свитеров Поло Коберну вдруг пришло в голову, что истекает счетчик времени стоянки его Феррари. Он повернулся к Брюсу и спросил его, не мог бы он выйти и закинуть еще один четвертак в паркомат. Брюс не сказал Коберну ни слова оставшуюся часть дня, и часто рассказывал эту историю, словно в отместку.

Проведя несколько месяцев в пустыне и перед самым возвращением в Штаты Коберн отказался сниматься в картине, заявив, что Брюс и понятия не имеет о проблемах с продакшном, и что с художественной точки зрения картина не должна была сниматься в Индии. Брюс не послушал. Он отчаянно хотел снять фильм по эмоциональным причинам, любой ценой, и неважно где. По словам Силлифэнта, в глазах Брюса «Безмолвная Флейта» была его надеждой на прорыв в Голливуд, и просто так он бы от нее не отказался.

Это было уже не важно. После отказа Коберна Уорнер Бразерс разорвали контракт.

«БОЛЬШОЙ БОСС» И «КУЛАК ЯРОСТИ»

“Когда придет мой роллс-ройс, я уже точно знаю, что сделаю – я подъеду к набережной и позвоню из машины по телефону Роману Полански и Стиву МакКуину. И когда они спросят, откуда я звоню, я отвечу – с заднего сиденья своего роллс-ройса, откуда открывается вид на джонки гонконгской гавани!” - Брюс Ли

Период с марта 1970 по апрель 1971 был одним из самых мрачных в жизни Брюса, и именно тогда он начал размещать объявления на своем письменном столе, рассказывая обо всем журналу «Не останавливайся!» Кроме впадения в депрессию из-за временного застоя в актерской карьере, у Брюса были большие финансовые трудности. Уверенный, что его карьера стартовала с «Зеленого Шершня», он приобрел дорогой дом на Роскамэ-драйв в Бэл-Эйр, и теперь у него были трудности с выплатами по закладной.

Пытаясь свести концы с концами, Линда устроилась на работу в call-центре в ночную смену за минимальную почасовую оплату. Тот факт, что жена Брюса пошла на работу, был для его эго ударом, в конце концов они вдвоем разработали хитроумную систему отговорок, которые бы объясняли отсутствие Линды дома. Обеспокоенный проблемами, Брюс вскоре поехал в Гонконг в поиске работы в китайской киноиндустрии, а также чтобы пригласить свою мать и брата жить в своем недавно приобретенном доме.

Прибыв в аэропорт Кай Так, Брюс был потрясен оказанным ему приемом. Хотя «Зеленый Шершень» завершился далеко не блестящим сезонным показом в Штатах, повторные показы в течение месяцев по системе синдицирования успешно прошли в Гонконге. Поэтому, когда Брюс приехал в Гонконг, репортеры просили интервью, а радио и телевидение настаивали на его участии в качестве гостя. Неожиданно оказавшись в свете прожекторов, Брюс провел захватывающее кунг-фу представление на местном телевидении, которое в сочетании с другими факторами изменило его жизнь раз и навсегда.

В начале 1970-х китайской киноиндустрией управлял Ран Ран Шоу, к которому более официально обращались как к сэру Ран Ран Шоу, поскольку в рыцари его посвятила сама королева. Родившийся и выросший в Шанхае, Ран Ран прилетел на

остров Гонконг в конце 1940-х, и со своими братьями сформировал Шоу Бразерс Лимитед, которая официально вышла на рынок в 1958-ом.

Одним из крупнейших холдингов компании был знаменитый «Муви Таун», огромный аппаратно-студийный комплекс, столь же мощный, как и ЭмДжиЭм в период расцвета. Помимо прочего, киномагнат Ран Ран также владел львиной долей кинотеатров по всей Юго-Восточной Азии, и в результате контролировал более 90% всей дальневосточной продукции. Учитывая прочие инвестиции Ран Ран, богатство клана в 1971-ом было оценено примерно в 200 миллионов долларов, а другие даже насчитывали миллиард.

Будучи в Гонконге, Брюс позвонил своему близкому другу детства Сяо Ки Луну («Единорогу»), у которого был контракт с Шоу Бразерс, и попросил того спросить, не заинтересован ли Ран Ран в том, чтобы сделать Брюсу предложение. Несколько дней спустя Единорог позвонил Брюсу. Да, Ран Ран, оказалось, был заинтересован, и да, он слышал о прохладном успехе Брюса в Голливуде, и в общем, учитывая все это он предлагал Брюсу сумму в 75 американских долларов в неделю, если он подпишет семилетний контракт.

Предложение Ран Ран не было необычным. В то время работавшие на него актеры жили на территории киностудии в бетонных общежитиях и работали за низкую зарплату в примитивных условиях на долгосрочных контрактах, без каких-либо реальных профсоюзов, страховки, дополнительных или медицинских льгот.

Брюс разразился громким хохотом, а затем ответил на предложение Шоу, прося 10 000 гонконгских долларов (2 000 американских долларов) за свои услуги за один фильм и никакого контракта помимо этого. Шоу так и не ответили, и Брюс покинул Гонконг.

Пока Брюс путешествовал по Дальнему Востоку, Стерлинг Силлифэнт написал для него роль в новом сериале для ПарамOUNT Телевижн под названием «Лонстрит». В главной роли снялся Джеймс Францискус, который играл слепого человека, и в конечном счете эта роль привела к тому, что зрители узнали персонажа Брюса, мастера боевых искусств. После возвращения из Гонконга Брюс снялся в пилотном выпуске «Лонстрит», который до его отъезда на Дальний Восток так и не вышел в эфир.

Родившийся и выросший в Шанхае, продюсер Рэймонд Чоу (Чоу Ман-вай), который ушел с работы Шоу Бразерс после сильной ссоры, основал Голден Харвест

фильм, которая в 1971-ом находилась в таком бедственном финансовом положении, что многие предсказывали, что следующий тайфун разрушит два ветхих съемочных павильона студии отступников и сдует их мельчайшие балки в загрязненную гавань.

Рэймонд был впечатлен показанной по телевидению демонстрацией кунг-фу Брюса и был даже еще больше впечатлен тем фактом, что Брюс нашел время, чтобы посмотреть все фильмы о боевых искусствах, вышедшие в Гонконге за последние два года. Когда Чоу позвонил Брюсу в Штаты и спросил его мнение о китайских фильмах, Брюс ответил так: "Скажи мне, это лучшее, на что ты способен?" Рэймонду нравилась прямолинейность Брюса, и он отправил жену своего главного режиссера Ло Вэя, стойкую бизнес-леди по имени Лю Лян Хуа, чтобы сделать Брюсу предложение.

Условия контракта были просты. В обмен на участие в двух фильмах для Голден Харвест, Брюсу предлагали 7 500 американских долларов за фильм. Общая компенсация 15 000 американских долларов должна была выплачиваться Брюсу в качестве ежемесячных платежей примерно по 4 000 американских долларов, которые Голден Харвест внесли в свою бухгалтерскую книгу как "выплату семье части зарплаты по аттестату". Кроме того, премиальные, входившие в стандартные условия большинства голливудских контрактов, были повышены и без проблем согласованы.

Однако была одна большая проблема, которая скоро поднимет свою уродливую голову. С сентября Брюс стал частым посетителем офиса доктора Герберта Тэнни, и теперь эти визиты должны были прерываться на месяц, а может и дольше. Как оказалось, Брюсу пришлось терпеть боль, поскольку достать инъекции кортизона было невозможно. Незадолго до отъезда Брюса доктор Тэнни назначил Брюсу вызывающий сильное привыкание анальгетик Дарвон компаунд 65.

Итак, 12 июля 1971 попрощавшись с женой и двумя детьми (дочь Шэннон родилась в апреле 1969), Ли сел на самолет до Северного Таиланда и на следующий день приехал в небольшую деревеньку Пак Чонг.

Вопреки голливудским стандартам, условия работы, с которыми Брюсу пришлось столкнуться в Таиланде и впоследствии пережить во время съемок «Большого Босса», были крайне плачевными. Во-первых, скелетный бюджет фильма не включал в себя реальный сценарий, и поэтому идея заключалась в создании истории и диалога по ходу дела. Что до декораций, съемочная группа снимала внутри и на территории грязных борделей деревни, где толпы проституток, часто нанятых в качестве массовки, делали свою привычную работу по 75 центов на клиента.

Была также проблема с москитами, которые летали круглыми сутки со множеством других летающих насекомых в поиске всего, что отдаленно напоминало еду или плоть. Что до наземных тварей, было полно тараканов и ящериц, которые передвигались поодиночке или стаями, не боясь ни человека, ни зверя, ни летящей газеты, ни топчущих “вьетнамок”. Под ногами Брюс часто слышал треск жуков, некоторые из которых были огромными и крепкими как челюсти.

Вскоре Брюса начали беспокоить телесные недомогания. Его голос охрип от крика. Во время мытья стакана он сильно порезал руку, после чего понадобилось наложить десять швов. Он вывихнул лодыжку и его беспокоил грипп, жар и другие боли.

С первого же дня были личностные конфликты, наиболее заметный из которых между Брюсом и режиссером Ло Вэем, который годился Брюсу в дедушки и выглядел как азиатская версия Пиллсбери Дафбоя. Ло Вэй многие годы снимался в китайских фильмах и срежиссировал семьдесят фильмов для Ран Ран Шоу, пока Рэймонд Чоу не переманил его. Через несколько дней знакомства с Ло, Брюс описывал его как “любителя славы” и “посредственность с невыносимой миной превосходства”. Исходя из слов Брюса анализ личности получался забавным.

Что касается проживания, Брюс написал Линде, жалуясь на ужасную нехватку еды. “Еда ужасна. В этой деревне нет мяса и очень мало курятины, и я рад, что взял свои витамины”.

Именно в это время Брюс начал терять вес. Кроме необъяснимой потери веса звезды, режиссер Ло Вэй заинтересовался беспорядочным приемом лекарств Брюсом, публично заявляя, что Брюс принимал лекарства от других людей, включая и инъекции.

Во время съемок в далекой деревеньке Пак Чонг, снятый в Соединенных Штатах пилотный эпизод «Лонстрит», сценарий которого Стерлинг Силлифэнт написал под Брюса, произвел сенсацию. В результате Парамаунт связались с Брюсом в Пак Чонге и хотели, чтобы он снялся в трех дополнительных эпизодах. Они предложили по тысяче долларов за эпизод, а Брюс ответил им двумя тысячами за эпизод, и получил эту роль. Не считая Парамаунт, несколько неизвестных независимых продюсеров обратились к Брюсу с предложениями более разумными, чем ранее, хотя по-прежнему получили отказ. Повысив планку, Ран Ран Шоу также вновь появился на горизонте, на этот раз предложив Брюсу 250 000 гонконгских долларов (30 000 американских

долларов) за фильм. Когда Брюс вежливо отказался, Шоу, как утверждают, ответил отправив ему пустой контракт с чеком.

В последние дни съемок «Большого Босса» Рэймонд Чоу и Брюс Ли наконец встретились, когда Чоу вылетел в Пак Чонг, чтобы лично пожать руку человеку, который смело заявил: “Я собираюсь стать крупнейшей китайской звездой в мире”. В тот момент Чоу и не подозревал, что этот человек мог с легкостью добавить: “И тем самым сделаю тебя мультимиллионером и бесспорным царем самой влиятельной киностудии на Дальнем Востоке”.

Когда непосредственные съемки фильма «Большой Босс» были завершены, в сентябре 1971-го Брюс вернулся в Штаты, где согласно истории болезни и через несколько дней после своего возвращения, он отправился в офис доктора Герберта Тэнни за новыми инъекциями кортизона и добавкой Дарвона согласно рецепту.

Следом за появлением Брюса в трех ранее утвержденных контрактом эпизодах «Лонстрит» и перед началом непосредственных съемок второго фильма Брюса «Кулак Ярости», Линда и дети вернулись с Брюсом в Гонконг, где оказались в аэропорту в толпе горячих поклонников и взбудораженной прессы. Именно здесь Линда впервые столкнулась с восходящей славой Брюса. Этот опыт она позднее описывала как нервирующий.

Через несколько дней семейство Ли поселили в квартиру площадью в 500 квадратных метров в тесном округе Ватерлоо в Коулуне. Кроме Брюса, Линды и двоих детей, эта крошечная коробочка из-под крэкера также стала домом для Ву Нгана, который ребенком жил с семьей Ли на Натан-роуд.

Между тем в 1971 многие получатели социального пособия в Штатах жили при лучших условиях. У Ли не было кухни, у них была самая примитивная сантехника и не было средств для сушки, и соответственно другого способа кроме как развешивать белье прямо из окна на стволы бамбука. Хуже всего, что не было абсолютно никакого облегчения от изнуряющей жары, душной влажности и раздражающего треска карт маджонга по деревянным столам в любое время дня и ночи.

Вскоре после октябрьского визита в Гонконг, Брюс и Линда посетили полуночную премьеру «Большого Босса». В конце фильма следом за казалось бесконечным периодом тишины, зрители вдруг вскочили с мест, крича: “Где Брюс? Где Брюс?” Это было очень необычно, и посреди полной истерии Брюс и Линда поспешили из театра в ожидавшую их машину.

По сравнению с предыдущей работой Брюса на телевидении в Соединенных Штатах, «Большой Босс» имел бесспорно посредственное качество. Для китайских зрителей, однако, слабый сюжет фильма, нелепые звуковые эффекты, и неважно смонтированный дубляж не имели значения. Важно было лишь то, что сделало эту картину мгновенной сенсацией – беспрецедентное боевое мастерство – каждая из восьми минут!

Прибыль «Большого Босса» легко превзошла предыдущие рекорды, удерживаемые «Унесенными Ветром», «Звуками Музыки» и «Крестным Отцом», по имеющимся сведениям собрав около 4 миллионов гонконгских долларов (85 000 американских долларов) всего за девятнадцать дней. После этого фильм продолжил бить все рекорды на территории Китая, а также в таких городах, как Рим, Бейрут и Буэнос-Айрес.

Вторая картина Брюса для Голден Харвест, «Кулак Ярости», была почти целиком снята на открытой съемочной площадке. Технически и творчески по голливудским стандартам она имела то же посредственное качество, что и ее предшественник. В отличие от «Большого Босса» в «Кулаке Ярости» присутствовали расистские настроения, сталкивавшие китайцев с японцами в их вечной и ожесточенной кровавой вражде, и были далеко не искусными.

Через некоторое время после открывающих титров женоподобный японский бандит говорит собравшимся китайцам: «Китайцы – раса слабаков, не чета нам, японцам. Только посмотрите на себя. Знаете, что? Вы просто жалкие». Вскоре Брюс подходит к группе японских каратистов. «Когда будете готовы, я сражусь с любым японцем в этой комнате!» Позднее, индийский охранник, стоящий у входа в парк, отчитывает Брюса: «У тебя неправильный цвет кожи, поэтому убирайся!» И ближе к концу фильма японец усмехается над китайцем, замечая: «Если действительно хочешь выйти за дверь, сделай это как настоящий китаец, на руках и коленях!» Через некоторое время разворачивается крупная драка, и начинают летать головы.

Решающим для развития истории жизни Брюса является человек по имени Бобби Бейкер. Родом из Стоктона, штат Калифорния, Бейкер сыграл в «Кулаке Ярости» русского злодея. До появления Бейкера во втором фильме Ли, по свидетельствам всех источников, оба мужчины были практически незнакомы. Ни один из друзей и учеников Брюса никогда не слышал о Бейкере, и в отличие от появления в последующих фильмах Брюса известных чемпионов по боевым искусствам вроде

Чака Норриса и Боба Уолла, до своего появления в «Кулаке Ярости», Бейкер был относительно неизвестен сообществу боевых искусств.

Правда в том, что прием Ли на работу Бейкера не был связан с актерским мастерством или способностями Бейкера в боевых искусствах. И хотя Бейкер не появился ни в одном из трех последующих фильмов Брюса, по словам Линды Ли, до самой смерти ее мужа Бейкер был ответственен за вывоз различной контрабанды лекарств в Гонконг для поддержания привычек Брюса. Любопытно, что Бейкер находился в Гонконге в конце июля 1973-го в вечер смерти Брюса Ли.

Когда наконец вышел, «Кулак Ярости», по сообщениям, побил все кассовые сборы, установленные ранее «Большим Боссом», собрав в прокате около миллиона долларов в одном только Гонконге. В ночь премьеры в Сингапуре сотни поклонников Брюса, ринувшиеся в кинотеатр, вызвали такую пробку на дороге, что власти задержали сеанс до тех пор, пока правительство не решило эту проблему. На Филиппинах фильм шел в течение шести месяцев, и правительство наконец выпустило запрет на иностранный импорт, чтобы защитить отечественных продюсеров. Как ни странно, хотя Брюс в течение многих лет набрасывался на то, что считал расовыми предрассудками в голливудской киноиндустрии, в китайской киноиндустрии расовые предрассудки принесли ему немало долларов.

Бесспорно, что имея всего два полнометражных фильма за плечами, Брюс стал самым ярким представителем шоу-бизнеса на Дальнем Востоке. В лучшем случае, это была ненужная победа. Брюс никогда был заинтересован в том, чтобы стать коронованным королем китайской киноиндустрии. Чего он отчаянно желал, так это стать голливудской звездой, как Коберн и МакКуин, а не звездой китайской версии спагетти-вестерна. Хотя правящая верхушка Голливуда знала об успехе Брюса на Дальнем Востоке, немногие в Голливуде были так уж впечатлены. Не прошло много времени, как дракон вновь начал закипать.

Хотя первоначально в Брюсе пресса видела дальневосточного “Золотого Мальчика”, этот образ рухнул, когда однажды вечером он избил репортера, крича: “Ты уже сделал тысячи снимков!” Общаясь с другими репортерами он часто взрывался, потому что они настаивали на произношении его имени “Li”, не обращая внимания на то, как часто он говорил им, что его имя следует произносить на американский манер - “Lee”. Бывали гораздо более пугающие примеры значимых и непредсказуемых смен настроения Брюса.

На гонконгском телевидении Брюс жестко ударил человека в лицо без какой-либо причины, лишь для иллюстрации отдельного элемента теории боя. Неважно, что пытался доказать Брюс, в глазах зрительской аудитории такое безрассудство было откровенно ужасным и ненужным актом насилия, и пресса тут же подвергла его критике.

Примерно в это время Брюс прочел статью в «Чайна Стар», которая рассказывала, как пятнадцать лет назад его приятель по занятиям вин-чунь видел своими глазами, как на одном занятии Брюса сбили с ног. Хотя статья была откровенной ложью, репутация о неуязвимости Брюса была поставлена под угрозу. После отслеживания автора статьи и требуя опровержения, которого не последовало, Брюс нанес ответный удар, подав на газету в суд.

Приближаясь к своей публике, Брюс все больше и больше становился враждебным. Часто, когда кто-то на улице не узнавал его, он поворачивал голову, протягивал руку и заявлял: «Брюс Ли – кинозвезда!» Именно благодаря подобному вызывающему раздражение и пафосному поведению Брюс начал наживать себе много врагов в Гонконге и других местах.

В то время больше всего Брюса раздражал его заклятый враг Ло Вэй, и не проходило и дня, чтобы эти двое не плакались о том, что снова столкнулись друг с другом. Неизменно, причина заключалась в беспощадной критике режиссерских способностей Ло. Хотя Брюс с тех пор начал избегать новостные СМИ, Ло Вэй не имел такой неприязни и открыто высказывал свою позицию репортерам. «У меня нет времени на пустую болтовню. Я не стану терпеть. Судя по лицу Ли, он очень недоволен. Я видел это. Я сказал: ‘Знаю, что ты красный (известный или популярный), и не могу сказать, что я сделал тебя таким. Это твои способности. Но даже если ты популярен, у меня тоже есть гордость’. Я не стану терпеть.” Терпел он или нет, терпение Брюса Ли окончательно лопнуло, и он ворвался в офис Рэймонда Чоу и сказал, что отказывается работать с Ло, объявив с чувством законченности: «Ло Вэй? Ни за что!»

Разорвав свои рабочие отношения с Ло Вэем, Брюс, почти в том же духе, как до этого бросался на сообщество боевых искусств, вскоре начал подвергать решительной критике китайских режиссеров. В интервью «Гонконг Стэндард» он подверг критике всю гонконгскую киноиндустрию и всех, кто имел к ней какое-либо отношение: «Я разочарован выражением киноискусства здесь, в Гонконге. Все

попробовали себя в кино. Здесь просто не хватает душевных героев, преданных делу, целеустремленных и в то же время профессионалов”. Сделав паузу, чтобы перевести дух, он отчитал свою зрительскую аудиторию, которую изобразил глупой и наивной: “Зрителей нужно учить, и тот, кто их учит, должен быть ответственным. Мы имеем дело с народными массами и должны учить их шаг за шагом. Мы не можем сделать это за ночь. Вот чем я занимаюсь сейчас. Кроме того, здесь я даже не могу полностью выразить себя в фильме, в противном случае половину экранного времени зрители не поймут, о чем я говорю”.

Подобные утверждения вынудили великого мастера кэнпо Эда Паркера отметить: “Когда Брюс высмеивал людей, он не был особо тактичен. Он вовсе не смягчал удары. Нельзя завести друзей, рассказывая людям, что то, чем они занимаются, это полное дерьмо”. Хорошо осведомленный о том, что пресса все больше и больше обижается на его заносчивое высокомерие, Ли рявкнул: “Добьюсь я успеха или нет – это мы еще посмотрим!”

Этому не суждено было случиться так легко, и неизбежное было уже не за горами. Двумя неделями ранее Брюс рассказал журналу «Звезды-бойцы»: “У меня появилась чертовская проблема после того, как мой второй фильм стал популярен. У моей двери останавливались люди и просто протягивали мне чек на 200 000 долларов. Когда я спрашивал, за что он, они отвечали: ‘Об этом не беспокойся, это просто подарок для тебя’. Я даже не знал этих людей. Они были незнакомцами для меня”.

Эти люди, о которых говорил Брюс, не были ни продюсерами, ни незнакомцами. Это были члены организованной преступности. Триады. В начале 1970-х триада Сунь Йи Онг имела значительный контроль над многими кинокомпаниями, потому что среди прочих факторов их члены были или серьезными инвесторами, или в качестве акционеров из акционерных обществ имели контрольный пакет акций.

Глава 5

«ПУТЬ ДРАКОНА»

Клятва триад №13: "Пусть меня пронзят мириады мечей, если я изменю свое мнение и отрекнусь от членства в семье Хун"

В свежем выпуске «Саут Чайна Монин Пост» в статье под заголовком «Определяя курс триады» говорилось: "Нанесен удар по росту преступности в гонконгской индустрии развлечений, из самого Вашингтона, где исследователи из Сената на прошлой неделе представили на слушании сенатского комитета схему, описывающую влияние организованной преступности на азиатскую индустрию развлечений".

Отмечая группу двадцати восьми ключевых фигур триад, включая старших членов триад Сунь Йи Онъ, Уо Хоп ТО, 14К и Ва Чин, среди прочих, схема наглядно иллюстрировала основные связи среди фигур азиатской организованной преступности, которые, как утверждалось, контролировали китайских представителей индустрии развлечений, а также их связи с Соединенными Штатами и другими странами.

В другом выпуске «Саут Чайна Монин Пост» вышел следующий текст под заголовком "Ранящее обвинение": "Продавец автомобилей, обвиненный в нападении на кинопродюсера, получившего ранение в голову в Бэптист Хоспитэл, накануне добился передачи своего дела в окружной суд. Тридцатидесятилетний Чань Йиу-хин, добился переклассификации своего обвинения с простого нападения до ранения кинопродюсера Вона Лун-вая и мистера Унга Кам-чуна. Мистер Вон скончался на больничной койке через несколько дней после ранения. Позднее Чану предъявили обвинение в том, что в недавнем прошлом он являлся членом триады Сунь Йи Онъ. Мировой судья мистер Рональд Чун увеличил залог подсудимого до 20 000 долларов и распорядился, чтобы обвиняемый не мешал свидетелям обвинения".

Поскольку азиатские гангстеры постоянно обладали столь большим контролем над гонконгской киноиндустрией, Брюс Ли столкнулся с гораздо более сложными проблемами, и при этом потенциально смертоносными, чем любые из тех, с которыми он сталкивался в Голливуде. И по сей день, кроме бессмысленного избиения, актеров похищают, а актрис насилуют за отказ сотрудничать с триадами. Поножовщина

является обычным делом, как и отрубание конечностей, убийства агентов, нередки и перестрелки. После недавнего ужасного случая, когда пятеро мужчин в масках, вооруженные пистолетами и ножами, ворвались в студию Мэндэрин Филмз и скрылись с негативами фильма, который планировался к скорому выходу на экраны, терпение киносообщества наконец лопнуло. Через пять дней после ограбления Мэндэрин Филмз группа актеров, режиссеров, сценаристов, операторов и членов производственной группы прошествовали к штаб-квартире полиции, расположенной в деловом округе Гонконга. Протестующие несли огромный баннер с надписью “Шоу-бизнес против насилия” и требовали, чтобы полиция предприняла меры для защиты киносообщества от вымогателей.

Еще в начале 1970-х, когда Голден Харвест Студиос взяли Брюса на работу, кроме управления каскадерами и актерами массовки, в рабочем порядке нанятыми гонконгскими кинопродюсерами, криминальные авторитеты триад повсеместно требовали, чтобы гонконгские представители индустрии развлечений заключали выгодные договоры на управление. В обмен на процент с дохода триады контролировали карьеры кинозвезд, продюсеров, поп-исполнителей и прочих лиц. Более того, человек, одновременно являвшийся членом триады и кинопродюсером, был не такой уж редкостью. Как и в отношении итальянской мафии, мало что изменилось за прошедшие два десятилетия.

Как правило, влияние триады начинается на заре карьеры звезды. Часто человеку вручают значительную сумму денег в качестве подарка. У других это может быть одежда, наркотики или модная спортивная машина. Вне зависимости от наживки, главное то, что нога попадает в дверь, и когда звезда наконец получает известность, все тело следует по инерции и дверь захлопывается следом. Навсегда.

Проблема Брюса Ли была в том, что его звезда взошла слишком быстро. И к тому времени, как кто-то заметил, что он бьет кассовые сборы по всей территории Азии, он уже говорил о том, что планирует использовать свой счастливый случай на Востоке как средство для достижения целей на Западе. К несчастью для Брюса, триады были заинтересованы лишь в том, чтобы он зашел в их офис для подписания договора на управление.

Реакцией Брюса было упорное неповиновение. Это же беспредел. Он не был каким-то лохом с «Муви Таун». Он был американцем и исправно оплачивавшим пошлину членом престижной Гильдии Киноактеров. И кроме того, он не слишком много

заработал на этих фильмах, спросите хотя бы Рэймонда Чоу. Жалкие пятнадцать тысяч – это все, что Голден Харвест заплатили Ли. За две картины. И вообще это не их чертовое дело.

Все верно. Таким было прошлое. А как насчет будущего? Как насчет него? Хорошо. Что должно было защитить Ли от потенциальных угроз и подлых поступков, которые как известно случались с гонконгскими представителями индустрии развлечений, не имевшими контракта? Что! Брюс был королем кунг-фу или они не слышали об этом? Хорошо, наверное, будет проще понять, если проблему представить в форме вопроса. Собирался ли Брюс снимать еще фильмы с Голден Харвест в Азии?

Ответ, как и характер Брюса, был резким, и в начале 1972-го он разорвал свои отношения, подразумеваемые и иные, с Голден Харвест Студиос и основал Конкорд Продакшнс с Рэймондом Чоу. Жизнь с чистого листа. Как и со многими контрактами с триадами, это был их бизнес. Не то чтобы это была неведомая территория для Брюса. Он жил на ней как член уличной банды. Он работал в фильмах со своим отцом, и поэтому знал, что это была стандартная процедура для основной части китайской киноиндустрии. Проблема была в том, что Брюс больше не жил жизнью члена уличной банды. Голливуд дал ему новый образ, и даже если ему пришлось бы кричать об этом с вершины Пика Виктории, он бы никому не позволил обесценить свою карьеру, связав себя с организованной преступностью.

После основания Конкорд Продакшнс Брюс написал свой первый и единственный сценарий, который он назвал «Путь Дракона». Кроме того, что в одиночку написал сценарий, он сыграл главную роль и использовал эту картину в качестве своего режиссерского дебюта. По словам Линды Ли, Брюс принял решение делать все сам просто потому что никому не доверял в Гонконге. И хотя это может быть отчасти правдой, нельзя игнорировать сильную вероятность, что в свете того, что Конкорд Продакшнс были новой компанией, не имевшей причастности к триадам, у Брюса безусловно были некоторые проблемы с тем, чтобы заставить людей работать на него.

Как только сценарий был завершен, Брюс столкнулся с еще одной большой трудностью. Как продукция отступников, «Путь Дракона» не мог быть снят в контролируемой триадами Юго-Восточной Азии. Чтобы обойти эту проблему Брюс увез костяк съемочной группы в Рим за 6 000 километров, где они сняли фильм летом

1972 года. Это была еще одна большая игра. С исторической точки зрения это была первая гонконгская картина, снятая в Европе. В фильме одну из главных ролей также сыграл Чак Норрис в своей первой роли, и Нора Мяо, молодая и красивая китайская актриса, которая вскоре присоединилась к списку восходящих кинозвезд, которые, как утверждают, были связаны с Брюсом романтическими отношениями.

Когда вышел «Путь Дракона», критики, с незначительными исключениями, сочли картину глупым, потворствующим своим желанием, монотонным фильмом с качеством домашнего видео. В сущности, скучный сюжет фильма сводился к тому, что группа японских бандитов заставляла невинную и наивную китайскую семью силой подписать договор на владение рестораном. Конечный продукт представлял два часа эпизодического насилия (5% стотысячного бюджета фильма ушло на покупку галлонов искусственной крови) еще больше усилило расовые унижения, направленные на критику японцев. Не считая заключительных сцен боя между Брюсом и Чаком Норрисом, фильм имел небольшую подкупающую ценность.

До релиза «Выхода Дракона» Брюс хвастал прессе, что кассовые сборы фильма затмят два его предыдущие фильма, предсказывая далее, что картина соберет 5 000 000 гонконгских долларов (1 060 000 долларов США) только в одном Гонконге. Когда фильм вышел в начале 1973, общий доход сильно не дотянул до его смелых предсказаний, собрав жалкие 179 000 долларов США дохода по всей Юго-Восточной Азии в 1973-ем. Вместо того, чтобы признать, что фильм обернулся финансовой катастрофой, Брюс и Рэймонд сообщили прессе, что доход от фильма превзошел ранние предсказания Ли. Добровольная демонстрация Брюсом своей силы потерпела жалкое поражение. Он сделал преждевременные попытки вернуться в Голливуд, пока на китайском рынке страсти не накалились до предела, и при этом, не считая уникального физического мастерства, он был не пара звездам вроде Коберна и МакКуина. На западе критике подверглись сцены насилия с участием Ли.

К сожалению, Брюс снова оказался на родине. Что касается роскошных покупок, которые он делал, куда относились в числе прочего новый Мерседес и полный новый шкаф итальянских костюмов и туфель, все это было возможно благодаря средствам, предоставленным Рэймондом Чоу от ожидаемой прибыли от «Пути Дракона».

По легенде веками территория Коулун Тун была домом девяти драконов и имеет отталкивающую репутацию разрушителя богатых семей. Поселившись в Коулун Тун за считанные дни один за другим заболели все члены семьи. Опасаясь, что на доме

лежит несчастье (фэн-шуй), Брюс вызвал таинственного предсказателя, который приехал, держа в руках большое устройство, напоминавшее мензурную буссоль с магнитной стрелкой, которая могла свободно указывать на любой из двенадцати китайских зодиаков.

После осмотра дома предсказатель всерьез обеспокоился. Все это место имело плохую энергию фен-шуй. Гораздо хуже был тот факт, что дом располагался прямо под воздушным коридором аэропорта Кай Так и выходил фасадом в неправильную сторону, поэтому между духовными и материальными вещами не было гармонии. Из-за мрачных предупреждений предсказателя Брюс установил на крыше пак-ква, небольшой зеркальный набор в восьмиугольной деревянной рамке, чья функция заключалась в том, чтобы отражать несчастья.

По словам китайских старейшин, когда Брюс переехал в пригород, это вызвало гнев и соперничество мифических драконов. Говорит Мэл Тобайас, гонконгский критик: “Вы знаете, что Брюс Ли по-китайски означает “маленький дракон”, верно? И что дом, в котором он жил в Коулун Тун, был связан с драконами. И знаете, что китайцы очень суеверный народ. Короче, весь этот дом пропитан дурной энергией фэн-шуй!”

Были и другие проблемы. В это время Брюс продолжил бороться с репортерами, которые начали вынюхивать подробности о его личной жизни, в частности, предполагаемых романтических похождениях. С кем же он спит, настаивали они? Безусловно он не был верен своей бледнокожей гви-ло (заморскому дьяволу) женщине. Что же он прятал и где?

Не прошло много времени, прежде чем нападки прессы сосредоточились на Бетти Тин-пей (Тун Мей-Лай), третьесортной тайваньской актрисе, имевшей отвратительную репутацию в желтой прессе и ассоциировавшуюся с беспорядочным приемом наркотиков и свободной любовью. Хотя Брюс и Линда впервые увидели Бетти Тин, спускаясь по шоссе Ридженси Хаус в Коулуне, ходили слухи, что красивая искусительница была специально подослана к Брюсу неким преступным синдикатом триад.

Несмотря на то, как они познакомились, пресса считала, что их знакомство было далеко не случайно, и что эта соблазнительная роковая женщина, которая не была нанята Конкорд Продакшнс ни в каком качестве, беспрепятственно появилась во время кинокомпании «Путь Дракона» в Риме, за 6 000 миль от Китая. Не прошло и двух дней, как в прессе появилась цитата Брюса, будто бы он сказал Линде, что Бетти была

“единственным лучом света в совершенно скучных киносъёмках”, позднее добавив, что “Бетти радуется меня. Она поражает меня своим интеллектом”. Маловероятно, что Линда увидела хоть что-то интеллектуальное в этой женщине. Среди прочего Бетти имела поразительное сходство с предметом обожания Брюса из колледжа, Эми Сэньбо.

Вскоре после того, как Брюс познакомился с Бетти, репортер припер Линду к стенке на мероприятии, которое она посетила без мужа. “Говорят, что Брюс очень близок с одной актрисой” – громко выпалил репортер. “Что вы об этом думаете?” Как утверждают, Линда на мгновение остолбенела, а затем ответила: “Это его дело”. Хотя и неприятный Линде и противоречащий ее религиозному воспитанию, это был правдивый ответ. Для успешных китайских мужчин любовницы это такой же показатель престижа, как и роллс-ройс. Это просто часть имиджа. Тем не менее, запрещенное в Гонконге только с 1970, внебрачное сожителство (форма полигамии) больше похоже на то, что западный мир называет любовницами. Эти оравы женщин придают новое значение фразе “убийственно привлекательный” и по-прежнему открыто орудуют в Гонконге.

Хотя «Пути Дракона» не удалось привлечь международного дистрибьютора с высокой репутацией, когда Рэймонд Чоу объявил, что эта картина собрала больше 5 000 000 гонконгских долларов в одном только Гонконге, независимые продюсеры со всего мира начали проявлять свой интерес.

Ран Ран Шоу едва ли был вопросом, потерявшим актуальность, и не проходило и дня, чтобы со стороны прессы не поступали вопросы об отношениях Ли с Шоу Бразерс. Как-то в студию на интервью пришел репортер и спросил, будет ли Брюс работать на Ран Ран. “Если будет хороший сценарий, я рассмотрю это предложение” – ответил Брюс. “Я хочу продолжать занимать нейтральную сторону и работать на ту компанию, которая предоставит мне хорошие сценарии. Я не хочу принимать участие в конфликтах или соперничестве”.

Интересный ряд комментариев. Прямо из огненной пасти дракона намек на то, что он не связан контрактными обязательствами с Рэймондом Чоу, несмотря на их партнерские отношения в Конкорд Продакшнс. За этим последовало утверждение, что у него нет желания участвовать в политических спорах. Через несколько минут на сцене появилось шесть репортеров, и все как один задавали один и тот же вопрос. Раздраженный, Брюс рявкнул: “Скажите им, что я подписал контракт с Шоу на

двадцать фильмов!” Как и много лет назад Эми Саньбо так тонко подметила, что Брюс временами получал удовольствие, заваривая кашу.

Беспокойство в жизни Брюса также начало уходить внутрь. “Я будто в тюрьме!” - жаловался Брюс. “Я словно обезьянка в зоопарке!”

Брюсу казалось, что все хотят заполучить его, особенно бесконечный наплыв алчных, лицемерных продюсеров. “Они думают, что меня интересуют только деньги” – возразил он. “Поэтому каждый из них старается заманить меня на свою съемочную площадку, обещая огромные суммы денег”. Очевидно Брюс позабыл, что ранее написал в своей Главной Личной Цели, как он сперва получит 10 000 000 долларов, а затем начнет жить в мире и гармонии. Вероятно, эти кинопродюсеры следовали в похожем направлении в сторону просвещения.

Многие биографы отмечают, что примерно в это время Брюс и Рэймонд Чоу все больше и больше стали отдаляться друг от друга. Когда фэнзин Голден Харвест, издаваемый Чоу, выпустил статью, высказав предложение, что Чоу был мозгами Конкорд Продакшнс, Брюс тут же вспылил: “В этой статье выдвигается мнение, что я безмозглое дитя, которое полагается исключительно на Рэймонда! Но я не такой... наоборот, я сам себе хозяин, и у меня не меньше мозгов, чем у остальных!”

Кроме того, что стал подозрительным к своему деловому партнеру, Брюс постепенно стал раздражителен и с близкими друзьями. После прибытия в аэропорт Кай Так, Дэн Иносанто, лучший ученик Брюса, приехавший в Гонконг для съемки неофициальной сцены боя с Ли, небрежно сказал Брюсу, что тот выглядел худым. Без предупреждения Брюс резко ударил кулаком Иносанто, отбросив его к стене. Иносанто стоял без движения, уставившись на Брюса, который гневно заявил, что он “сильнее, чем когда-либо”!

Хотя по словам Иносанто, сила Брюса действительно была больше, чем раньше, что беспокоило его, так это настораживающая потеря веса. Иносанто был не единственным, кого беспокоило здоровье Брюса. Многие из его окружения стали отмечать, что он выглядит больным.

В ноябре 1972-го Брюс проконсультировался с гонконгским специалистом, доктором Отто У.Т.Ау. Основными жалобами Брюса были: 1) впалые щеки 2) чрезмерная потливость 3) сильное акне и 4) потеря веса. После обследования Ли, доктор Ау описал его как стройного китайского мужчину с весом 124 фунта и диагностировал у него наличие аксиллярного гипергидроза (чрезмерной потливости).

После диагноза доктора Ау Брюс был доставлен в Каносса Хоспитэл, где Ау хирургическим путем удалил потовые железы в подмышечных впадинах Брюса, после чего посоветовал Брюсу соблюдать сбалансированную и полноценную диету, и прописал лекарство от острого беспокойства. К большому сожалению, тридцать четыре года назад, ввиду недостаточности сведений научного характера по этой теме, доктор Ау не связал жалобы Брюса с приемом анаболических стероидов.

Вспоминая 1968 год, легенда боевых искусств, Джо Льюис, шесть футов ростом и 200 фунтов крепких мышц, который буквально возвышался над Брюсом, выступил с публичным заявлением: “Брюс очень стыдился своей узкой грудной клетки. У него была плоская грудная клетка, а ноги были очень худыми, и это очень его беспокоило. Он хотел побольше мяса на теле. В то время он был ростом в 5 футов 7 дюймов и весил около 138 фунтов, и через некоторое время он начал набирать вес. Он был очень силен, просто не имел мышечной массы”.

Кроме того, что имел большой страх быть избитым кем-то больше себя, Брюс неизбежно стал одержим своим образом на экране. В сущности, чего он желал, так это ярко выраженной мускулатуры (которую бодибилдеры называют рельефом) и для того чтобы достичь этого, он начал принимать анаболические стероиды, используя процесс под названием “стэкинг”. Это сложный способ смешивания различных стероидов, который часто вызывает расстройство желудка у потребителей. Чтобы побороть проблему метеоризма, появляющуюся от чрезмерной задержки жидкости в организме, вызванной приемом стероидов, Брюс часто употреблял диуретики. Хотя это значительно снизило чрезмерное содержание воды в мышцах и таким образом дало ему желаемую рельефную внешность, это была опасная практика, которая часто ставила его в опасное для жизни состояние обезвоживания.

Кроме значительного увеличения объема мышц, снижая при этом уровень жира в теле, стероиды значительно увеличивают скорость, силу и выносливость спортсмена, а также временно увеличивают мужское половое влечение. Хотя первоначально Брюс принимал стероиды для развития мускулатуры, он был удивлен, когда препарат увеличил его сексуальность, которая в силу его крипторхизма до этого времени была незначительным элементом его жизни.

Психологический профиль, отмеченный потребителями анаболических стероидов, как нельзя лучше описывает Брюса Ли в начале 1970-х и включает в себя: 1) повышение самооценки, иногда до степени крайнего нарциссизма и эгоцентризма

2) растущее половое влечение начинает интенсивно развиваться 3) снижение способности потребителя воспринимать плохую работу или неудачу 4) отмеченное снижение терпимости к другим.

С точки зрения исторического контекста важно отметить, что в то время, когда Брюс начал принимать анаболические стероиды, опасные для жизни побочные эффекты приема стероидов были неизвестны, и поэтому прием синтетических гормонов любителями, олимпийцами и профессиональными спортсменами (включая других мастеров боевых искусств) не считался незаконным и необычным делом. Тем не менее, это не преуменьшает тот факт, что он начал принимать то, что современные научные исследования определили как самые физически разрушающие и психологически обесценивающие из всех препаратов.

Анаболические стероиды стали решением главных проблем в жизни Брюса Ли, по крайней мере на какое-то время. Джим Стэлуорт, старшеклассник средней школы Ролингс в Керни, штат Небраска, открыто говорил о своих первых впечатлениях от препарата, который был для Брюса наиболее привлекательным: “Анаболические стероиды не вводят тебя в ступор или галлюциногенное состояние, они дают тебе толчок, провоцируют всестороннее поведение плохиша, которое намного переходит границы и обычной жизни, и любых других наркотических веществ из тех, что я употреблял”. Ключевые слова, которые неизбежно стали визитной карточкой Брюса, это “поведение плохиша”.

Доктор Ау вылечил три незначительных жалобы потребителя стероидов: чрезмерную потливость, острое беспокойство и акне. Однако, спортсмены и бодибилдеры, которые продолжают принимать стероиды долгое время, подвергаются опасности причинения огромного вреда сердцу, почкам и печени. Чтобы избежать эти физические недомогания, необходимо, чтобы потребитель периодически переставал принимать стероиды по правилу большого пальца: установив одинаковое время для приема и воздержания – то есть четырнадцать дней прием, четырнадцать воздержание; тридцать дней прием, тридцать воздержание, и так далее.

Даже на короткое время воздержание от приема анаболических стероидов - это противоположная сторона обоюдоострого меча. Широко известные побочные эффекты включают острое беспокойство, бессонницу, потерю энергии, депрессию, маниакальный синдром, импотенцию, чувство неполноценности, потерю мышечной массы и мысли о суициде. Не редкость и тяга человека к успокоительным, часто в

форме алкоголя или других ЦНС-депрессантов, чтобы нейтрализовать побочные действия.

Вспоминая об этом сегодня, неудивительно, что в октябре 1972-го Брюс начал выражать признаки физического и психологического истощения. Характерная черта его растущего и безудержного приема анаболических стероидов, что с этого времени он стал жертвой сильных перепадов настроения, которые часто сочетались с непредсказуемыми всплесками того, что сегодня известно потребителям стероидов как стероидная ярость.

Не считая того, что Брюсу требовалось время на отдых, пока он временно отказался от приема стероидов, после релиза «Пути Дракона» была еще одна причина для этого примечательного затишья в карьере Брюса. Проблема заключалась в том, что «Путь Дракона» показал, что китайские фильмы о кунг-фу с европейскими декорациями были обречены на низкие кассовые сборы. Это значило, что Брюс был вынужден вернуться к съемкам в Юго-Восточной Азии, где у Конкорд Продакшнс не было рабочего соглашения со структурой триад.

В течение этого периода в несколько месяцев пока неизвестные участники, как утверждают, проводили переговоры с триадами, Брюс снял отдельные боевые сцены со звездой баскетбола из Лейкерс, Каримом Абдулом-Джаббаром, мастером хапкидо Дзи Хэнь Дзаем и ставленником боевых искусств Дэном Иносанто. Первоначально Брюс планировал представить эту съемку на рассмотрение голливудским продюсерам в надежде на поддержание интереса. Хотя с технической точки зрения эти съемки были сделаны в контролируемом триадами Гонконге, Брюс провел эту съемку неофициально, без сценария, обойдя эту проблему прославленной версией любительской съемки. Как и ранее, на съемках «Пути Дракона» оказалось, что Брюс снова обошел принятую практику.

Хотя Брюс и Конкорд Продакшнс явно имели проблемы в Гонконге, в Соединенных Штатах за 7 000 миль оттуда, продюсер Фред Вейнтрауб не махнул на Брюса рукой. Получив должность креативного вице-президента в 1969-ом и следил за созданием «Вудстока» и «Ярости», Вейнтрауб основал собственную продюсерскую компанию с Полом Хеллером, который помог в съемках «Грязного Гарри» с Клинтом Иствудом и «Нечестной Игры» с Джеймсом Гарнером.

Пока Брюс в Гонконге снимал свои первые два фильма с Голден Харвест, Вейнтрауб держал дверь открытой, предлагая к запуску на экран, после завершения,

два законченных продукта для директоров Уорнер. Однако, посмотрев «Большого Босса» и «Кулак Ярости» директора просто отказались. Несмотря на неудачу, Вейнтрауб и Хеллер привлекли на контрактной основе сценариста Майкла Аллина написание первого черновика сценария, который позже получил название «Выход Дракона».

Выбранное ими время подходило как нельзя лучше. Основываясь на успехе Брюса по привлечению азиатских и европейских звезд боевых искусств в «Пути Дракона», в сочетании с исторической поездкой президента Никсона в Континентальный Китай и ростками преданности компании Секвойя в финансировании сценария Аллина, Уорнер Бразерс согласились финансировать картину. Однако теперь проблема заключалась в том, чтобы Рэймонд Чоу согласился на условия.

Согласно книге Роберта Клауза «Брюс Ли: биография», Фред Вейнтрауб вылетел в Гонконг, чтобы подписать окончательное соглашение с Рэймондом. После двух недель переговоров Вейнтрауб так и не смог заставить Рэймонда Чоу поставить свою подпись. Хотя Чоу продолжал утверждать, что считает это плохим шагом для Брюса, все знали, что это был потенциальный кошмар для Голден Харвест, поскольку они могли потерять контроль над своей первой и единственной звездой. Хотя Брюс казалось был настроен благосклонно к заключению сделки, Вейнтрауб никак не мог заставить Брюса и Рэймонда в комнате вместе.

Наконец за день до отъезда из Гонконга Вейнтрауб оказался за одним столом с обоими мужчинами за заранее подготовленным обедом. Решив поставить точку, Вейнтрауб сообщил Брюсу, что он испытывает большое сожаление, что без этой сделки (или как кому нравится) он так никогда и не станет международной звездой. Вероятно, Рэймонд был прав, и Брюс должен действовать наверняка и сосредоточиться на китайской киноиндустрии. Брюс казалось хотел заключить сделку и не понимал, в чем проблема. Вейнтрауб вспоминает, что произошло следом. «Рэймонд сидел рядом со мной, и я сказал Брюсу, что никак не мог заключить сделку с Рэймондом. Брюс посмотрел на меня, затем на свою жену Линду, и наконец на Рэймонда. ‘Заклучай сделку’. Рэймонд улыбнулся и сказал: ‘Думаю, это замечательная идея’». Разумеется, не считая проблемы потери контроля над Брюсом, трехсторонний контракт, в который входила такая мощная студия, как Уорнер Бразерс,

мог сказаться на Голден Харвест наряду с Чоу и всеми тайными партнерами, которые у него были, потерей эксклюзивного контроля над финансовыми ресурсами.

Согласившись на сделку как таковую, Брюс Ли и Рэймонд Чоу вылетели в Лос-Анджелес, где уже как представители Конкорд Продакшнс, подписали контракты с Уорнер Бразерс и Секвойя Пикчерс. Пока чернила сохли на страницах контракта, Брюс и продюсер Вейнтрауб поехали домой к сценаристу Майклу Аллина для обсуждения сценария.

Аллин недавно вспоминал эту встречу так, словно это было вчера, когда он смотрел на линию побережья Атлантического Океана из своего дома в Истхэмптоне. “Я немного стеснялся встречи с Брюсом Ли. Я видел его предыдущие фильмы, и откровенно говоря, думал, что встречу некоего прямого потомка Будды. Думаю, я представлял Брюса в длинных одеждах, медитирующего перед встречей, чай и множество мудрых старых поговорок. Короче, тут заходит Брюс, и первое что он делает, это открывает свой кожаный чемодан и достает цветную иллюстрацию роллс-ройса. Он практически сует ее мне в лицо и говорит: ‘Я только что заказал этого красавчика, роллс-ройс!’ Я не знал, что ответить. Я был смущен. В конце концов мне пришлось ответить, потому что было очевидно, что он ждет моей реакции, и я спросил: ‘А какого он цвета?’ Брюс словно набросился на вопрос – ‘Что значит, какого цвета. Золотого, конечно!’”

После этого неловкого момента мужчины сели для обсуждения сценария Аллина. По словам Аллина, единственным “лежачим полицейским” был рост Брюса. Пока Аллин был занят переписыванием сценария, Брюс вернулся в отель Беверли Уилшир, где с нетерпением заказал звонок Стиву МакКуину.

Прошло два года с тех пор, как Брюс потряс кулаком перед домом МакКуина, заявив, что однажды станет более крупной и яркой звездой. Брюс рассказал МакКуину, что вернулся из Гонконга и затем начал с ликованием твердить, что его фильмы имеют сильное влияние на рынке, и как он только что подписал контракт на съемку фильма с Уорнер Бразерс. МакКуин дождался, пока Брюс наконец закончит, а затем сказал: “Рад за тебя”. На следующий день Брюс получил от личного курьера огромную фотографию МакКуина в форме стандартного плаката, используемого студиями для рекламы своих фильмов. Глянцевая фотография МакКуина в натуральную величину была лично подписана суперзвездой: “Брюсу Ли, моему самому большому поклоннику. Стив

МакКуин”. Брюс был в таком бешенстве, что прикрепил плакат к шкафу и приготовился к тренировке, а затем разнес изображение в мелкие клочья в боевой горячке.

«ВЫХОД ДРАКОНА»

Несмотря на то, что наконец-то воплотилось страстное желание Брюса сыграть главную роль в полнометражном кинофильме, выпущенном крупной американской кинокомпанией, это мало удовлетворило его ненасытное эго, поэтому с самого начала были проблемы.

В январе 1973-го голливудские продюсеры Фред Вейнтрауб и Пол Хеллер приехали в Гонконг вместе с голливудским режиссером Бобом Клаузом и контингентом голливудских актеров. Очевидно, что это была далеко не разношерстная группа людей, незаслуженно занимающих свои должности, как в гонконгской киноиндустрии, представителей которой Брюс рьяно критиковал в последние два года. Голливуд ступил на территорию Дальнего Востока с деньгами Уорнер Бразерс, и для многих ключевых игроков голливудского контингента Брюс Ли был китайской звездой, а не голливудской, и Брюсу это не нравилось.

Впервые увидев Боба Клауза, Брюс подошел к нему и легонько ударил по своей щеке.

- Никогда не забывай – забавно улыбнулся Брюс.
- Не забывать о чем? – спросил режиссер.
- Это моя дурная сторона! – ответил Брюс.

Вспоминает Майкл Аллин. “С этого момента Клауз начал считать Брюса настоящим придурком, и часто отзывался о нем с презрением”.

То, что скоро приняло вид цирковой репризы, стало еще большим фарсом, когда Майкл Аллин приехал в Гонконг в первую неделю января 1973-го. Аллину не было никакой причины находиться там, но продюсеры, ввиду того факта, что Аллину не слишком много платили за работу, отправился в свободное путешествие до Гонконга, следуя соответствующему пункту договора.

После приезда Аллин наткнулся на газетный заголовок на китайском языке и с собственной фотографией. Полагая, что это рекламная статья о приезде сценариста в Гонконг, он вежливо попросил китаянку, с которой подружился в аэропорту, перевести ее. Хотя Аллин не разговаривал и не видел Брюса с момента их первой встречи в Лос-Анджелесе примерно три месяца назад, он был совершенно изумлен,

узнав, что в этой статье говорилось, что Брюс рассержен на Аллина, и приказал продюсерам вышвырнуть сценариста из Гонконга! После успокаивания озадаченного сценариста, женщина убедила его, что эта статья была типичным преувеличением бульварной прессы, осаждавшей Брюса Ли, и Аллин оставил эту мысль.

Несколько часов спустя Аллин приехал в гостиницу Хайат Редженси, на предполагаемый приятный ужин с Бобом Клаузом и Фредом Вейнтраубом. Клауз в течение многих лет носил слуховой аппарат в обоих ушах, и теперь он осматривал обеденный зал в поисках уютного столика. Аллин случайно наткнулся на мужчин (каждый из которых был убежденным трезвенником), поразившись тому, что они оба пьяны в стельку. Клауз начал вопить. “Какого черта ты здесь делаешь, парень! Сейчас Брюс придет!”

Вейнтрауб подхватил там, где остановился Клауз. “Какого черта ты написал для Брюса! Он в ярости! Он не вышел на работу!”

Аллин вдруг вспомнил бульварную статью в аэропорту. “Что все-таки происходит?”

Клауз начал вопить. “Все полетело к чертям! Он замахнулся на Линду, а потом заперся в своем кабинете! Господи, парень, убирайся отсюда к черту!”

Что было типично для легендарных голливудских разборок и подлости, и с целью умаслить Брюса, или Клауз или Вейнтрауб или кто-то другой в отсутствие Аллина передал Брюсу несколько переписанных неизвестными лицами сценариев, которые буквально выбросили Брюса за борт. И вместо того чтобы указать в качестве ответственного лица того, кому они по праву принадлежали, гораздо проще было свалить вину на начинающего сценариста.

Несмотря на обрушившийся поток гнева, Аллин только приехал в Гонконг и не собирался бежать из города. Кроме того, эта поездка была его жалкой компенсацией. Согласившись держаться подальше от неуравновешенного Брюса Ли, Аллин окунулся в достопримечательности и звуки Гонконга, а затем вернулся в Соединенные Штаты неделю спустя.

Спустя годы сообщалось, что не успела группа голливудских актеров приехать в Гонконг, как Брюс заявил, что терпеть не может сценарий. И хотя он прочел сценарий Аллина до начала непосредственных съемок фильма и принял финальную версию сценария, неожиданно он нашел серьезные недочеты в сценарии Аллина. У Брюса было твердое мнение на этот счет: “Эй, есть всего одна причина, почему этот фильм

находится в производстве и она заключается в том, что люди верят, что в фильме с участием Брюса Ли окупятся затраты на его производство. Он снимается не потому, что это прекрасный образец литературы!”

Протест Брюса никак не был связан с подтекстом, пророческим или каким-то иным сценарием Аллина, а скорее с конкретными словами, с произнесением которых у Брюса были трудности, как, например, имя героя Брэйтвэйт, которое Брюс, поскольку он громко произносил R и W, нашел трудным для произношения. В книге «Брюс Ли», как утверждает ее автор Джесси Гловер: “Чего я никогда не видел, чтобы кто-то говорил о Брюсе в печатных изданиях, так это то, что он запинаясь... Временами его голос заедало, и он не мог говорить... Если кто-то смеялся над ним в это время, Брюс опасался, что может вспылить и ударить этого человека”.

Разумеется, настоящей проблемой, с которой столкнулся Брюс, было унижение, потому что большинство людей связывают запинки со страхом. И у Брюса Ли, известного на весь мир короля кунг-фу, то, что на него смотрели как на человека, охваченного страхом, росло невероятное внутреннее противоречие.

После отъезда Аллина из Гонконга, Уорнер Бразерс начали отсылать переписанные версии сценария в надежде угодить Брюсу. Двенадцать дней спустя очередной сценарий был доставлен из Голливуда, подтолкнув Фреда Вейнтрауба к тому, чтобы позвонить в студию и сообщить им, что он уходит. Затем Линда позвонила Вейнтраубу и попросила его остаться и дать Брюсу еще немного времени. Прошла еще неделя, а Брюс до сих пор не появлялся на площадке. Сытый по горло непрофессиональными и несерьезными задержками, Вейнтрауб в конце концов хотел уволить его и заменить кем-то другим, гневно крича: “Да кому нужен этот парень?”

Вейнтрауб не понял настоящую проблему, которая в сущности заключалась в возрастающем приеме лекарств Брюсом и его неспособности уравновесить и нейтрализовать эффекты и побочные эффекты одного химического вещества с другим. В результате, он находился в состоянии постоянных эмоциональных потрясений и нестабильности.

Прошло три недели, прежде чем Брюсу удалось взять себя в руки до такой степени, что он пришел на работу. Многим он показался чрезвычайно замкнутым и обеспокоенным. “Он нервничал в тот день, когда мы начали съемки” – вспоминает Вейнтрауб. “Было видно, что у него тик на лице. Боб сказал мне: ‘У него тик’. Первая

сцена с его участием была очень проста, но на ее съемки потребовалось двадцать дублей”.

У Брюса была веская причина нервничать. С первого дня от его соотечественников слышались ворчания о том, что заморские дьяволы обдирают китайцев и делают деньги на древнем искусстве кунг-фу. Хотя сам Брюс был на три четверти китайцем, благодаря своему американскому гражданству его считали больше американцем и часто принимали во внимание в растущих антиамериканских настроениях. Тот факт, что он был женат на белой женщине также не шел ему на пользу.

Еще до разгара съемок все неожиданно накалилось, когда учитель Брюса по боевым искусствам, мастер Ип Ман, скоропостижно скончался. Специалисты вин-чунь, старые друзья, поклонники и представители многих стилей китайских боевых искусств со всего мира съехались на похоронную церемонию. Хотя долго гуляли слухи, что Брюс затаил злобу на своего старого сифу, Гонконг был шокирован и повергнут в ужас, когда Ли, сославшись на свое напряженное расписание съемок, не посетил траурную службу. На следующий день газетные передовицы честили его, и в отместку изобразили получившую широкое распространение карикатуру, на которой Ли, откидывая прядь со лба, говорит у могилы Ип Мана: “Прости, Мастер, я слишком занят зарабатыванием денег, чтобы посетить твою похоронную церемонию”.

Кроме стрел и копий, направленных на Брюса соотечественниками, и подоплеку расовой враждебности, слишком явно напоминающей детство, съемочная площадка кишела триадами, нанятыми на роли массовки и каскадеров, некоторые из которых задевали Брюса и открыто вызывали его на бой. Более того, в головном офисе ходил слух, что Ран Ран Шоу внедрил осведомителей на каждом этапе производства фильма.

Как только начались непосредственные съемки фильма, появилось еще больше проблем. В одной из ранних сцен Брюс по сюжету должен был пройти мимо живой кобры. Ко всеобщему ужасу змея напала на Брюса и укусила его. Хотя яд у змеи был предварительно удален, результатом ее укуса стала неделя ноющей боли. Несколько недель спустя во время съемки боевой сцены Брюс получил сильное рассечение руки, где была задета артерия и потребовалось наложить десяток швов. Через несколько часов после травмы Брюсу сообщили, что его рассеченная рука не была простой

случайностью. Вскоре появились угрозы смерти и атаки противников, и неприятный бой, возникший между Брюсом и одним из представителей триад.

В заключительные недели Брюс использовал все свои внутренние ресурсы. Это была игра ценою в жизнь, и ставки в ней были невероятно высоки. Если бы он мог продержаться еще несколько дней, даже часов, тогда бы он улетел в Соединенные Штаты и взял столь необходимый отдых.

В последние дни съемок у Брюса снова начал проявляться широкий спектр физических и психологических проблем. Многие отмечали, что он выглядел серьезно больным, тогда как другие утверждали, что он находился в постоянном оцепенении. Мария Йи, сыгравшая с Брюсом в главной роли в фильме «Большой Босс», публично заявляла: “Ближе к концу я обнаружила, что у Брюса потеря памяти. Когда я встречала его в студии, он часто вытаскивал из дипломата фотографию своей любимой машины и просил меня высказать свое мнение. Он повторял это четыре или пять раз в день, не зная, что делал это раньше. Я чувствовала, что с ним происходит что-то странное”.

Очевидно, были другие силы, которых беспокоило будущее Брюса, потому что примерно в это время многочисленные страховки жизни начали оформляться на имя Брюса. Хотя нет записей о том, что Брюс прибегал к страхованию жизни до февраля 1973-го, после его смерти появились сведения, что его жизнь застрахована на три отдельных страховых договора.

Первый страховой договор был заключен с Гильдией киноактеров, членом которой Брюс являлся. В 1973 по страховому договору было выплачено единовременное страховое пособие по причине смерти застрахованного лица в размере 5 000 долларов. Никто и никогда не поднимал вопрос об объеме страховой защиты, и не должен был этого делать.

Второй договор, с международной американской страховой компанией (АСК), чье закрытое акционерное общество располагалось в Сингапуре, был заключен на сумму 200 000 долларов США (2 600 000 долларов США в 2003 году) и охватывал период с 1 февраля 1973 по 31 января 1978. В качестве получателей страховых выплат были указаны “Линда Эмери Ли, если жива, или Брэндон Брюс Ли и Шэннон Эмери Ли, дети покойного, с равными долями каждому”. Вдобавок к вопросу о том, знал ли Брюс о страховом договоре АСК, важно заметить, что в апреле 1973 по сведениям федерального подоходного налога общий размер накоплений Брюса составлял всего 17 000 долларов.

То, что заявление на получение страхового договора с АСК было подано менее чем за шесть месяцев до смерти Брюса, это довольно интересный факт. А то, что третий страховой договор (на который Линда подала заявку 30 апреля 1973) в компанию Лондонский Ллойд на умопомрачительные 1 350 000 долларов США (17 500 000 американских долларов в 2003-ем) был выдан девяносто дней спустя, открыто настораживает. Все вместе это составляло общую страховую сумму более полутора миллионов долларов США. Если взглянуть на это шире, то сегодня это бы составило почти 20 000 000 долларов страховки на жизнь человека с очень небольшим капиталом и общим объемом наличных чуть более 200 000 долларов.

В качестве даты вступления в силу всех трех страховых договоров фигурировало 5 мая 1973 года.

10 мая, всего пять дней спустя после выдачи страхового полиса Лондонского Ллойда, Брюс занимался наложением голоса на павильоне звукозаписи, когда вдруг почувствовал приступ тошноты. Он быстро извинился и вышел в ближайшую свободную уборную, где почувствовал чрезвычайную слабость.

По словам Линды Ли, Брюс позже сообщил ей, что насколько он знает, он не потерял сознание, поскольку помнил, как притворился, что ищет по полу свои очки, услышав, как кто-то зашел в уборную. Тем не менее, несколько человек в аппаратной позднее сообщили, что Брюса не было добрые двадцать с лишним минут, что было значительным временем для того, чтобы находиться в близлежащей уборной. Так или иначе, во время возвращения в аппаратную Брюс вдруг потерял сознание и упал на пол, после чего его вырвало, и тело начали сотрясать судороги.

Тут же несколько человек побежали к Рэймонду Чоу, который работал в офисе неподалеку, и сообщили ему о пугающем состоянии Брюса. Вместо того, чтобы вызвать скорую, Чоу позвонил доктору Чарльзу Лэнгфорду в Бэптист Хоспитэл и сообщил ему, что Брюс упал в обморок, возможно подавившись собственной рвотой и теперь у него судороги. Доктор Лэнгфорд дал указание немедленно доставить Брюса в Бэптист.

По приезду в Бэптист Хоспитэл, Брюса направили к доктору Лэнгфорду, американцу, который позже дал следующие свидетельские показания: "Ли привезли несколько человек из студии. У него был сильный жар, он находился без сознания и не реагировал на раздражители в реанимации. Сперва наблюдались дыхательные шумы, затем они прекратились. Затем ряд судорог. Были вызваны несколько других

докторов, включая нейрохирурга доктора Питера Ву. У Ли сокращались и расслаблялись мышцы. Все тело было вовлечено в это движение, но верхние конечности доставили нам наибольшую трудность, потому что он был очень сильным и нам было тяжело его контролировать. После того, как тело Ли на какое-то время перестало подавать сигналы, дождавшись нейрохирурга для проведения обследования, мы дали ему Манитол, чтобы снизить отек мозга, обнаруженный нами. Нам потребовалось полтора часа, чтобы привести Ли в сознание. После того, как Брюс вернулся к жизни, его глаза начали двигаться вправо и влево по кругу, а речь была бессвязной". На вопрос, могло ли состояние Брюса быть причиной чрезмерной нагрузки и переутомления, Лэнгфорд ответил, что не могло. В поздних показаниях нейрохирург доктор Ву заявил, что анализ крови давал основание предполагать о возможном нарушении работы почек, а еще сообщил, что Брюс рассказал ему, что употреблял марихуану в этот день, что по предположению доктора Ву означало, что он жевал листок. Перед тем, как выписать Брюса из больницы Бэптист Хоспитэл, доктор Лэнгфорд прописал ему валиум, чтобы снизить у Брюса состояние тревоги. Затем Брюса перевезли в больницу святой Терезы на дополнительное обследование, в это время он уже находился в полном сознании.

Две недели спустя Брюс отправился в Соединенные Штаты, и 25 мая 1973 был осмотрен упомянутым ранее врачом из Беверли-Хилз, доктором Гарольдом Л.Карпманом. После первого обморока 10 мая Брюс прошел полный медицинский осмотр в больнице святой Терезы в Гонконге и привез с собой результаты анализа.

Не считая того, что он рассказал доктору Карпману, что абсолютно терпеть не может китайскую еду, основными жалобами Брюса были: 1) последние несколько лет он находился под большим напряжением 2) страдал от бессонницы 3) жаловался на плохой аппетит и 4) потерял 20 фунтов веса за два года.

В конкретном случае Брюса важно понимать, что потеря двадцати фунтов веса тела за двухлетний период имеет большое значение. Кроме злоупотребления диуретиками, что значительно снизило процентное содержание воды в теле, у Брюса был чрезвычайно низкий процент содержания жира в теле. В результате при этих условиях потеря более 14% мышечной массы тела была заметна на теле Брюса, и он казался истощенным.

Доктор Карпман провел полное обследование и неврологический осмотр Брюса, включая сцинтиграфию головного мозга, исследование кровотока мозга и

электроэнцефалограмму, и отметил, что тело Брюса не находилось в состоянии обезвоживания. Признаки опухоли головного мозга отсутствовали, а работа сердца и сосудов была в норме. Как бы удивительно это ни звучало, хоть доктор Карпман и был “обеспокоен” весом Брюса (125 фунтов), он нашел его в прекрасном физическом здоровье. Досада Карпмана отмечена его письменным показанием под присягой 24 июля 1974-го, спустя год после смерти Ли:

В: И когда вы в первый раз лечили мистера Ли?

О: Я не лечил его; я осматривал его.

В: Поставили ли в рабочий диагноз?

О: Диагноз чего?

И позднее, после напоминания об употреблении Ли марихуаны:

В: Знали ли вы о том, что Ли употреблял каннабис, и если бы он рассказал вам об этом, повлияло ли бы это на ваше мнение о том, что могло быть его проблемой?

О: Ну, видите ли, в тот момент я правда не понимал, в чем его проблема.

Неспособный прийти к рабочему диагнозу, Карпман направил Брюса к неврологу, доктору Дэвиду Рейсборду. Работая в сотрудничестве с группой коллег в медицинском центре калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, Рейсборд пришел к окончательному диагнозу, что у Брюса было судорожное расстройство, припадок эпилепсии по неустановленной причине. Говоря простым языком, это всего лишь значило, что Брюс был подвержен распространенным судорогам тела, причина которых неизвестна. После выписывания препарата Делантин, распространенного средства для лечения эпилепсии, доктор Рейсборд сообщил Брюсу, что тот здоров.

В конечном итоге, во время дачи показаний, доктор Карпман сообщил, что был озадачен странным анализом, проведенным в Гонконге, когда Брюса доставили в Бэптист Хоспитэл. Анализ содержания в почках азота мочевины крови (АМК), интересовавший доктора Ву, был проведен в Бэптист Хоспитэл 10 мая, но показал, что показатели были в пределах нормы 25 мая, когда Карпман обследовал Брюса в Лос-Анджелесе. В конечном итоге Карпман счел чрезвычайно высокий результат анализа вероятной ошибкой, полагая, что гонконгский лаборант хотел написать 9,2 вместо 92 (показания нормы варьируются от 10 до 20 мг на 100 мл крови).

Однако во время дачи показаний Карпман утверждал, что существовала вероятность, что именно проблема с почками вызвала у Брюса судороги. В дальнейшем, учитывая события следующих шести недель, кажется совершенно невероятным, что результат этого странного анализа был типографской ошибкой, как Карпман предполагал вначале.

ПОСЛЕДНИЙ ЗАНАВЕС

“Рано или поздно в нашей жизни наступает такой этап, когда мы меньше способны что-то делать, а больше способны получать удовольствие, мы обретаем мудрость, которую экклезиасты наконец-то обрели после стольких неудачных поисков и разочарований” - доктор Уэйн У.Дайер

После обширного медицинского обследования в Калифорнийском университете Лос-Анджелеса Брюс поехал в Уорнер Бразерс, где посмотрел «Выход Дракона» в окончательном монтаже. Когда в зале зажегся свет, он понял, что наконец-то добился своего. Сжимая кулаки, он повернулся к режиссеру Бобу Клаузу и улыбнулся своей знаменитой снисходительной улыбкой. “Мы сделали это!”

Он был не одинок в своем мнении. Директора Уорнер, потрясенные тем, что увидели, заказали все виды рекламного продвижения, и отделы маркетинга заработали на полную катушку. Не прошло и несколько дней, как молва о том, что Уорнер Бразерс наткнулись на золотую жилу, буквально распространилась по свету, и в результате киносделки вновь посыпались на Голден Харвест, предназначенные для Брюса Ли. ЭмДжиЭм хотели, чтобы Брюс играл в главной роли с Софией Лорен; а у Уорнер Бразерс было готово не меньше двенадцати сценариев, в надежде, что он справится как минимум с пятью. Вдобавок, Брюсу предложили два фильма в Венгрии, которые предположительно сделали бы его самым высокооплачиваемым актером в мире. Самой заманчивой из всех была невероятно впечатляющая сделка, от которой, как утверждала гонконгская пресса, Брюс не смог бы отказаться: 100 000 американских долларов в год, пока он или Линда будут жить на воплощение одного из предлагаемых пяти сценариев. Это было вдвое больше, чем годовая оплата обладателя Оскара Уильяма Холдена за его историческую сделку на фильм «Мост на реке Квай». “Откровенно говоря, мне интересна эта схема” – сказал Брюс «Чайна Мейл» в статье от 28 июня под заголовком “Брюс Ли получает зарплату суперзвезды”. “Это обеспечит мне безопасность на будущее и облегчит оплату налогов. Кроме того, это не мешает мне работать с любой студией на мой выбор”.

Рэймонду Чоу не понравилось ничего из того, что он услышал, и отношения между двумя мужчинами стали еще более натянутыми. Вдобавок к остальному,

ходили слухи, что они поссорились из-за того, что Брюс вел переговоры о кинопроекте с заклятым врагом Рэймонда, Ран Ран Шоу.

По словам Ран Ран, Брюс получил зарплату в 400 000 американских долларов за участие в документальной картине, основанной на жизни Нинь Канг Йиу, китайском историческом герое. Подписал ли Шоу контракт остается загадкой, хотя верно то, что незадолго до смерти Ли, Брюс появился на студии Шоу Бразерс для примерки одежды и участия в фотосессии.

Рэймонд был не единственным, на кого Брюс начал смотреть скептически. Когда последний занавес начал падать, один за одним последние из оставшихся друзей Брюса оставили его. Вероятно самой широко освещаемой в прессе была давняя дружба со Стерлингом Силлифэнтом.

Согласно книге Боба Клауза «Брюс Ли: Биография», во время прохождения Брюсом диагностических тестов в Соединенных Штатах, Силлифэнт пригласил его на ужин, главным образом, чтобы познакомить со своей невестой, прекрасной молодой тайваньской женщиной Тианой. К большому изумлению Силлифэнта, Брюс посоветовал ему избавиться от Тианы, которую он назвал охотницей за деньгами. Телефонные звонки часами следовали то в одном, то в другом направлении, и Брюс в конце концов сказал секретарю Силлифэнта, чтобы тот сообщил Стерлингу, что он не придет на обед, потому что не хочет, чтобы Линда чувствовала себя неловко, находясь в компании с такой женщиной, как Тиана.

Последний раз Стерлинг видел Брюса в Гонконге, когда они встретились за ланчем. Брюс привел с собой двух самых роскошных азиаток из тех, кого Стерлинг когда-либо видел. После ланча дамы должны были скрасить мужчинам досуг в уединенном местечке. Кроме того, что Стерлинг был счастливым женатым человеком, у него были планы дать интервью телевидению, поэтому он отклонил предложение Брюса. По словам Стерлинга Брюс оказался один с двумя женщинами, и на следующий день, столкнувшись со Стерлингом, Брюс похвастался, что провел незабываемый день с двумя восточными красотками. Стерлинг не был впечатлен, и учитывая то, как Брюс относился к Тиане, первый многие годы цитировал этот случай в качестве примера «своеобразного отношения Брюса к морали». Интересно и то, что до самого дня смерти Брюс хранил личное, конфиденциальное досье на Тиану, содержащее несколько красивых фотографий этой женщины.

Кроме того, примерно в это время Силлифэнт окончательно убедил XX Век Фокс спродюсировать «Безмолвную Флейту». Но Брюс усмехнулся на это, и самодовольно сказал Силлифэнту, что студия не сможет себе его позволить, и что больше всего он не заинтересован в том, чтобы нести Джима Коберна на своих плечах. Как ни странно, это повторяло слово в слово то, что Стив МакКуин сказал Брюсу почти три года назад. Это уже не имело значения. Последний занавес уже начал падать.

Со дня почти фатального обморока 10 мая до дня смерти почти десять недель спустя, Брюс перенес необъяснимую и пугающую потерю веса. К большому сожалению, ни Брюс, ни медицинские работники, которые проводили его осмотр в мае 1973-го, не смогли определить точную причину его чрезмерной потери веса. Помимо неспособности врачей определить причину, Брюса больше беспокоил тот факт, что его чрезвычайно проработанная мускулатура таяла на глазах. С точки зрения изменений, эта колоссальная потеря мышц равноценна тому, что Супермэн, сам того не зная, съел бы целую тарелку криптонита.

Теперь, когда его уникальность была завернута в образ крутого мачо, удалого героя толп угнетенных китайцев, Брюс стал крайне подавленным. Он понимал, что без уникального физического мастерства его карьере придет конец. Больше он бы никогда не был известен как актер. В сущности, за исключением «Выхода Дракона» его голос был наложен во всех фильмах. И хотя он надеялся прославиться как режиссер «Пути Дракона», с творческой точки зрения фильм был воспринят как жуткий провал.

К Ли вновь вернулась бессонница. Что пошло не так? Когда его «Главная Цель в Жизни» почти касалась кончиков его пальцев, все вдруг оказалось на грани ускользания. В отчаянной попытке сдержать свой мир от того, чтобы он разлетелся на куски, и не видя другого выхода, он вернулся к той вещи, которая, как он полагал, восстановила бы его геркулесово телосложение – он начал принимать большие дозы анаболических стероидов.

Опять-таки, не прошло много времени, как на Голден Харвест Студиос поднялась шумиха. Несколькими днями ранее Ло Вэй заявил о себе как о первом режиссере-миллионере. Хотя это было абсолютно верно, Брюсу не понравилась причастность Ло, поставившего себе в заслугу кассовый успех «Большого Босса» и «Кулака Ярости». Узнав о присутствии Ло на территории киностудии, Брюс отправился на его поиски, и обнаружил Ло в просмотрной комнате, где он смотрел фильм со своей женой и деловым партнером.

И вдруг дверь открывается настежь, и Брюс врывается к Ло Вэю. В комнате воцарилась тишина, а мгновение спустя Брюс закричал на до смерти перепуганного старика: “Йи Куань Чинь Шо!”, что значит “зверь в человеческом обличье!” Поставив руки в боки, Брюс нависал над Ло Вэем, казалось, вечность, когда вдруг приехала группа людей и бесцеремонно оттеснила Брюса от комнаты. Теперь, когда синтетический мужской гормон повысился в его крови, стероидная ярость Брюса вернулась.

Через несколько секунд жена Ло вышла из просмотровой комнаты и столкнулась с Брюсом в офисе Рэймонда, выговаривая ему о его детском и агрессивном поведении. Вскоре вокруг стало больше криков и воплей, и собралась еще одна толпа. Чувствующая отвращение, жена Ло вернулась в просмотровую комнату.

Десять минут спустя Брюс снова завалился в дверь и снова гневно высказал старику. На этот раз Брюс вытащил нож, который держал всего десяти дюймах от груди Ло Вэя. “Ты веришь, что я могу убить тебя одним ударом?” – грозился Брюс. Ло Вэй был слишком напуган, чтобы ответить. В этот момент Рэймонд Чоу и толпа других приехали, чтобы снова оттеснить Брюса от комнаты.

На этом все не закончилось. Опасаясь за свою жизнь, Ло Вэй позвонил в полицию, которая приехала довольно быстро. Когда пыль наконец улеглась, полиция согласилась не арестовывать Брюса, если он напишет письменное обещание не наносить физического вреда и не угрожать в дальнейшем Ло Вэю. Брюс неохотно выполнил письменную просьбу.

К ночи все стало еще хуже. Этим вечером Брюс, все еще раздраженный, принял участие в теле-ток-шоу под названием «Повеселись сегодня вечером». Помешанный на том, как легко он мог победить Ло Вэя без использования ножа, Брюс продемонстрировал прием кунг-фу на тележурналисте. Зрители были испуганы, что Брюс едва не отправил безоружного человека на тот свет. На следующее утро пресса разыскивала Брюса, чтобы призвать к ответу за то, она настаивала, что было очередным неуместным актом неспровоцированного насилия.

Чтобы смягчить приступы ярости, кроме употребления марихуаны Брюс начал сильно пить. Чарльз Лоу, нанятый оператором «Выхода Дракона» и часто обедавший с Брюсом в местном ресторанчике, вспоминал, как Брюс выпивал от десяти до двадцати керамических бутылочек сакэ за вечер. “Ближе к концу вечера” – добавил Лоу, “Брюс часто становился очень уставшим и страдающим от головокружения человеком, и выглядел чрезвычайно болезненным”.

Следом за частыми приемами алкоголя Брюс часто оказывался в квартире Бетти Тинг. В других случаях Бетти звонила Брюсу домой в предрассветные часы, жалуясь, что она расстроена и не может уснуть, и умоляла его приехать. Как говорят, примерно в это время Брюс попытался порвать с Бетти, но был вынужден продолжить связь, когда у нее случился нервный срыв и ее доставили в больницу.

Понятное дело, что брак Брюса находился под большой угрозой. Кроме того, Линда начала чувствовать разочарование в том, чтобы жить скованной жизнью типичной восточной супруги. Многие китайцы не относились к ней доброжелательно как к жене Брюса, потому что она была родом с Запада. Однако имело большое значение, что в сочетании с непредсказуемыми эмоциональными всплесками Брюса, его скандальный образ жизни начал наносить тяжелые потери семейству Ли. Каждое утро Линда боялась читать газету из страха, что наткнется на последние заголовки романтических походов мужа, проявления насилия и другие непристойные выходки, во всех из которых также упоминались дети Ли.

Но главный вопрос в середине июля 1973-го заключался в том, что Брюс Ли, теперь, когда его звезда стремилась к зениту, возвращался на Запад, и оставил шокирующее послание напоследок: “Не звони мне, я сам позвоню”.

Означало ли это, что он приказал Рэймонду прикрыть лавочку? Несколькими днями ранее Брюс публично заявил, что покончил с созданием фильмов о боевых искусствах. Что оставалось делать Бетти Тинг, понесшей тяжелую утрату любовнице? Если развод был неизбежен, то что станет с детьми? В отсутствие Брюса Брэндон и Шэннон были всем, что было у Линды. И опять-таки был Ву Нган, его доверенный друг детства и слуга. Что станет с ним? Останется ли он постоянным гостем или будет вынужден жить в Гонконге, чтобы снова кормить себя сам? А что с триадами? Должны ли они были денег? Может это было в некотором роде выходное пособие? Может они избавились от него, сделав Брюса примером? А что другие враги Брюса, которые у него были по слухам? Мог ли кто-то из них иметь расположенность к тому, чтобы рассчитаться с ним до того, как Брюс запаковал чемодан и попрощался с Востоком? Слишком много серьезных вопросов и слишком мало ответов.

Ожидая полета в один конец до Штатов Брюс все больше и больше ощущал беспокойство. В колледже святого Франсуа Ксавье, где он принял участие для вручения наград ученикам, он представил своего международного лакея Бобби Бейкера в качестве охранника. В разгар мероприятия вдруг хлопнула дверь, и Брюс,

охваченный паникой, спрятался за сценой. Позднее он показал своему бывшему учителю, брату Грегори содержимое бумажного пакета, где находился позолоченный пистолет, заряженный двумя экспансивными пулями с углублением в 22 калибра. Вдобавок, Брюс часто держал в пределах досягаемости заряженный Магнум 44 калибра, и это в свете того факта, что в то время ношение огнестрельного оружия в Гонконге считалось особо тяжким преступлением.

Брюс неоднократно говорил о смерти в течение июля 1973-го, и рассказал Линде, что не проживет столько же, сколько она. На ее вопрос, почему он так думает, Брюс ответил: “Я точно не знаю. Факт в том, что я не знаю, как долго я смогу это продолжать”.

Словно провидение, 18 июля тайфун обрушился на Гонконг, свалив дерево на дворе Ли, что само по себе дурное знамение, и унеся зеркальный отражатель, который Брюс ранее установил на крыше для отражения несчастий. Через сорок восемь часов Брюс Ли был мертв.

По официальным данным Брюс Ли умер около 11 часов вечера 20 июля 1973. Хотя есть сведения из трех разных источников о том, что случилось в тот день, основная версия проста для понимания. Приведенный ниже текст является смесью всех трех различных версий.

Около часа дня Линда поцеловала Брюса на прощание в их доме на Камберленд-роуд и отправилась на обед со своей подругой Ребу Хуи. По словам Линды, Брюс сказал ей, что планирует встретиться с Рэймондом Чоу позднее в тот же день, чтобы обсудить поправки сценария над следующим кинопроектом под названием «Игра Смерти», и что они скорее всего позже пообедают с Джорджем Лезенби (австралийский актер сыграл роль Джеймса Бонда следом за Шоном Коннери), и что он не вернется домой до обеда. Линда сказала позднее, что Рэймонд надеялся, что Лезенби сыграет в фильме одну из главных ролей.

Где-то около двух дня Рэймонд приехал в дом Ли, где они с Брюсом вместе работали над сценарием до четырех часов. После этого они поехали к Бетти Тин-пей, которая также должна была сыграть в фильме главную роль. В квартире Бетти, Рэймонд, Брюс и Бетти вместе поработали над сценарием, еще больше прорабатывая детали.

Закончив ланч со своей подругой, Линда вернулась домой около четырех часов, что значило, что она не видела, как ее муж уезжал с Рэймондом, и провела вечер,

занимаясь упражнениями и смотря телевизор в кабинете Брюса с двумя детьми. Кроме того, что поцеловала Брюса на прощание тремя часами ранее и стояла около него в Куин Элизабет Хоспитэл десятью часами спустя, Линда заявила, что не знала ничего о событиях, которые произошли в тот день на Камберленд-роуд и в квартире Бетти Тин на расстоянии чуть меньше мили от их дома.

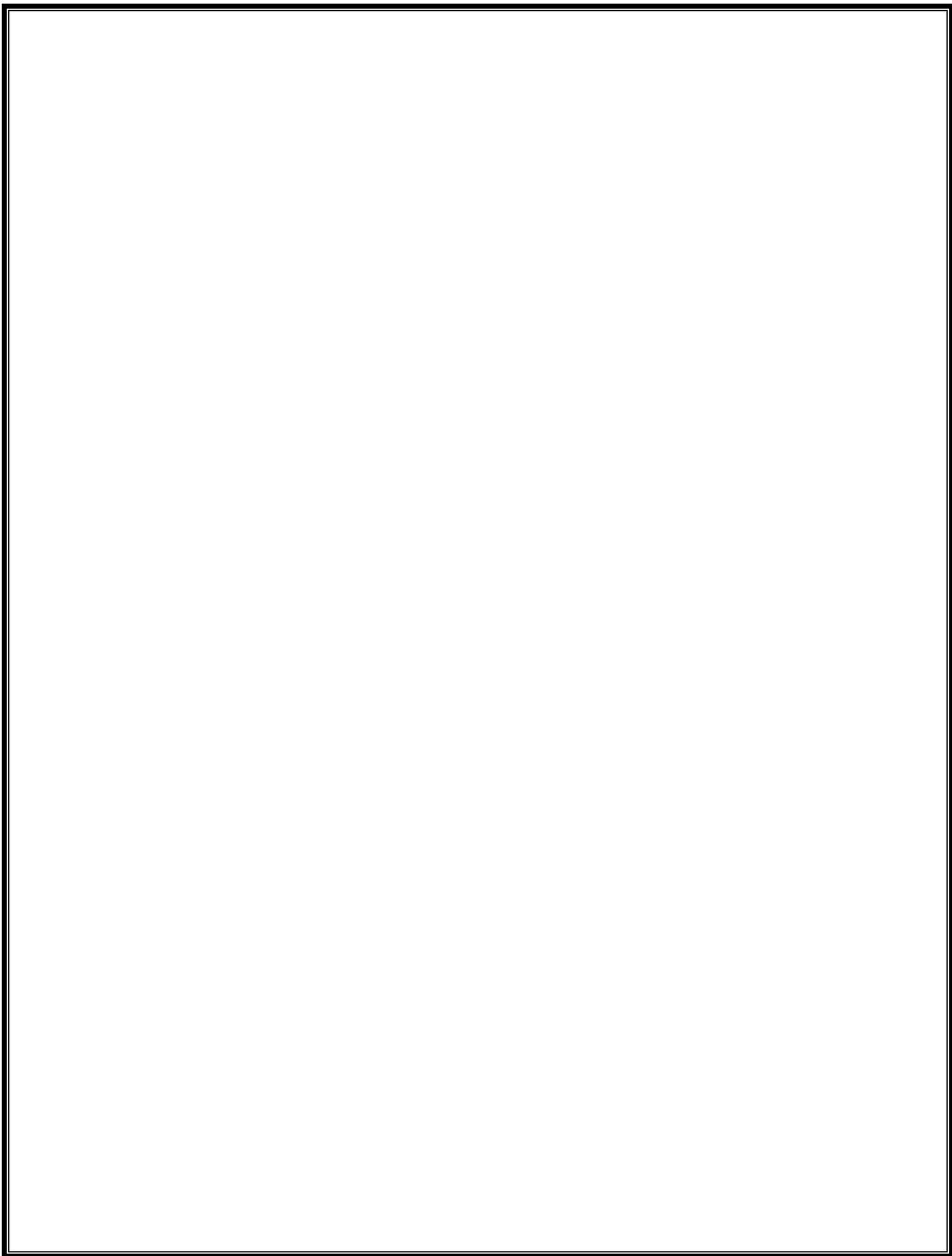
Около 7:30 вечера, все еще находясь в квартире Бетти, Брюс пожаловался на головную боль. Бетти дала ему одну таблетку Экваджезика, которая, как она позднее утверждала, была общераспространенным средством от головной боли, и Брюс отправился в ее спальню, чтобы прилечь. Не считая Экваджезика, Брюс не принимал ничего кроме легких напитков. Десять минут спустя Рэймонд уехал на встречу с Джорджем Лезенби за обедом в Мирамар Хоутэл. Брюс и Бетти должны были присоединиться к ним позднее.

Примерно в 9 вечера Рэймонд позвонил Бетти из Мирамара, желая знать, почему она и Брюс не пришли на обеденную встречу с ним и Лезенби. Бетти и Рэймонд поговорили по телефону, и Бетти сообщила ему, что не смогла разбудить Брюса.

Обеспокоенный, Рэймонд отправился в квартиру Бетти Тин, и приехал около 9:30 вечера. Хотя казалось, что Брюс мирно спит, Рэймонд тоже не смог его разбудить. Встревоженный, он позвонил личному врачу Бетти, доктору Чу Фо-хваю, у которого был занят телефон. После повторных попыток Чоу наконец дозвонился до доктора, который тут же приехал. После приезда доктор Чу также пытался разбудить Брюса, но безуспешно. Все были всерьез обеспокоены, кто-то вызвал скорую, и Брюса повезли в Куин Элизабет Хоспитэл.

Около десяти часов Рэймонд позвонил Линде и попросил ее приехать в реанимационное отделение Куин Элизабет Хоспитэл, куда пятнадцатью минутами позже Брюса доставили на скорой. После отчаянных попыток бригады врачей оживить Брюса, Рэймонд Чоу наконец вышел из главных дверей около 11:30, чтобы объявить группе репортеров, что Брюс Ли умер.

В последние двадцать девять лет такой была основная версия того, что произошло в тот день, когда Брюс Ли умер в Гонконге. Удивительно, что эта версия продержалась так долго.

Часть вторая:

НАСЛЕДСТВО БРЮСА ЛИ

Глава 8

ПОСЛЕДСТВИЯ

Стратегема №21: Отливающая позолотой цикада сбрасывает позолоченную чешую. Цикада старается незаметно сбежать, оставляя кокон, чтобы тем самым отвлечь внимание преследователей – японское искусство войны Томаса Клири

На следующее утро с восходом солнца на Востоке новости о смерти Брюса Ли уже всюду распространялись по каналам Ассошиэтед Пресс, поставив на колени гонконгцев и соседние общины. Что же сразило непобедимого короля кунг-фу? Хотя доктора пришли к неофициальному заключению, что смерть Ли произошла от отека мозга, они не могли определить, что именно заставило разбухнуть мозг Ли.

За ночь до этого Рэймонд Чоу дал репортерам абсолютно дикое заявление, объявив, что у Брюса случился обморок во время прогулки с женой в саду дома в Коулун Тун. На следующий день на первой полосе «Саут Чайна Монин Пост» появилась очередная порция слухов от Рэймонда Чоу. «БРЮС ЛИ БЫЛ БОЛЕН!» - кричали газетные заголовки. Кроме упоминания, что Брюс получил несколько ударов в голову во время съемок, в статье говорилось: «Известный китайский актер Брюс Ли был серьезно болен в течение двух месяцев до своей смерти, об этом стало известно вчера». Далее Чоу раскрыл близкий к фатальному обморок Брюса 10 мая на Голден Харвест Студиос, и рассказал, что болезнь Ли держалась его семьей и друзьями в строжайшей тайне.

Почему Рэймонд Чоу вдруг стал источником ложных сведений? Обморок Брюса 10 мая не был строжайше охраняемой тайной. Вдобавок к руководителям Уорнер Бразерс, десятки сотрудников Голден Харвест знали об этом. Медперсонал из Бэптист Хоспитэл и больницы святой Терезы знал об этом, как и многие друзья Брюса в Соединенных Штатах, а также врач из Беверли-Хилз доктор Гарольд Карпман и большой контингент врачей из медицинского центра Калифорнийского университета Лос-Анджелеса.

Да и не был Брюс Ли серьезно болен. Основываясь на обширном ряде медицинских тестов, проведенных 25 мая 1973-го, доктор Карпман нашел Брюса в добром здравии, а доктор Рейсборд пришел к заключению, что кроме поддающейся лечению эпилепсии, с Ли все было в порядке. И поэтому те заявления, которые

Рэймонд Чоу сделал прессе на следующий день после смерти Брюса, были действительно очень странными.

Очевидно, что были и другие скептики. Несколько дней спустя кинокритик Мэл Тобайас посмотрел записи государственной скорой помощи в больнице и обнаружил, что Брюса госпитализировали с улицы Бикон-Хилл-роуд, 67 в Коулун Тун, из дома Бетти Тин-пей. Через несколько часов репортеры выследили Рэймонда Чоу и Линду Ли, оба из которых настойчиво уклонялись от ответа, и каждый говорил так, что другой начинал запинаться. Между тем раздраженная пресса отправилась на поиски распутной молодой тайваньской актрисы, которая теперь была вынуждена отвечать за себя сама.

Бетти была заметно расстроена, но клялась, что говорила правду. “В пятницу вечером, когда умер Брюс, меня не было дома. Я ушла гулять с мамой. Последний раз я видела его несколько месяцев назад, когда мы случайно встретились на улице”. И в довершение всего некоторые из коллег Брюса вместе с его братом Питером поддержали нелепую историю Бетти. Кроме абсурдной точки зрения, что у санитаров скорой помощи, которыми были госслужащие, была причина лгать, сосед Бетти рассказал репортерам, что Брюс уже многие месяцы был частым посетителем в квартире Бетти. Этот факт в сочетании с неспособностью больницы установить причину смерти, преподнес смерть Ли в мрачном, зловещем свете, и пресса просто слетела с катушек.

В среду, 25 июля, тело Брюса Ли с серым и опухшим лицом, как у покойного Элвиса Пресли, лежало в открытом бронзовом гробу в Коулун Фьюнерал Хоум. Снаружи более 10 000 наблюдателей находились за стальными барьерами, и сдерживались силами 300 полицейских. Более тысяч других на свой страх и риск взобрались на неоновые вывески или залезли на крыши домов. «Саут Чайна Монин Пост» позднее описывала происходящее как карнавал.

Заметив приближение знаменитостей, зрители приветствовали их аплодисментами, когда один за другим приезжали звезды китайской киноиндустрии: Нэнси Кван, которая однажды в образе Сюзи Вон привлекла международное внимание к своей родине; Нора Мяо, ведущая актриса Брюса, которая уже была втянута в пучину слухов; мадам То Сам-кю, сидящая актриса детской кинокарьеры Брюса; Джордж Лезенби; поп-певец Сам Хуи; и даже режиссер Ло Вэй.

Внутри яркого похоронного зала огромная толпа скорбящих и фотографов стеснилась перед портретом покойника на алтаре в окружении свечей и ладана. Среди более 500 возложений со всего мира лежал венок с надписью “Брюсу от Тин-пей”. В футе от него, перед портретом Брюса, окаймленным черной лентой, лежал второй венок, на котором было написано китайскими иероглифами: “Моему дорогому мужу Брюсу. Пусть наш брак продолжится в следующем мире, от твоей опечаленной жены Линды”.

Здесь были все, за двумя примечательными исключениями: Ран Ран Шоу из киноимперии Шоу Бразерс, который в последующем интервью намекнул, что Брюс выбрал собственную жизнь и женщину, чье имя теперь у всех на устах. Приняв сильные успокоительные и лежа в постели, Бетти Тин решила остаться в своей квартире. “Я считала, что единственный человек, который имел право находиться в глубоком трауре перед Брюсом, была его вдова Линда” – сказала Бетти, плача. “Я испытываю к ней большое уважение. Она очень сильный человек”. До конца Брюс Ли был проницательным мужчиной. Бетти Тин была действительно умной женщиной.

Когда Гроб Брюса начали выносить из похоронного зала, вокруг начался кромешный ад, потому что полиции пришлось стать под руку и образовать живую цепочку, чтобы сдерживать нахлынувшую толпу. Вскоре были вызваны подкрепления, женщин и детей неоднократно оттаскивали от барьеров, чтобы они не погибли в давке. Старики рыдали, женщины всех возрастов падали в обморок, и многим оказывали медицинскую помощь из-за большого количества физических недомоганий. Вскоре после завершения похоронной церемонии, полиция с громкоговорителями патрулировала улицы, призывая людей очистить территорию.

Рэймонд Чоу не терял времени, извлекая выгоду из смерти Брюса, и через десять дней на всей территории Дальнего Востока вышел фильм «Легенда о Брюсе Ли». Биографико-документальный фильм содержал репортаж о гонконгских похоронах Брюса и безвкусно изображал его широко известные неблагоприятные поступки, зайдя так далеко, что особым примечанием благодарил Бетти Тин. Письмо адвокату Адриану Маршаллу Линда Ли писала почти в истерике. “Этот фильм нужно каким-то образом остановить по очевидным причинам!”

У Бетти Тин были свои спекулятивные идеи. Явившись на пороге Ран Ран Шоу, она вскоре сыграла в легком порнофильме под названием «Брюс Ли: Его Последние Дни, Его Последние Ночи» (также известный под названием «Я Люблю Тебя, Брюс

Ли»). Этот фильм, выпущенный в 1975-ом, и написанный самой Бетти, был смехотворно подлым и изображал ее любовную связь с Брюсом.

Через несколько дней после похорон Брюса и среди моря слухов, окружавших его смерть, явно напуганная Линда Ли выпустила то, что явно было преждевременным заявлением для прессы. “И хотя еще не готов окончательный протокол вскрытия, у меня нет никаких подозрений, что это может быть что-то другое кроме как естественная смерть. Я сама ни на кого не возлагаю ответственность за его смерть. У судьбы есть пути, которые мы не в силах изменить. Важно лишь то, что Брюс ушел и больше не вернется”.

Хотя горячая пресса наметила многочисленных подозреваемых, Бетти Тин, уже заклейменная молодая актриса-любовница, была откровенно впутана в смерть Брюса. В Куала-Лумпур агрессивные студенты, убежденные, что их падший кумир умер от переутомления в спальне Бетти, несли плакаты и баннера на машинах с текстом: “БЕТТИ УБИЛА БРЮСА!” Их истерия была результатом тысячелетнего китайского поверья, что жизненная энергия мужчины содержится в его сперме, и что слишком чрезмерное количество секса могло привести в конечном итоге к смерти.

Окруженной беспощадной прессой и требовательной публикой, Линде в конце концов не осталось другого выбора кроме как прокомментировать слова мисс Тин. “Большей части того, что говорят, вы не должны верить, потому что это слухи, и они в корне ложны. Брюс всегда был добр ко мне. Мне не на что было жаловаться. Я не могла желать себе лучшего мужа”. Хотя и знала некоторое время о связи между ее мужем и Бетти, Линда публично отметила полную бессмысленность копания в личной жизни звезды, заявляя, что как жена Брюса она бы знала и никогда не чувствовала, что происходит что-то подобное. “Кроме того” - вспоминала Линда репортерам. “Бетти часто обедала у нас дома, и трое нас сидели и наслаждались китайской едой”. Услышав достаточно, пресса только усилила свои старания.

Неделей ранее Брюс был похоронен на кладбище Лэйквью в Сиэтле. Во время перелета из Гонконга гроб Брюса мистическим образом открылся, и синяя ткань с его костюма окрасила белый шелк внутренних стенок гроба. Китайцы видели в этом дурной знак. “Человек не обретет покоя” – утверждали они. “Существуют нераскрытые загадки”. Церемония на кладбище Лэйквью была простой. Среди приглашенных присутствовали около 300 друзей, члены семьи и наблюдатели, включая Стива МакКуина и Джеймса Коберна. К сожалению, Стерлинг Силлифант, человек, который

самоотверженно и неумолимо сделал для Брюса больше, чем любой другой человек, намеренно не пришел на церемонию прощания.

Представ в гораздо менее потрясенном состоянии теперь, когда она вернулась с телом Брюса в Соединенные Штаты, Линда Ли рассказала собравшимся, что она “старалась разделить основные взгляды мужа, о которых он не только говорил, но и которые практиковал в повседневной жизни”. Глава Уорнер Бразерс, Тэд Эшли, сказал: “У меня чувство печали смешано с пониманием, что может он и не успел подняться по лестнице, но по крайней мере поставил на нее ногу”.

Когда Джеймс Коберн произносил последнюю надгробную речь, в 7 000 миль в Гонконге были опубликованы первые лабораторные исследования вскрытия, и большой сенсацией было то, что в теле Брюса была обнаружена марихуана, таким образом породив последующий скандал, что Ли умер от передозировки наркотиками.

Через час представитель Голден Харвест обратился к толпе репортеров. “Теперь, когда великая звезда мертва, многие люди мира кино выражают желание позволить ему умереть как герою. Сообщения, если они верны, без сомнения разрушат его образ”.

Отчаянные просьбы Голден Харвест были излишни. Две недели спустя в международном прокате вышел «Выход Дракона». Несмотря на запятанный образ Брюса-героя, его выступление на экране осталось нетронутым. В известном на весь мир китайском театре Граумана в Голливуде фильм побил все существующие кассовые сборы в первую же неделю показа, а затем продолжил покорять страну в вихре восторженных отзывов. По правде, лишь «Экзорцист» затмил его в 1973-ем. К сожалению, Брюс Ли не был жив, чтобы увидеть, как одна из величайших его одержимостей стала реальностью – «Выход Дракона» полностью обошел по доходу «Побег» Стива МакКуина.

Успех кассовых сборов «Выхода Дракона» добавил подлил масла растущему общественному недовольству в отношении Бетти Тин, и в конце концов она пригрозила подать в суд на прессу, если они продолжат публиковать слухи. “Такое чувство, что они хотят, чтобы я умерла” – рассказала она газете «Стар». “И если это продолжится, я просто не хочу жить дальше. Брюс мертв. Почему вам не успокоиться на этом?”

Прессу это заявление никак не тронуло. На следующий день одна из крупнейших газет Гонконга опубликовала свежий список сомнительных утверждений

вместе с вызывающим заголовком на первой полосе: “БЕТТИ ТИН, ЗАСУДИ НАС!” На следующий день изможденная женщина исчезла из поля зрения.

Несмотря на бесконечные отрицания, призывы семьи и студии, а также угрозы исков, подозрительная смерть Брюса Ли осталась в газетных заголовках. Разузнав о финансах Брюса, «Стар» вскоре сделала еще одно заявление: на момент смерти Ли был буквально без гроша в кармане. По словам «Стар», большая часть его холдинговых акций Конкорд вместе с домом в Коулун Тун были записаны на имя его дворецкого Ву Нгана. Более того, утверждалось, что известный многим роллс-ройс так и не был заказан. Когда Линда удалилась в затворничество, пресса наконец прижала к стенке Рэймонда Чоу, который поднял на смех все эти слухи. “У Брюса было достаточно денег, когда он умер” – объявил миру Чоу. “Он мог позволить себе роллс-ройс и дом помимо прочего”.

В конце августа вызвали полицию для изучения подозрительного свертка из коричневой бумаги, в котором, как предполагали, находилась бомба, а на свертке имелась надпись: “Бетти Тин знает причину смерти Брюса Ли!” Похожие свертки с подозрением на бомбу продолжали появляться время от времени. В конце концов, не видя конца клевете и утверждениям, разрушающим сильнее, чем несчастную тайваньскую актрису, у британского правительства не осталось другого выбора кроме как отдать распоряжение провести официальное расследование смерти Брюса Ли.

КОРОНЕРСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ

“Огромные массы людей более склонны стать жертвой большой лжи, чем маленькой” – Адольф Гитлер

Лето 1973 г. было вероятно худшим временем в истории для внезапной мистической смерти в Гонконге, особенно если у человека был большой список влиятельных врагов. В начале 1970-х, когда коррупция достигла своего пика в гонконгском правительстве, по оценкам 35% всех китайских полицейских были членами триад. Примерно в это время начальник британской полиции, Питер Годбер улетел в Англию, чтобы избежать расследования того, как он накопил 880 000 долларов на счету в швейцарском банке, если жалование полицейского позволяло ему получить всего 180 000 долларов за двадцать лет.

Пораженные тем, что выяснили о начальнике Годбере как о главном сотруднике правоохранительных органов Гонконга, британцы, по прямым указаниям из Лондона, начали официальное расследование по факту коррупции в рядах полиции. Вскоре обнаружилось, что пять ключевых китайских штаб-сержантов в «Triad Bureau», которым в то время был полицейский участок, непосредственно ответственный за расследование преступлений и привлечение к ответственности триад, сами входили в триады. Главарем группы был сержант Луи Лок, удостоенный высоких наград офицер с прекрасной историей арестов. Полицейские ниже рангом называли его «Тай Ло», китайский эквивалент крестного отца мафии. Луи Лок и четверо его преступных сообщников находились на финансовом обеспечении триад, получая процент с операций по игорному бизнесу, проституции и наркотикам, на которые они закрывали глаза. Распространенные взятки насчитывали сотни миллионов долларов. Луи Лока называли обладателем 600 миллионов долларов, примерный размер его нелегального состояния. Он один из сорока бывших гонконгских миллионеров-полицейских, живущих сегодня в Тайване.

17 сентября 1973-го началось официальное следствие по факту смерти Брюса Ли в Тсуньване, а дача свидетельских показаний началась четыре дня спустя. Толпы людей, желающих услышать показания Бетти Тин, заполнили зрительную галерею и ступеньки у здания суда. В попытке сдержать возбужденную толпу полиция возвела

стальные барьеры, а между тем внутри здания коронер Эгберт Тун был занят составлением самых полных и точных сведений о последних часах жизни Брюса Ли. До сегодняшнего дня самым продолжительным делом колонии было расследование предполагаемого суицида инспектора Джона МакЛеннана, который согласно официальным полицейским сводкам, выстрелил себе в грудь пять раз.

В общем, три центральных фигуры, находившиеся рядом с Брюсом Ли в день его смерти – Линда Ли, Бетти Тин и Рэймонд Чоу – придерживались основной версии, хотя было несколько заметных нестыковок.

В отношении того, когда люди пришли и ушли с Камберленд-роуд или квартиры Бетти в миле оттуда, на Бикон-хилл, никто не мог прийти к однозначному мнению. Волнующие для многих, свидетельские показания трех ключевых свидетелей казалось произвольно отбрасывали час здесь, час там.

Сперва Линда утверждала, что ушла из дома Ли в час дня и вернулась три часа спустя, в четыре. Хотя она решительно заявляет, что Рэймонд Чоу приехал к ним домой в два часа (хотя ее очевидно не было дома), Чоу клянется, что приехал не раньше трех. Что касается того, что Брюс и Рэймонд поехали к Бетти, Чоу заявил, что они приехали в Бикон-Хилл в пять, что подтвердила и Бетти. Тем не менее, Линда была твердо убеждена, что Чоу приехал к Бетти на целый час раньше, в четыре. Так или иначе, получается “плавающий час”, который явно был очень важен для этих свидетелей. Любопытно, что это происходило в то время, когда коронер еще официально не установил точное время смерти.

Во время дачи показаний Бетти Тин отрицала под присягой, что у нее и Брюса были ранее планы пообедать с Рэймондом Чоу и Джорджем Лезенби, но около семи часов вечера, она, Брюс и Рэймонд решили пообедать в японском ресторане. Линда ранее сообщила, что Брюс сказал ей в день смерти, что собирается пообедать с Чоу и Лезенби, основная цель обеда - уговорить Лезенби сняться в «Игре Смерти». Однако, двумя годами позднее, Линда сообщила репортерам из Гонконга, что в этот судьбоносный день Чоу, Лезенби и Брюс встретились у Бетти.

Что беспокоит во всем этом деле ключевого “обеда с Лезенби”, так это что Рэймонд Чоу заявил прессе 21 июля, что он и Лезенби несколько дней назад подписали контракт касательно «Игры Смерти». Если это было так, тогда вся эта история о том, что Бетти и Брюс собирались в Мирамар в надежде убедить Лезенби принять участие в съемках фильма, была явным обманом.

Бесспорно, самый мучительный вопрос касался телефонного звонка, который предположительно состоялся между Бетти и Рэймондом. Бетти утверждала, что позвонила Рэймонду в отель Мирамар в 8:20 вечера, то есть спустя всего 20 минут после того, как по ее словам Рэймонд уехал из ее дома. Обед Чоу с Лезенби не был запланирован еще около десяти минут, и при этом она уже звонила Чоу в обеденный зал Мирамар, чтобы сообщить, что Брюс еще спит. По словам Бетти, Чоу сказал ей не будить его. 45 минут спустя она снова позвонила в Мирамар, и сказала Чоу то же самое. И снова Чоу сказал ей не будить Брюса, и сообщил, что приедет к ней домой после обеда с Лезенби. Проблема в этом варианте развития событий в том, зачем Чоу было возвращаться к Бетти? И зачем в такой поздний час?

Неудивительно, что у Чоу совершенно другая версия событий. Он заявил, что не получал от Бетти никаких звонков вообще. По словам Рэймонда, он сам позвонил Бетти в 9:30, желая знать, почему она и Брюс нарушили договоренность встретиться за обедом.

И опять-таки есть воспоминания Линды. Хотя ее не было ни у Бетти, ни в отеле Мирамар, в течение последних двадцати девяти лет она твердо придерживалась версии событий Чоу.

Вспоминая об этом сегодня, кажется наиболее вероятным, что Брюс планировал пообедать с Бетти наедине, после чего они вероятно планировали присоединиться к Рэймонду и Лезенби в Мирамаре на десерт или распитие послеобеденных напитков. По какой-то причине Брюс и Бетти так и не покинули квартиру Бетти, и когда Бетти узнала о плохом состоянии Брюса около 9:30, она позвонила Рэймонду в Мирамар, просто потому что знала, что он там.

По мере того, как судебная драма стала петлять наподобие трассы по слалому, достигнув вершины на третий день, изнурительная жара и душная влажность начали сказываться на терпении, и нервы начали не выдерживать. Сытая многосерийными противоречащими показаниями, публика стала беспокойной, и когда Рэймонду задали вопрос о нелепой истории, которую он поведал прессе в ночь смерти Брюса, все вдруг накалилось до предела. Одним широким и самоуверенным жестом Чоу категорически отказался, что говорил репортерам 20 июля, что Брюс умер дома. Разгневанная, толпа вскочила с переполненных скамеек и начала издавать неодобрительный гул.

Следующая сенсация, потрясшая Тсуньвань произошла, когда Линда дала показания и подтвердила распространенный слух, что ее муж употреблял марихуану.

Однако последующие домыслы, что Брюс умер от передозировки наркотиками были недолгими, благодаря показаниям двух ключевых свидетелей.

Первыми были показания государственного химика доктора Лэма Кинга-люнга, который заявил, что в желудке и кишечнике Ли было найдено лишь незначительное количество марихуаны. Второе, более существенное свидетельство, принадлежало профессору Рональду Тиру из отделения судебно-медицинской экспертизы университета Лондона, который вылетел в Гонконг специально, чтобы высказать свое экспертное мнение, что считал марихуану, найденную в теле Ли “столь же значительной, как если бы мне сказали, что Ли выпил чашку чая или кофе”.

Профессор Тир был достаточно примечательным свидетелем. Согласно его показаниям, он был специалистом по судебной медицине в течение тридцати пяти лет, и за это время провел более 90 000 вскрытий и дал показания в 18 000 следствий. Это был занятой человек. Если брать из расчета пятидневной рабочей недели, без единого дня отсутствия на отпуск или по болезни, Тир проводил по 10 вскрытий ежедневно, вдобавок к незаметному появлению на двух различных следствиях каждый рабочий день в течение тридцати пяти лет! И это было в Лондоне, где полицейские даже не носят оружие! В любом случае, в сочетании с комментариями доктора Лэма, показаний профессора Тира было достаточно, чтобы отбросить теорию, что Брюс умер от передозировки наркотиками.

Было несколько элементов в показаниях Тира, которые заслуживают отдельных комментариев. Первый, что он поднял на смех теорию, что марихуана вызвала обморок Брюса 10 мая, как и бессознательное состояние Ли и последующую смерть 20 июля. В качестве контраргументов в своих письменных показаниях под присягой доктор Гарольд Карпман заявлял, что марихуана (1 миллиграмм), которую Брюс принял 10 мая, вполне могла вызвать конвульсии Брюса и последующий близкий к смертельному отек мозга. Во-вторых, хотя вероятно, что профессор Тир вероятно прав в своих взглядах, что марихуана в количестве, найденном в организме Брюса 20 июля, не могла стать причиной его смерти, важно заметить, что Тир говорит о чистой марихуане, без примесей. И наконец, показания Тира, что это его профессиональное мнение, что оба случая 10 мая и 20 июля были чистой случайностью – крайне необоснованы.

По мере приближения следствия к завершению, толпы зрителей уменьшились. Казалось, что первоначально они пришли, чтобы посмотреть на Бетти Тин, Линду Ли

и Рэймонда Чоу, но после освобождения от присутствия судом трех ключевых свидетелей, публика быстро утомилась от сложного научного анализа обширного ряда препаратов, которые принимал Брюс. В результате к заключительным дням расследования всего несколько репортеров соизволили появиться, и ограждения убрали.

Спустя три недели после расследования, суд заявил, что располагает полной и точной картиной событий, основываясь на показаниях друзей, коллег и родственников Ли, а также страниц медицинского заключения. 23 сентября мистер Эгберт Тун вынес вердикт “смерть в результате несчастного случая”, то есть технически почти “непредвиденная смерть”, далее разъясняя, что Брюс Ли умер от резкого отека мозга в результате гиперчувствительности или к мепробамату или аспирину, или от смеси и того и другого, найденных в одной таблетке Экваджезика, которую ему дала Бетти Тин.

По-видимому, судебные и полицейские власти были довольны. Очевидно, что жители Гонконга, а также многие из Соединенных Штатов и других стран, не были. Среди жуткой диорамы было слишком много утаиваний, слишком много полуправды и попыток обелить отношения, слишком много теней и грохочущих скелетов.

Сверхъестественным образом декорации похоронного зала Коулуна практически идентичны тому, что изображено в открывающей сцене «Кулака Ярости», в которой Брюс, одетый в тот же самый синий костюм, который носил до самой могилы в Сиэтле, падает пораженный горем на гроб своего мертвого мастера кунг-фу.

“Скажи, отчего умер учитель?” – горько спросил Ли в открывающей сцене.

“Пневмония. Так говорится во вскрытии” – ответил ему его приятель-ученик.

“И ты в это веришь?”

ПРОТОКОЛ ВСКРЫТИЯ

На утро после смерти Ли полицейские детективы из Гонконга по расследованию убийств начали наводить справки о связях Брюса с наркотиками, а затем отправили в лабораторию четыре таблетки, три стакана и две бутылки из-под легких напитков, изъятых на квартире Бетти Тин. Тем не менее их расследование было сильно затруднено, в основном ввиду того факта, что поскольку Линда вывезла Брюса из юрисдикции Гонконга, когда перевезла его тело в Сиэтл для захоронения. Если бы гонконгская полиция позже получила доказательства, указывающие на нечестную игру, по всей вероятности в результате им потребовалось бы эксгумировать тело Брюса в Соединенных Штатах для проведения последующей судебной экспертизы. Без разрешения Линды это было бы практически невозможно.

Вердикт коронера Туна, что Брюс Ли умер в результате сверхчувствительности к одной таблетке Экваджезика был предметом больших споров, как и доклад комиссии Уоррена. Однако, как резкий контраст к убийству Кеннеди, вердикт Туна позднее положил конец любым уголовным расследованиям смерти Брюса Ли. Это не намек на то, что коронер Тун или кто-то другой намеренно подавил на корню это расследование. Но правда в том, что летом 1973-го Гонконг болезненно напоминал Лос-Анджелес в дни вынесения вердиктов О.Дж.Симпсоном и Родни Кингом, и власти просто хотели замять это неприятное дело. В этой связи протокол вскрытия, представленный доктором Р.Р.Лисеттом, был полезен лишь тем, что его результаты были обычными.

Сперва доктор Лисетт осмотрел само тело. Задняя стенка глотки Ли была чистой и нормальной, а на голосовых связках не наблюдалось следов отека. Ткани легких свидетельствовали о небольшом кровотечении и умеренной гиперемии. Кроме того, в легких была найдена жидкость, а микроскопическое исследование свидетельствовало о внутренней гиперемии сосудов, хотя никаких признаков пневмонии обнаружено не было. В некоторых местах кровь надорвала сосуды и попала в воздушную полость легких. Все остальные органы, включая сердце, были в норме. Если вкратце, все указанные выше результаты могли относиться к любому человеку, больному простудой.

Затем доктор Лисетт отправил образцы содержимого желудка, а также мочу, кровь, печень, почки, тонкий и толстый кишечник в лабораторию Гонконга, где они были изучены доктором Лэмом. Кроме того, образцы были отправлены в лаборатории Австралии и Новой Зеландии. Доктор Лэм отметил, что 5 миллиграммов марихуаны были найдены в желудке Ли, а 4 миллиграмма в тонком кишечнике. Также был проведен анализ на следы металлов, в частности, ртути и свинца, а также на содержание алкоголя, морфина и некоторых других органических веществ, но результаты были отрицательными.

Доктор Лэм также искал запрещенные наркотики в теле Ли, в частности “шпанскую мушку”, но кроме марихуаны ничего не обнаружил. Более того, Лэм не обнаружил никаких признаков препарата Дилантин, который Ли назначили восьмью неделями ранее для сдерживания конвульсий. Хотя Лэм не конкретизировал, на присутствие каких наркотиков он проводил исследования, справедливо полагать, что кроме прочего сюда мог относиться и кокаин.

Когда доктор Лисетт поставил свою подпись в протоколе о вскрытии Ли, все казалось вполне обычным, за исключением одного. Хотя Лисетт отметил отсутствие каких-либо повреждений черепа, мозг Ли разбух как губка и весил 1 575 граммов по сравнению с обычными 1 400. Поскольку кровеносные сосуды были здоровыми и не заблокированными, Лисетт пришел к выводу, что Ли умер не от мозгового инсульта или кровоизлияния в мозг. Что касается рокового отека мозга, он мог произойти в считанные минуты или в течение целого дня. В случае Ли, по мнению доктора Лиссета, он случился очень быстро.

Заключение, что Брюс Ли умер от отека мозга, никогда никем не подвергалось сомнению. Проблема была в том, чтобы согласиться, что одна таблетка Экваджезика стала причиной рокового отека мозга.

За последние двадцать девять лет многие задавались вопросом, существовала ли прямая связь между обмороком Ли 10 мая и его смертью десятью неделями позднее 20 июля. Если бы кто-то проводил уголовное расследование по факту смерти Ли, и смог с уверенностью связать два этих случая вместе, это бы наверняка дала почву теории, что кто-то пытался убить Брюса Ли 10 мая, а после неудачи сделал еще одну попытку десятью неделями позже, на этот раз успешную.

Что мы знаем о случившемся 10 мая? Как говорят, Брюс, находясь в аппаратной Голден Харвест, почувствовал приступ тошноты. Извинившись, он почувствовал

слабость, и возможно упал в обморок в близлежащей уборной. Двадцать минут спустя он почувствовал прилив сил, и вернулся в аппаратную, где упал в обморок. Через несколько минут его вырвало, а затем у него начались конвульсии. Прошло еще двадцать минут, после чего Ли отвезли в Бэптист Хоспитэл, где у него обнаружили сильный жар и трудности с дыханием. Вскоре доктора выявили отечность мозга, с которой они справились, введя препарат Манитол. Полтора часа спустя Брюс пришел в себя, и после периода беспамятства вернулся в норму.

Похож ли такой вариант развития событий на то, что произошло вечером 20 июля? Почувствовал ли Брюс тошноту? По словам Рэймонда Чоу и Бетти Тин, Брюс жаловался только на головную боль. Падал ли он в обморок? Опять-таки, по словам Рэймонда и Бетти, Брюс отправился в спальню Бетти, чтобы прилечь. Сразу после этого ушел Рэймонд, и как следствие из показаний Бетти, Брюс заснул. Рвало ли его? Спорно. Доктор Лисетт обнаружил марихуану в желудке Брюса. А как насчет трудностей с дыханием? Об этом может знать только Бетти, и она никогда об этом не упоминала. А как насчет жара? Брюс был мертв по прибытию в Куин Элизабет Хоспитэл, и у его тела была пониженная температура. Сомнительно. Несвязно. Но отечность мозга присутствовала и в тот и в другой день, как и потребление марихуаны.

Давайте более пристально рассмотрим вердикт коронера, что смерть Брюса наступила из-за сверхчувствительности к одной таблетке Экваджезика. По словам Бетти Тин, она дала Брюсу распространенное средство от головной боли, которое ей назначал ее лечащий врач в течение многих лет. Это само по себе вызывает беспокойство. Начнем с того, что Экваджезик не назначают при головной боли. Он применяется для лечения беспокойства и стресса у пациентов со слабой костно-мышечной системой, при ревматических нарушениях и травмах мягких тканей вроде мышц и сухожилий. Основываясь на версии Брюса о боли в спине и связках, понятно, что он мог принимать Экваджезик. Мысль о том, что Бетти принимала его многие годы вызывает недоумение, поскольку в ее истории болезни не говорится ни слова о слабостях костно-мышечной системы. Во-вторых, Экваджезик регулируемое вещество, вызывающее физическое и психологическое привыкание. Кажется невероятным, чтобы какой-то компетентный врач назначил Бетти этот препарат для потребления на многие годы. Более того, по данным производителя, Уайет Лаборатрис, прекращение приема Экваджезика может вызвать возвращение

симптомов беспокойства, анорексии, бессонницы или абстинентные реакции в виде рвоты, нарушения координации движений и тремора.

Симптомы практически бросаются в глаза, не так ли? Бессонница, общая жалоба Брюса на период в течение более года. Беспокойство, еще одна. Анорексия, история потери веса и обезвоживания Брюса. Возможно, Брюс был более частым потребителем Экваджезика, чем нам рассказывают, и принимал это лекарство для борьбы с беспокойством?

Хоть и может пролить свет на некоторые другие проблемы Брюса, Экваджезик был не тем, что стало причиной смерти Брюса. Чтобы убедительно доказать это, нам нужно углубиться в само лекарство, как и в историю болезни Брюса Ли.

По химическому составу одна таблетка Экваджезика содержит 200 миллиграммов мепробамата и 325 миллиграммов аспирина. Так как Брюс был частым потребителем Дарвон компаунд 65, каждая таблетка которого содержит 389 миллиграммов аспирина, вероятность того, что смерть Брюса могла наступить в результате приема 325 миллиграммов аспирина, чрезвычайно мала.

Более того, мы лишь можем изучать показания профессора Рональда Тира. Вы его помните. Он судмедэксперт, который проделал долгий путь из Лондона, чтобы рассказать коронеру Туну, что присутствие марихуаны, найденной в теле Ли имело такое же значение, как если бы ему сказали, что Ли выпил чашку чая или кофе. Если эти показания позволяют приравнять марихуану к чашке чая или кофе, тогда будет логично также исключить важность аспирина в этом деле.

Что оставляет 200 миллиграммов мепробамата как единственное неоспоримое доказательство. Одна таблетка этого средства безвреднее ложки Найквила. Почему же тогда она оказалась такой сильной? Ответ лежит в сбивающей с толку теории доктора Лисетта, что Брюс был сверхчувствителен к Экваджезику.

Если вкратце, доктор Лисетт заявил, что хотя аллергия требует некоторого предварительного воздействия на пациента, сверхчувствительность - нет. Он продолжил развивать свою теорию, говоря, что человек может просто быть сверхчувствителен к препарату, или сверхчувствительность может выработаться к препарату, действию которого человек ранее подвергался.

Странно, не так ли? Вот простой, практический пример того, как это работает, по словам доктора Лисетта: когда у вас впервые появилась сыпь от прикосновения к сумаху ядовитому, вы стали к ней сверхчувствительны. На второй и третий раз у вас

вполне вероятно начнется аллергия, и в этом случае вы начнете чесаться и будете пользоваться лосьоном Каламин в течение от недели до десяти дней. С другой стороны, существует малая вероятность, что ваше тело стало смертельно сверхчувствительным к листьям. Если это так, тогда вполне возможно, что вы могли буквально резвиться в кустах этого растения, даже клали его в салат, не почесавшись ни разу, а потом вдруг однажды вы едва ли сможете отделаться от одного единственного листика, и в результате вы вдруг оказываетесь раздутым как метеозонд и вступаете в ужасающий бой за жизнь!

А теперь скажите, знаете ли вы людей, у кого был подобный опыт? Я ни одного не знаю. Так как же эти показания попали в протокол? Почему доктор Лисетт и другие больше списывают смерть Брюса на аллергическую реакцию к мепробамату, чем на сверхчувствительность? Причина в том, что для того чтобы принять эту теорию, придется также принять допущение, что Брюс Ли ранее принимал мепробамат без угрожающих для жизни обстоятельств. И явно эта теория могла быть гораздо более трудной для понимания для коронаера, не говоря уже о прессе и людях.

Вспомните, что десятью месяцами ранее, 5 октября 1972-го, Брюс консультировался с доктором Отто Ау. Его основными жалобами были (1) чрезмерная потливость (2) акне, (3) потеря веса и (4) впалые щеки. Шесть недель спустя была проведена операция по удалению потовых желез из подмышек Брюса. После операции Брюсу порекомендовали примочки лосьона от акне, а также дали указание питаться по сбалансированной диете, обогащенной витаминами и т.д. Были введены три инъекции Ледекорта для смягчения области шрамов, и выписаны рецепта на два лекарства – Пенбритин и Милтаун. Как и Экваджезик, Милтаун предназначен для подавления приступов тревоги или для краткосрочного облегчения симптомов тревоги. Одна таблетка содержит 200, 400 или 600 миллиграммов мепробамата, в зависимости от назначенной дозировки. Напоминаю, что одна таблетка Экваджезика содержит 200 миллиграммов мепробамата, которые соответствуют самой маленькой дозировке таблетки Милтауна. Кстати сказать, нужно задуматься, почему Брюсу назначили Милтаун, который предназначен для подавления тревоги после операции по удалению потовых желез.

В любом случае, важно то, что Брюс Ли едва ли не был знаком с мепробаматом. Знал ли доктор Лисетт об этом? Нет. Любопытно, но на коронаерском расследовании были приняты во внимание только распространенные медикаменты. Тот факт, что

Брюс ранее принимал мепробамат, выплыл наружу несколько месяцев спустя в офисе адвокатов, которые оспаривали страховку Ли.

Бесспорно, самый большой и очевидный промах в теории доктора Лисетта заключался в том, что Брюс Ли умер от сверхчувствительности к одной таблетке Экваджезика - это одно из следствий. Проблема в том, что Брюс принял Экваджезик после того, как пожаловался на головную боль, что по-видимому вызвало начало разбухания его мозга от жидкости. И только после того, как он заметил появление головной боли, он умер. Это похоже на последовательность событий 10 мая. Брюсу стало плохо, затем он впал в кому и у него начались конвульсии. 20 июля Брюс не принимал Экваджезик, а потом ему стало плохо. Ему стало плохо до того, как он принял Экваджезик.

Та же самая проблема другими словами: ваш близкий друг приходит к вам в районе полудня с жалобой на расстройство желудка, легкий жар и головную боль. Считая, что он вероятно заболел гриппом, вы укладываете его в постель и даете ему чашку векового бабушкиного куриного супа. Это не первый раз, когда вы даете этот суп своему другу. В прошлом вы оказывали ему такую услугу много раз, и успешно. Два часа спустя ваш друг по-видимому находившийся в отличном физическом здоровье, найден мертвым от обширного инсульта. Неделью спустя, когда официальное вскрытие не смогло установить причину смерти, из Литвы прилетает судмедэксперт и объявляет миру, что ваш друг умер от сверхчувствительности к куриному супу вашей бабушки. Как бы нелепо это ни звучало, именно такой логикой руководствовались для вынесения окончательного вердикта под конец следствия по факту смерти Брюса Ли.

И наконец, со всеми назначенными и запрещенными наркотиками, которые Брюс принимал на момент смерти, почему подозрение пало на один только Экваджезик?

Доктор Гарольд Карпман был одним из многих, кто не был уверен в правильности вынесенного решения. Рассмотрев протокол о вскрытии Брюса Ли, уважаемый врач дал следующее заявление в отношении теории доктора Карпмана:

В: Мне просто интересно, каково ваше профессиональное мнение в отношении протокола вскрытия Ли?

О: Я был озадачен тем, какое отношение имело все это, и я по-прежнему не знаю, что именно стало причиной его смерти.

Очевидно, что вердикт coronera Туна, что смерть Брюса Ли была вызвана одной таблеткой Экваджезика такой же дырявый, как и корпус Королевы Елизаветы, ржавеющий на дне гонконгской гавани. В результате по сей день большая часть жизни Брюса Ли, в частности, его последние три года, прожитые в Гонконге, остаются окутаны тайной. Возможно часть этой тайны может быть раскрыта, если изучить, что происходило вокруг имени Брюса после его смерти. В этом и состоит основная цель следующих пяти глав.

ОБЪЯВЛЕННАЯ ВОЙНА

Вскоре после сиеэтьских похорон Брюса, Линда отдала двоих своих детей на попечение своей сестры, и в сентябре 1973-го вернулась в Гонконг для дачи свидетельских показаний по коронерскому расследованию. Примерно в это время начали всплывать и другие проблемы, потенциально разрушительные по сравнению с теми, что развивались в зале разгоряченного судебного заседания коронера Туна.

На момент смерти интересы Брюса Ли представляла престижная гонконгская адвокатская контора Ло и Ло. Однако после смерти мужа Линда уволила Ло и Ло и наняла Адриана Маршалла, от чьих юридических услуг Брюс неожиданно отказался в 1972 году по причинам, которые так никогда и не были толком объяснены.

Однако были и некоторые неожиданности. После торопливого приезда в Гонконг Маршалл позвонил в Ло и Ло, обратившись с ходатайством переслать ему завещание Брюса. По словам Ло и Ло у Брюса не было завещания. Маршалл потребовал объяснений, почему. У Ло и Ло не нашлось ответа, и они не считали себя обязанными его дать, даже если бы он был у них.

На вопрос репортеров Линда заявила, что Брюс умер, не оставив завещания, потому что находясь в отличном здоровье, он считал, что в завещании не было необходимости. Они были огорчены таким ответом.

Маршалл был в ярости. Хотя оказалось, что Брюс уверял нескольких людей в обратном, он никогда не писал завещания, что означало, что он умер, не оставив завещания. Хотя в Соединенных Штатах наследство человека, который умирает, не оставив завещания, по закону переходит его супруге, согласно праву наследования в Гонконге все наследство Брюса должны были унаследовать два несовершеннолетних ребенка, а не его вдова Линда.

После исчерпывающего анализа правового вопроса, Маршалл дерзким и беспрецедентным шагом выступил перед калифорнийским судьей, утверждая, что Брюс являлся гражданином штата Калифорния, хотя и не имел недвижимости в Калифорнии и на момент смерти жил со своей женой и детьми в Гонконге. Сработало. Подав ходатайство в высший суд Калифорнии, Линда теперь боролась за то, чтобы ни

у сына Брюса Брэндона, ни у его дочери Шэннон не было никаких интересов в наследстве их отца.

Вы наверняка помните, как вскоре после смерти Брюса «Стар» начали совать нос в его финансы и вскоре сообщили, что когда Ли умер, он был практически банкротом. Это было отчасти правдой. О чем им следовало сообщить, так это о том, что когда Брюс умер, ему были должны много денег. То есть возможно ему были должны денег, по словам его делового партнера Рэймонда Чоу. Главный вопрос вращался вокруг активов, если таковые были, Конкорд Продакшнс, компании, которую Брюс и Рэймонд основали в 1972 году для производства «Пути Дракона» и совместного производства «Выхода Дракона», последний из которых на тот момент еще не вышел на экраны.

С точки зрения деловых рычагов Чоу занимал отличную позицию. Он был богат. Знаменит. Влиятелен. Он был очень занятым человеком, и до него было тяжело добраться. Он был китайцем, который столкнулся с откровенно покладистой и наивной европейской женщиной, которая осталась одна с двумя маленькими детьми, якобы без денег и на расстоянии 7 000 миль в Сиэтле. Однако самым большим оружием Чоу было то, что он один распоряжался всеми деньгами и владел документацией компании.

Рэймонд Чоу поставил Линду в безвыходное положение, и мысль о том, что она останется на улице, привела Маршалла в ярость. Линда и Адриан, воспользовавшись телефоном и письменными запросами, вместе отправились на поиски банковских счетов, оформленных на имя Брюса Ли или на компанию Конкорд. Линда полагала, что счета могли быть заведены в Банке Америки. Их не оказалось. Так же, как не было и завещания. Годы отсутствия информации о личной жизни мужа и коммерческих сделках теперь сказывались, и это было чрезвычайно досадно.

В отсутствие дополнительных счетов это означало, что за исключением примерно 3 000 американских долларов на расчетном счете Банка Гонконга, 15 000 долларов США на сберегательном счете и чека на 5 000 долларов США от продажи дома в Бел-Эйр, что в сумме не окупило бы затраты на погребение Брюса, Линда Ли осталась без копейки. Однако существовала ежемесячная выплата расходов на жизнь в размере 4 000 долларов США, которые Ли получали от Голден Харвест в течение последних двух лет. Безусловно, это позволяло оплатить кредит по ипотеке и иметь еду на столе Ли, пока все разбирались во всех этих финансовых вопросах.

Разумеется, можно предположить, что если бы эти деньги использовались для юридического сопровождения, имела ли Линда склонность к тому, чтобы воспользоваться услугами влиятельной адвокатской конторы Гонконга?

Это было уже не важно. На следующий день после смерти Брюса и без предупреждения, Рэймонд Чоу отменил выплату расходов на жизнь Ли и покинул город.

У Линды Ли и Адриана Маршалла не оставалось другого выбора, кроме как втянуть Рэймонда Чоу во всеобщую войну, и для того чтобы сделать это, им требовались деньги. На момент смерти Брюса, дом на Камберленд-роуд, 41 – этот предполагаемый убийца дракона с дурной репутацией порочного финансового балансира — по закону принадлежал корпорации Брюса, Ло Юэнь Энтерпрайзис Лимитед. Фактически этот дом был единственным объектом имущества корпорации. Когда Маршалл определил местонахождение документации компании Брюса, впоследствии потребованной у администрации Голден Харвест, он не терял времени, отправив телетайп в Риэлтор Милдред Пун в Гонконге с распоряжением продать дом на Камберленд-роуд 41 за 180 000 долларов США, прибегнув тем самым к самому простому, быстрому и дешевому методу.

Прошло девять месяцев, прежде чем дом был продан, как ни странно, в убыток. Можно было прогнозировать, что гонконгский дом Брюса Ли повысится в цене, но это был не тот случай. Возможно дом был действительно проклят, и немногие хотели участвовать в этом.

Более того, основываясь на предполагаемом доходе в размере 40 000 долларов США от продажи дома в Камберленд, Линда и Адриан обратились в бухгалтерскую фирму «Джонсон, Стоукс энд Мастерс» (ДжейЭсЭм), которая начала нести ответственность за распоряжение наследством Брюса. Кроме того, бухгалтерская фирма «Пит, Мэрвич, Митчелл и Ко» (ПММиКо), с офисами, расположенными в Гонконге и Беверли-Хилз, была привлечена для устранения комплексной проблемы с налогами – налога на имущество и перспективы будущего налогового планирования Линды.

Теперь, когда все влиятельные люди были четко приведены в действие, Адриан Маршалл совершил еще одну поездку к Рэймонду Чоу. Спустя несколько месяцев Маршалл написал Ричарду Хеллеру в лос-анджелесский офис ПММиКо, и в отношении своей битвы с Рэймондом Чоу поведал Хеллеру печальные новости о том,

как Маршалл то ли “вылетел в аут на подаче”, то ли “был дисквалифицирован при краже базы”.

В ответ на запрос Хеллера о дополнительных сведениях по зарплатному договору 1972 года, Маршалл столкнулся с худшим кошмаром адвоката. Результатом переговоров в Лос-Анджелесе 1972 года с Рэймондом Чоу были только неофициальные устные договоренности. Фактически, ни Рэймонд Чоу, ни Конкорд не подписывали никаких документов, которые бы четко устанавливали законные обязательства для выплат Брюсу Ли зарплаты или премий. После трех поездок в Гонконг, один Бог знает, какого количества досадно изнурительных встреч с гонконгскими юристами, бухгалтерами, деловым персоналом и прочими лицами, Адриан Маршалл был вынужден остановиться и перевести дух. Учитывая отсутствие доказательств существования чего-то кроме того, что Маршалл считал практически не имеющими законной силы устных соглашений между Брюсом Ли и Рэймондом Чоу, Маршалл пришел к выводу, что выплат зарплаты или премий не предвидится.

Какое-то время Рэймонд Чоу категорически не желал выплачивать Линде какие-либо деньги, и не позволил бы загнать себя в угол угрозами судебных исков. Это был Гонконг, а не Беверли-Хилз. Потерпев крепкое поражение от символической сборной Рэймонда Чоу, Маршалл вернулся в Соединенные Штаты.

Среди множества вопросов, основная проблема была в том, что Хеллер, дипломированный финансовый аналитик, пытался объяснить Федеральной Налоговой Службе США, по какой причине Брюс Ли не должен был выплачивать подоходный налог, поскольку не имел жалования в 1972-ом и 1973-ем. По словам Хеллера, подводным камнем были многочисленные записи в бухучете, сделанные Рэймондом Чоу. Хотя можно легко заметить, где Чоу сделал огромные финансовые записи в документах компании на имя Брюса, оказалось, что деньги никогда не выплачивались Брюсу. Использовались ли эти деньги для спонсирования любовницы Брюса Бетти Тин и ее экстравагантного образа жизни? Опять-таки, существовала вероятность, что эти записи были взятками для триад. И если это было так, можно без сомнения с официальной или даже юридической точки зрения утверждать, что они не являлись налоговыми вычетами.

Дела стали еще хуже. Хеллер обратился к мистеру Мейклу из Федеральной Налоговой Службы с ходатайством об этом деле. Счета Конкорд Продакшнс Лтд. и других гонконгских корпораций были подписаны после смерти Брюса Ли. Гонконгский

офис ПММиКо подготовил финансовый отчет, который позволил Хеллеру сделать вывод, что имело место сокрытие информации о доходах. Поскольку счета были оформлены до смерти Брюса Ли и по собственным словам Хеллера, честность мистера Чоу по другим причинам не вызывает сомнений, Федеральная Налоговая Служба должна считать документы Чоу недостоверными по ряду аспектов, и в частности в отношении зарплатного договора. Без сомнения, возникает вопрос, какими именно по словам Хеллера были те самые “другие причины”, по которым честность и прямота Рэймонда Чоу “не вызывали сомнений”.

Были и другие проблемы. Гонконгский банк Калифорнии был назначен судом по делам о наследстве управляющим имуществом Брюса Ли. Это обстоятельство вызвало у Адриана Маршалла большие трудности в переговорах с любыми представителями власти, что подтолкнуло Линду Ли, по совету Маршала, обратиться с ходатайством назначить ее управляющей на месте. К сожалению, суд не удовлетворил ее ходатайство еще в течение трех месяцев.

Джеффри С. Уикс, доверенный сотрудник гонконгского банка Калифорнии по административным вопросам в Беверли-Хилз, не был склонен уполномочить Адриана Маршалла раньше времени, и практически сообщил это в письме Ричарду Хеллеру на ПММиКо. По мнению Уикса, банк собирался продолжить выступать в качестве управляющего наследством Брюса Ли. Поскольку Маршалл никогда не проводил никаких переговоров с банком, по словам Уикса, он вообще действовал без каких-либо юридических оснований.

Через несколько минут Хеллер отправил телетайп юридическому партнеру Маршалла Бранту Бертону и сообщил, что ему тяжело поверить в позицию банка. Знали ли Бертон что-либо о том, что Маршалл померился силами с назначенным банком представителем по недвижимости Бэном Манчини? Адриан уже вернулся в Гонконг с Линдой. До глубокой ночи сообщения по телетайпу летали в обе стороны между лос-анджелесским офисом «Пит, Мэрвич, Митчелл и Ко», а именно их заокеанским представителем мистером ДжейБи Осборном, и филиалами гонконгского банка Калифорнии в Штатах и Гонконге. Когда пыль наконец улеглась, Маршалл столкнулся с той же проблемой. Банк настаивал на том, что уполномоченный Линдой Маршалл раньше времени демонстрировал свои силы.

“Маршалл до крайности контролировал Линду Ли” – недавно вспоминал Манчини у себя дома в Северной Калифорнии. “Для меня было весьма очевидно, что

она была из того типа женщин, которые очень зависят от таких мужчин. Но настоящей проблемой было то, что Маршалл отказался сотрудничать с банком и просто хотел всем распоряжаться, а я просто не мог поставить банк в это положение”.

Через несколько часов озадачивающая, если не сказать, настораживающая телеграмма была отправлена Дж.Б.Осборну Ричардом Хеллером, который пытался разрешить спор между Маршаллом и Манчини: “Внимание Дж.Б.Осборн Адриану Маршаллу / точка / Манчини говорит, что уступит за пять тысяч долларов наличными / тчк / в противном случае он обратится в суд / тчк / с наилучшими пожеланиями Р. Хеллер”.

Что Манчини мог предложить Маршаллу, что стоило 5 000 долларов наличными, что сегодня составляет сумму в более 30 000 долларов? Бэн Манчини был назначенным судом исполнителем по вопросам наследства, а Маршалл был адвокатом во вопросам наследства. У обоих были этические и моральные обязательства, которых они должны были придерживаться, и при этом Манчини предлагал Маршаллу эту полуночную незаконную взятку по центральному телетайпу. Крайне необычно. Очередной повод для сомнений.

ЛОНДОНСКИЙ ЛЛОЙД И АСК

Ничто не вызывает подозрений в преждевременной смерти человека больше, чем спорная страховка жизни, и уже через несколько дней после инициирования коронером Туном официального расследования смерти Брюса Ли, и АСК и Лондонский Ллойд объявили, что не собираются платить.

Вполне понятно, что у адвокатов, представляющих интересы Лондонского Ллойда, были некоторые вопросы по полису на миллион долларов, который они выдали всего за десять недель до смерти Ли, а именно с бланком заявления, в котором Брюс Ли указал множество недостоверных сведений с целью склонить страховую компанию выдать ему полис.

Во-первых, адвокаты заявили, что Ли не указал раннюю травму спины 1970 года, в силу которой ему требовалось время от времени принимать дозы обезболивающего средства, которое обычно принимают смертельно больные раком. Во-вторых, они заявили, что Ли перенес ряд телесных повреждений во время съемок смертоносных сцен боя. В-третьих, Ли планировал поездку за пределы Малайя. В-четвертых, Ли был застрахован на похожие риски по полису АСК, тем самым оказавшись в ситуации выплаты удвоенной страховой суммы. И пятое, и самое дискредитирующее из всего, Ли имел привычку употреблять марихуану.

Проконсультировавшись с группой юристов, Маршалл взялся за работу в судорожной попытке распутать эту неразбериху, лишь оказавшись на стороне защиты. Маршалл казалось задавал не те вопросы. Он имел обыкновение так делать. Кто именно подавал заявки на все эти страховки жизни? При чтении формы заявки выяснилось, что Брюс не знал о существовании полиса АСК, когда его попросили заполнить форму Лондонского Ллойда. После тщательного расследования Маршалл заметил, что по-видимому Рэймонд Чоу мог быть тем человеком, который подал заявку на полис АСК. Означало ли это, что Чоу был ответственен за выплату удвоенной страховой суммы? И кому принадлежала идея в полтора миллиона? На первом бланке заявки отсутствовали и дата, и размер страховой суммы. Почему так? И упоминал ли кто-нибудь в Ллоиде невыплату в случае смерти в результате преступного деяния самим застрахованным лицом? Было определено, что Брюс умер

от Экваджелика, который был лекарством, отпускающимся по рецепту врача, которого у него было. Могло ли это рассматриваться в качестве преступного деяния? Ллойды не упоминали об этом. Возможно они даже не обратили на это внимание.

Самое странное из всего, что нигде не было записей, свидетельствовавших о том, кто именно оплатил первый страховой взнос в размере 15 444 гонконгских долларов (3 285 долларов США) по полису Ллойда. Очевидно, что Брюс не оплачивал. Углубившись в этот вопрос, Маршалл узнал, что никто не оплачивал его!

После трех дней паники Маршалл натолкнулся на тонкие юридические нюансы полиса, где утверждалось, что застрахованный оплатил или согласился оплатить первоначальный страховой взнос. Впоследствии этот взнос был оплачен Ллойду компанией Ло Юэнь Энтерпрайзис. Хотя Ллойд предложил выплату полной суммы страхового взноса в качестве полной компенсации, это нелепое предложение было отклонено Адрианом и Линдой.

Спонсируемый средствами, полученными от продажи дома в Камберленд, Маршалл вступил во второй год переговоров с адвокатами низшей инстанции Ллойда. После недель разгоряченного юридического спора, защита Ллойда (и впоследствии защита АСК, которые теперь находились в одной упряжке с Ллойдом) сводилась к двум основным вопросам. Первый - неупомянутая травма спины и второй - употребление Ли запрещенных наркотиков.

Медицинские факты, описывающие проблему Брюса со спиной 1970 года, стали общедоступны, и через несколько дней адвокаты Ллойда и АСК пошли на попятную, поскольку было очевидно, что ввиду не относящегося к делу характера травмы, у Брюса не было причин упоминать об этом.

А в остальном, внимание теперь сосредоточилось на наркотиках. Вопрос касался не того, умер ли Брюс от употребления марихуаны, а того, что он рассказал об употреблении наркотика, когда подал заявление на страховку. Адвокаты Ллойда цитировали строчку из полиса: "третье условие полиса устанавливает, что любое искажение сведений или их сокрытие в бланке заявления, основу которого составляет этот полис, делает полис недействительным, и любые претензии в связи с этим будут отклонены".

Вопрос был прост: имел ли Брюс привычку принимать марихуану до 3 мая 1973 года, когда подписал бланк заявки? Более миллиона долларов зависели от простого ответа "да" или "нет".

С практической точки зрения вопрос не был связан с употреблением Брюсом марихуаны до мая 1973-го, поскольку было множество людей, которые знали, что Брюс употреблял марихуану в течение многих лет и что у него даже была собственная коллекция бонгов для курения.

Если бы эта информация просочилась в лагерь адвокатов защиты Ллойдов/АСК, результатом мог быть огромный тревожный признак, поскольку было общеизвестно, что кроме опиума, героин курили через бонг десятилетиями на всей территории Азии. На основании полученных данных по состоянию на октябрь 1989 г. Линда Ли все еще владела бонгом Брюса Ли и коллекцией приспособлений для наркотиков. В отличие от большинства его личных вещей, эта вещь избежала ряда открытых аукционов, принесших Линде около полумиллиона долларов.

Кроме репутации курильщика марихуаны, многим было известно, что Линда пекла печенье с марихуаной для Брюса и прочих лиц на съемках «Выхода Дракона». Поэтому, главный вопрос по мнению Линды и Адриана заключался не в том, что Брюс употреблял марихуану до мая 1973 года, а в том, смогут ли Ллойд доказать это.

Возможно самый опасный день был 24 июля 1974-го, день письменных показаний доктора Гарольда Карпмана. Согласно комментариям Карпмана, Брюс признался ему, что ежедневно выкуривает от шести до десяти сигарет с марихуаной. Так как Карпман обследовал Брюса 25 мая 1973-го, это значило, что если Брюс не курил марихуану до 3 мая, значит он выработал привычку выкуривать от шести до десяти сигарет с марихуаной всего за две недели. В это едва ли можно было поверить.

Хотя Линда Ли не была готова подтвердить употребление своим мужем марихуаны до 3 мая, у нее не оставалось другого выбора, кроме как признать, что ей известно о его употреблении марихуаны после этой даты. Став довольно сомневающимся и запинаящимся свидетелем, она утверждала, что это употребление было в рамках абсолютного минимума, заявляя для протокола, что “из-за профессиональной необходимости Брюса находиться в форме, он не глумил, употребляя марихуану чаще чем от случая к случаю”.

После завершения этапа исследования, юристы, представляющие АСК, объявили, что в дополнение к прочему, у них есть протокол опроса свидетелей, в котором говорилось, что один свидетель утверждал, что лично знал об употреблении марихуаны Брюсом в течение от трех до четырех лет перед смертью. Очевидно кто-то где-то раскололся, и теперь настаивал на своем.

После трех лет переговоров имущественные и страховые компании зашли в тупик, и были направлены в суд. Как часто бывает в подобных случаях, страховые компании сравнили судебные издержки с затратами на разрешение спора, и в конце концов сделали выбор в пользу последнего.

В отношении полиса на миллион долларов с Лондонским Ллойдом, в обмен на быстрое заполнение уведомления о прекращении дела, компания выдвинула правопреемнику сумму в 129 000 долларов США, пустяк от номинальной стоимости полиса, и Адриан Маршалл принял его.

Что касается полиса АСК, компания согласилась на половину номинальной стоимости полиса и выписала чек правопреемнику на 100 000 долларов США. Любопытно, когда чек пришел, он был разделен: 75 000 долларов США были отправлены Адриану Маршаллу, а остальная часть в 25 000 была выплачена угадайте кому - Рэймонду Чоу.

МИРОВОЕ СОГЛАШЕНИЕ

Средства, полученные Линдой и Адрианом в августе 1974-го от продажи дома на Камберленд-роуд, 41 существенно помогли в финансировании затянувшейся войны с Рэймондом Чоу и его символической сборной. С момента первых оружейных залпов прошел год, и после международного релиза «Выхода Дракона» и взлетевших кассовых показателей, стало очевидно, что Чоу в долгу перед Линдой и Адрианом, и у него не было другого выбора, кроме как сесть за стол переговоров.

На встрече в Гонконге с юристами по недвижимости Брайаном Тисдолом, Рэймонд Чоу наконец признал, что должен Брюсу кроме премии в 3 000 долларов США за фильм «Большой Босс» и второй премии в размере 50 000 долларов США за «Кулак Ярости», еще 75 000 долларов жалованья режиссера за «Путь Дракона» и в силу кое-каких ранее не разглашавшихся устных договоренностей: 1) 50% чистого дохода от «Пути Дракона» (согласно имеющимся сведениям 2 000 000 долларов) и 2) 5% от чистой прибыли от «Кулака Ярости» от Голден Харвест и еще 5% от Чоу лично.

После предоставления этой информации Тисдолу, Чоу согласился подготовить финансовый отчет о «Пути Дракона» и перечислить чистую сумму, полагающуюся фирме недвижимости «Джонсон, Стоукс энд Мастерс». Однако на следующий день Чоу уведомил Тисдола, что пересматривая документы Голден Харвест, он обнаружил, что общий доход от «Пути Дракона» был включен в отчетность Конкорд. Это значило, что было бы преждевременно перечислять какие-либо деньги «ДжСМ», поскольку еще до конца не было ясно, как решить проблему разделения Конкорд Продакшнс Лимитед. Выражаясь простым и понятным языком, это означало, что ложные предлоги будут находиться и впредь, а деньги останутся на банковских счетах Чоу.

После встречи с представителями компании по недвижимости и Рэймондом Чоу, ДжейБи Осборн связался с юридическим партнером Адриана Маршалла, Брантом Бертоном. По мнению Осборна, Чоу и его адвокаты выдавали информацию крошечными порциями. Что касается многочисленных запросов Адриана о полной проверке отчетности и Голден Харвест и Конкорд, они продолжали пропускаться мимо ушей.

Спустя несколько дней дело стало еще более запутанным. В отношении двух премий и жалованья режиссера, которые он должен был Брюсу в размере 155 000 долларов США, Чоу вдруг вспомнил, что Брюсу не только уже заплатили, но и фактически переплатили, и в результате наследники Брюса Ли остались должны Чоу 75 000 долларов. Все это было связано с кредитом на 85 000, взятым год или два ранее согласно записям Голден Харвест на имя Брюса. Было ли это как-то спутано с 4 000 долларов ежемесячной выплаты на проживание, выплачиваемой Ли, вместе с 64 000 долларов за ремонт дома Камберленд-роуд 41, все из которых были якобы списаны на явно фальшивый счет? Чоу не был точно уверен.

IRS тоже не были уверены, хотя проявляли к этой теме живой интерес. Все больше проблем разрешало все большее число дорогих юристов и бухгалтеров.

Прошло не так много времени после мощного тактического хода Чоу, как на арене появился еще один недооцененный игрок – Уорнер Бразерс, чьи руководители студии не подчинялись Рэймонду Чоу. По контракту Уорнер договорились заплатить Брюсу 100 000 долларов за его работу над «Выходом Дракона», и теперь, когда фильм был закончен, Уорнер были должны Брюсу, или его наследникам, оставшиеся 75 000 долларов США.

Приближаясь к гонконгскому тылу адвокат Маршалл набросил первое лассо на голову Чоу. После разговора с Маршаллом в сентябре 1974-го Джей Би Осборн из «Пит, Мэрвич, Мичтелл и Ко» получил письмо от Боба Миллера из лос-анджелесского офиса. Относительно Конкорд инструкции не могли быть яснее. Самое важное, что должны были сделать юристы, если не доведут до конца все остальное, это получить подписанный договор, который поставит окончательную точку в передаче денег Уорнер Бразерс за границу, или по крайней мере 50% суммы на офшорные банковские счета Рэймонда Чоу.

При этом юристы компании, занимающейся наследством, не теряли времени, отстаивая свою позицию по поводу прошлых деловых соглашений между Брюсом Ли и Рэймондом Чоу. По сути они не считали, что соглашение от 30 мая 1972 года между Голден Харвест и Конкорд Продакшнс имело какую-либо силу, утверждая, что предыдущее соглашение заменил контракт между Уорнер Бразерс, Конкорд и Секвойя, датированный 3 ноября 1972 года, также подписанный от имени Голден Харвест Рэймондом Чоу, президентом компании, выступающим гарантом исполнения всех обязательств Конкорд. Говоря простым языком, это означало, что наследство

Брюса Ли оказалось впутано в интригу с могущественными Уорнер Бразерс, и что Рэймонду Чоу пришлось бы исполнить обязательства согласно условиям и положениям этого договора, который имел гораздо большую юридическую силу.

В стороне оставался вопрос с сырой видеозаписью боя Брюса Ли с Каримом Абдулом-Джаббаром, мастером хапкидо Дзи Хэнь Дзаем и Дэном Иносанто. В ноябре 1972-го, почти за восемь месяцев до смерти Ли, эта видеозапись была помещена в архив Голден Харвест. Когда Уорнер Бразерс и Конкорд Продакшнс наткнулись на золотую жилу с «Выходом Дракона», это была единственная оставшаяся ранее не демонстрировавшаяся видеозапись с Брюсом, которая предположительно стоила целое состояние. Безусловно, Линда Ли знала о ее существовании, но знала ли она, кому она принадлежит по закону?

В июле 1974-го Адриан Маршалл потребовал от Рэймонда выплаты всех долей наследства из фонда Конкорд за неразделенный 50% интерес «Выхода Дракона» и «Пути Дракона», в результате чего Уорнер Бразерс выслали все авторские гонорары напрямую наследникам, таким образом обойдя Рэймонда Чоу. Хотя Маршалл считал, что откуп наличными будет в лучших его с Линдой интересах и быстро начал переговоры на сумму 3 000 000 долларов. Юридическая свита Линды в Гонконге начала терять терпение из-за того, что Чоу тянул резину, и теперь настойчиво требовала ревизии его документов. Больше всего Осборна беспокоило то, что он убедился, что теперь Чоу использовал средства Конкорд для финансирования кинопроектов Голден Харвест, но не мог доказать это без проверки отчетности.

Неизбежно на Рэймонда Чоу стало оказываться слишком большое давление, и 6 августа 1975-го, спустя чуть более двух лет после смерти Брюса Ли, он сделал следующее отступное Адриану Маршаллу:

«Выход Дракона»

(Уорнер Браз.) 3 816 276 долларов

«Путь Дракона»

(1) Юго-восточная Азия 1973 179 036

(2) Юго-восточная Азия 1974 200 000

(3) Брайанстон 328 280

(4) США – прочее 450 000

Промежуточный итог: 5 344 392 долларов

«Игра Смерти» (неоконченная) 200 000

Промежуточный итог: 5 444 392\$

Будущие авторские: 250 000

Валовый доход (США) 5 794 392\$

Расход: судебные издержки 30 000

Гонконгские налоги 952 000

Чистая стоимость: 4 812 392\$

50% интереса Линды Ли: 2 400 000\$

Хотя Маршалла беспокоил тот факт, что он знал, что документация Чоу была сделана после смерти Брюса, у него не оставалось другого выхода, кроме как принять расчеты Чоу, и он ответил на предложение 2 700 000 долларов, вдобавок к освобождению от всех остальных налогов по недвижимости в пользу Рэймонда Чоу и Голден Харвест, общую сумму которых Маршалл оценивал в 300 000 долларов США.

По странному стечению событий в январе 1976-го доля Линды в Конкорд была официально продана Рэймонду за 2 700 000 долларов, балансовый отчет корпорации Брюса, Ло Юэнь от 31 марта 1975 показал задолженность 652 131 гонконгских доллара перед Конкорд. Любопытно, что Рэймонд Чоу любезно простил эту задолженность. Более того, примерно в то же самое время выяснилось, что Ло Юэнь были должны дополнительно 20 000 гонконгских долларов Рэймонду, которые он также простил.

Бухгалтер Линды в «ПММиКо» тут же поднял тревогу, связался с Адрианом Маршаллом и предупредил его, что Линда не должна признавать правомерность любых финансовых отчетов, о которых может позже пожалеть. Проблема была в том, что опубликованный финансовый отчет, который неизбежно оказался на столе у IRS, не подтверждал, что Рэймонд Чоу простил эти долги.

Были и другие огромные проблемы с налогами. У гонконгских бухгалтеров Линды имелись подозрения, что Рэймонд Чоу использовал чрезмерно завышенные налоговые показатели, где был применен подоходный налог Гонконга, составлявший приблизительно 16,5% от общемирового дохода Конкорд, тогда как он должен был применяться только к доходам Конкорд в Гонконге. Их подозрения впоследствии нашли свое подтверждение.

Рэймонд Чоу был оскорблен и тут же написал гневное письмо Ричарду Марку, утверждая, что он в ярости, что из-за подобного вмешательства Конкорд теперь должен выплатить огромный налог. И это было еще не все. Чоу позднее раскритиковал «Пит, Мэрвич, Митчелл и Ко» за то, что делали грязную работу по подтасовыванию документации и заграничных счетов Конкорд.

Ричард Хелл обсудил выпад Чоу с Брайаном Осборном и выяснил, что: 1) «ПММиКо» не подтасовывали записи Конкорд. Документы были учреждены задолго до смерти Брюса Ли и любых местных вмешательств «ПММиКо» в дела Конкорд. По словам Брайана Осборна, Рэймонд должно быть основал офшорную компанию для сбора негонконгских доходов от фильмов. К тому времени, как за дело взялись «ПММиКо», было слишком поздно создавать офшорную компанию; 2) В гонконгском налоговом праве не было упомянуто ничего, что бы освобождало весь зарубежный источник дохода от фильмов. Если догадки «ПММиКо» были верны, то очевидно 50% подлежали гонконгскому налогообложению (которого использование офшорной корпорации в самом начале могло помочь избежать), и 3) Финансовые отчеты «ПММиКо» Конкорд за год, сроком до 31 марта 1974-го, отражали следующие данные:

Чистая прибыль до уплаты налогов 6 390 634 гонконгских долларов

Расход: отчисление на уплату налогов 725 000

Чистая прибыль после уплаты налогов: 5 665 634 гонконгских долларов

993 000 долларов США

Они заявили позже, что эффективная налоговая ставка составляла 11,3%, после учета частичного освобождения от зарубежного источника дохода. Таким образом, по их мнению, любой читающий подготовленные Конкорд для «ПММиКо» финансовые отчеты мог легко увидеть наличие некоторых налоговых обязательств со стороны Гонконга. По словам Брайана Тисдола, Рэймонд Чоу знал, что «Гонконг Инлэнд Ревенью» может отклонить пункт “зарубежный доход не облагается налогом”, и по этой самой причине он (Брайан) настаивал на полном пересмотре налогов по финансовым отчетам Конкорд. Этот вопрос все еще обсуждался с Инлэнд Ревенью.

Исходя из вышеизложенного, по мнению «ПММиКо», если бы кто-то следил исключительно за американским источником дохода с целью оценки Конкорд, то в таком случае эффективная налоговая ставка должна была составлять 11,25%. Это

предполагало, что половина прибыли имела негонконгский источник и таким образом подвергалась только половине обычной налоговой ставки Гонконга. Было ли это разумно, они не знали. Но это составляло примерную эффективную налоговую ставку.

Важнее всего остального и то, что выделяется на последних нескольких страницах, это огромное количество денег, которое плавало вокруг Брюса Ли на момент его смерти. И ключевое слово здесь “плавало”, потому что тяжело поверить, что Брюс, который часто находился в под воздействием наркотиков и в сомнительном состоянии (включая приступы амнезии) смог бы справиться со всем этим, не говоря уже о реальном понимании финансовых сложностей.

Наверное самое важное из всего перечисленного – то, что эта весомая удача была связана больше с тем, что Адриан Маршалл в самом начале называл “устными, практически не имеющими законной силы соглашениями между Брюсом Ли и Рэймондом Чоу”. Возможно поначалу Рэймонд Чоу смотрел на это так же.

ТЕМНАЯ ЛОШАДКА

Ву Нган был известен прессе в качестве дворецкого Ли, вероятно потому что люди считали, что загадка подобных масштабов не была бы загадкой, не скажи кто-нибудь, что “это сделал дворецкий”. В данном конкретном случае в сценарии фигурировал не “мистер Грин с Ножом в Библиотеке”, а “Ву Нган с Ядом на Кухне”. Мотив? Несколько пытливых гончих из сферы СМИ обнаружили то, что по их мнению представляло самые веские доказательства вины. Согласно сведениям «Стар» практически все, чем владел Ли, было записано на имя его слуги, включая дом, телефон и 80% его доли в Конкорд. В чем здесь было дело, требовала объяснений пресса? Какую тайну о Ли хранил его слуга?

По словам Ву, Брюс сделал это, чтобы люди не могли узнать, где он живет. Seriously? Брюс Ли не был Говардом Хьюзом, носившим фальшивую бороду и усы, тихонько крадущимся по Дэт Вэлли в выцветшем Плимуте 52 года выпуска. Брюс разъезжал по Гонконгу в своем Мерседесе с откидным верхом, одетый в белый костюм-тройку от Бриони. Более того, через несколько часов после смерти Ли, у Камберленд-роуд 41 собралась толпа фэнов и репортеров, которые точно знали, где жил Брюс, не говоря уже о том, что каждый юнец на районе знал уже около года, где дети Ли парковали свои велосипеды.

На вопрос репортеров о своей огромной удаче мистер Ву ответил просто: “Он доверял мне”, после чего удалился за закрытые железные ворота дома на Камберленд. Это был патетически слабый ответ, ведь в последние месяцы своей жизни Брюс приобрел известность как человек, который не доверял никому.

Ву Нган убил Брюса, стремясь заполучить дом Ли, как предполагали некоторые? С технической точки зрения Брюс Ли не был владельцем дома на Камберленд-роуд, 41. Он принадлежал Ло Юэнь Энтерпрайзис, Лтд. Однако главный вопрос заключался в том, действительно ли Ву Нган знал об этом, или у него были другие мотивы? В любом случае, хотя согласно документам компании Ву Нган был владельцем акций и одним из директоров Ло Юэнь, когда дом был продан за наличные в августе 1974-го, все вырученные средства безраздельно перешли Линде Ли.

Если утверждение, что Ву Нган убил своего хозяина для получения контрольного пакета акций Брюса Ли в Конкорд Продакшнс справедливо, тогда нужно разобраться с некоторыми большими сложностями. Во-первых, Рэймонд Чоу слишком проникательный бизнесмен, чтобы позволить себе вести один бизнес с Ву Нганом, случись что-то с Брюсом. Иными словами, только представьте, как Чоу объясняет прессе: “Доброе утро, леди и джентльмены, позвольте мне выразить свою глубочайшую скорбь ввиду смерти моего предыдущего партнера Брюса Ли, и пока вы здесь, представить вам нового делового партнера, домашнего слугу мистера Ли”. Это абсурд. Во-вторых, трудно вообразить, чтобы какая-нибудь корпоративная юридическая фирма одобрила такой договор. И наконец на момент смерти Ли премьера «Выхода Дракона» еще не состоялась, и в результате Конкорд Продакшнс имели не слишком большую ценность. Опять-таки, то, что Ву Нган мыслил таким образом, это всего лишь предположение, что само собой могло не соответствовать действительности.

В любом случае, можно утверждать, что если бы только Брюс не стал законченным кретином, Ву Нган смог бы получить гораздо больше при жизни Брюса. С другой стороны, Брюс уезжал из Гонконга. Навсегда, судя по его словам. Планировал ли он забрать с собой семью Ву, что значило бы спонсировать их иммиграцию? Вопросы. Бесконечные вопросы.

Хотя кажется сомнительным, что Брюс на законных основаниях записал свой дом и долю акций на имя слуги, вполне возможно, что подобное распоряжение вносилось какое-то время. Причина заключается в растущей вероятности, что на Брюса Ли подадут в суд за частые и непредсказуемые вспышки насилия. В связи с этим, если активы Ли, которых на тот момент у него было немного, были бы записаны на имя Ву Нгана, наиболее вероятно, что доступ к нему был ограничен до такой степени, что переход права собственности находился в форме юридического документа, спрятанного в стол какого-нибудь юриста, ждущего своего часа при необходимости.

Означает ли это, что Ву Нган чист? Если да, тогда возникает очевидно простой вопрос: “Где Ву Нган?” Почему мы не слышали об этом дальневосточном клоне Дж.Гордона Лидди около тридцати лет? Кроме документальных фильмов, трибьюттов и часовых биографических выпусков А&Е, были написаны сотни статей и нескольких биографий в переплете. Добавьте в этот список бесконечные личные интервью,

взятые у тех, кто знал Брюса Ли. На более личном уровне, почти полмиллиона долларов были получены в результате открытых аукционов, организованных Линдой, на которых были выставлены вещи Брюса. И в 1993-ем полнометражная история жизни Брюса Ли, «Дракон», была выпущена ЭмСиЭй Юниверсал.

На момент смерти у Брюса было мало денег, а у Ву Нгана как у его слуги должно было быть гораздо меньше. Так почему мы не слышали о человеке, который не только в детстве жил с Брюсом в одном доме и снимался с ним в его фильмах, появлялся на гонконгском телевидении, а также жил в его доме во взрослые годы, когда Брюс Ли стал национальным героем? На этом можно было заработать денег. Почему мистер Ву не мог получить свою долю, воспользовавшись случаем? А может он уже сделал это и никому не рассказал.

Возможно ответ кроется в сумме 55 000 долларов США (в 1968-ом она равнялась полной закупочной цене дома Ли в Бэл-Эйр, а в 2002-ом составляла более 400 000 долларов США!) в форме личного залога от Линды Ли Ву Нгану вскоре после смерти Брюса. Расписка была подготовлена гонконгскими юристами для Наследников Брюса Ли и предназначена для использования в будущем. Год спустя, после получения Линдой денег, кредит был подписан 21 июля 1975, а затем отмечен на следующее утро. Хотя дата выплаты по кредиту не была указана, размер процентной ставки составлял 8% вместе с издержками и затратами, вносимыми в связи с составлением и исполнением кредита.

Когда год спустя Инленд Айленд Ревенью (гонконгская версия IRS) запросила у Линды Ли размер процентной ставки, которую она получила от Ву Нгана по вышеупомянутому кредиту. Она ответила, что не получала денег от мистера Ву, а затем быстро свела размер процентной ставки к нулю.

Больше всего беспокоит во всем этом вопросе то, что в течение этого периода у Линды были трудности с получением права на карту Американ Экспресс и банковского залога, и она жила на грани банкротства ввиду своей длительной войны с Рэймондом Чоу. В лучшем случае все это дело просто смахивает на уголовное вымогательство. Любопытно, что также примерно в это время и Лондонский Ллойд и АСК начали намекать на существование главного свидетеля, который, как они утверждали, имел сведения о трех-четырёхлетнем употреблении Брюсом марихуаны.

С другой стороны, Ву Нган был не единственным, кто знал о давнем приеме наркотиков Брюса. Может быть это все связано с тем, что произошло на Камберленд-

роуд в день смерти Брюса. Возможно Ву Нган находился дома. Может слышал что-то. Или видел. Не считая полудня 20 июля 1973-го, безусловно он знал о том, что происходило за этими каменными стенами, и до и после смерти Брюса Ли. Без сомнения, загадочный Ву Нган мог бы поведать бесчисленное множество историй. Опять-таки, может Ву Нган действовал как посредник? Любопытная сумма, не так ли? Пятьдесят пять тысяч? Пятьдесят тысяч довольно хорошая сумма с дополнительными 5 000 долларов в качестве неплохого 10% процентного налога?

Надо отметить, основываясь на обширном международном следственном поиске Ву Нгана, что в сущности с тех пор загадочный дворецкий Ли просто испарился в воздухе. И нет, ни один цент “залога” не был выплачен.

Неуловимый Ву Нган был не единственным игроком, который покинул Гонконг в свете смерти Брюса. Фактически Бобби Бейкер мог взять тот же рейс. Вы наверняка помните Бейкера, международного слугу, телохранителя-алкоголика Ли. Можно только догадываться, что мог знать Бейкер. Как распорядилась судьба, он находился в Гонконге в день смерти Брюса. И как и Ву, Бейкер “занял” денег у Линды Ли по выезду из города. 10 000 гонконгских долларов, если быть точным, были выданы ему Линдой в форме личного залога.

Только с Бейкером не было годового периода ожидания, как это было с Ву Нганом, и Линда была вынуждена просить денег у Рэймонда Чоу через несколько дней после смерти мужа. Опять-таки, надо отметить, что Бейкер не выплатил ни единого никеля из залога, и, как и о Ву Нгане Линда больше о нем ничего не слышала.

Последующие смерти Ли годы сказались на Бейкере, который стал алкоголиком-отшельником и позднее нашел спасение в бутылке на вопросы о своих прошлых отношениях с Брюсом. Бобби Бейкер умер молодым в Стоктоне в 1992 году в 52 года от цирроза печени.

В конце концов, с деньгами, полученными от продажи дома на Камберленд-роуд 41, страховыми выплатами и Рэймонда Чоу, для Линды все начало меняться к лучшему, и вскоре она уехала из Сиэтла и перебралась в высококлассное сообщество Роллин-Хилз Истейтс в Южной Калифорнии, как ни странно, в двух шагах от фамильного дома Адриана Маршалла. Как тесен мир. На вопрос о причинах переезда Линда задумчиво улыбнулась и ответила, что “ей не хватало южного солнца”.

НАСЛЕДСТВО БРЮСА ЛИ

“Когда я умру, эти парни наверняка начнут делать то, что мне бы не понравилось. Они начнут воздвигать памятники, насаждать культ, развешивать на стенах мои фотографии и поклоняться мне” - Брюс Ли

Хотя с биологической точки зрения Ли умер 20 июля 1973 года, последние двадцать девять лет он прожил как юридическое воплощение «Наследства Брюса Ли». Эта книга была бы неполной без глубокого анализа тех лет, за которые человек и его любимое собственное боевое искусство стали мировой корпоративной индустрией.

Перед выходом в прокат «Выхода Дракона» Брюс Ли практически вышел из сообщества боевых искусств. Три его школы закрылись, и он больше не обучал ни персонально, ни в группах. В Соединенных Штатах, не считая небольшой доли населения, видевшей три фильма Ли, выпущенные на Голден Харвест/Конкорд, большинство помнили Брюса как Като, приятеля Зеленого Шершня. На момент смерти Брюса для сообщества боевых искусств настоящими воинами эпохи были в основном Джо Льюис, Чак Норрис, Майк Стоун и многие другие преданные мастера боевых искусств, которые стойко держались в соревновательном кругу и обучали население. Так было в пятницу. На следующий понедельник после уик-энд релиза «Выхода Дракона» с одиннадцатью минутами заливчатских боевых сцен Брюс Ли быстро стал лучшим из мастеров, последним словом во всем, начиная с лошадиной стойки до сверхъестественных вопросов в течение следующих двадцати девяти лет. Как это произошло?

Ответ прост. На момент смерти Брюса Ли мир не знал о нем практически ничего. В качестве наглядного примера можно взглянуть на список литературы из самой первой библиографической работы о Ли под названием «Легенда о Брюсе Ли» (Дэлл Бук, 1974г.) авторства Алекса Бена Блока. По сути, Блоку не из чего было черпать материал кроме общих справочных материалов вроде «1001 китайской поговорки» Джона Чена, «Китайских поговорок» У.Т.Квуна, «Пути Жизни» Лао Цзы и «Китайской Мистики» Рэймонда Ван Овера.

Тот факт, что о жизни Брюса Ли от колыбели до могилы было известно немного, заставил голодные СМИ устремиться к порогу одного человека, который мог наиболее

оперативно заполнить все пробелы – Линде Ли. Бесспорно, этот недостаток информации о Брюсе Ли гарантировал Линде идеальную возможность создать на основе фотографий по сути собственную легенду о покойном муже. Тем не менее, с самого начала Линда Ли действовала далеко не в одиночку.

С практической точки зрения после смерти Брюса Ли адвокат Адриан Маршалл стал господином и хозяином империи Ли. Как только появилась юридическая возможность, Линда не только присвоила Адриану звание адвоката наследства, но и назначила его мировым эксклюзивным уполномоченным по продажам для защиты образа и имени ее покойного мужа. Маршалл занимал эту должность до лета 1988 года, когда они вместе с Линдой продали большую часть прав на торговлю новому господину и хозяину ЭмСиЭй Универсал. Для тех, кто не знаком с этой аббревиатурой, буквы Эм Си Эй означают Торговую Корпорацию Америки.

После смерти Брюса Ли Адриан Маршалл стал одержим упорным преследованием всех и каждого, у кого имелся интерес, законный или любой другой, в зарабатывании долларов, йен, лир, рупий, фунтов стерлингов или племенных бусинок со всего, что имело отношение к Брюсу Ли. В результате независимо от того, получены эти деньги были от сторонней компании или от внутренних продаж, Линда и Адриан накопили состояние от торговли в духе Мэдисон-Авеню именем Брюса Ли в форме футболок, видеоигр, кассетных сделок, игральные карты для детей, нашивок, эмблем, синдицированных проектов комиксов, одежды, ценных металлических медальонов, открытых аукционов с личными вещами Брюса, многочисленных журнальных статей и проектов книг, ряда низкобюджетных видеосборников, а также авторских гонораров и отчислений от релиза ЭмСиЭй Универсал «Дракон». В середине 1990-х из лагеря Ли появились вести о том, что планируется к выпуску энциклопедия о Брюсе Ли, рассмотрение жизни мастера день за днем, минута за минутой в форме книги почти за сотню баксов.

Выступая в качестве продолжателя сообщества Джит Кун До Брюса Ли и вторя заявлениям огромного сектора сообщества боевых искусств, ставленник Брюса Ли, Дэн Иносанто горько сообщил в 1976-ом: “Организация Джит Кун До намеренно сохраняет скромную позицию, не желая быть частью растущего рынка Брюса Ли, который не имеет никакого отношения к человеку и его искусству”.

Возможно подобная коммерциализация была бы гораздо более приятной, если бы Линда и Адриан ограничили свои амбиции кинообразом Брюса и не трогали его личное боевое искусство Джит Кун До. Однако это был не тот случай.

Помните, как во вступлении я упоминал легендарные шесть черных журналов Брюса Ли? В течение почти трех лет в конце 1960-х Брюс принялся за написание этих журналов. Однако, этот текст не был авторским. Вместо это Брюс просто копировал определенные разделы из сотен книг, собранных им по боевым искусствам - и западным, и восточным. По сути эти журналы предназначались для использования в качестве индивидуального и частного исходного материала, и у него не было никаких намерений публиковать их содержимое.

Однако после смерти Брюса Линда и Адриан решили опубликовать, расширив весьма ограниченное содержимое этих журналов (более 90% страниц журналов были пусты), то, что впоследствии стало «Дао Джит Кун До», утверждая, что в этой книге содержится глубокая откровенная мудрость самого мастера. Между прочим, это тот же самый текст, что показан в фильме «Дракон» производства ЭмСиЭй Юниверсал. Идеи, которые продвигает этот фильм, во-первых, что Брюс лично диктовал Линде текст книги, лежа в больнице с сокрушительной травмой спины и во-вторых, что эта книга была издана при жизни Брюса. Обе идеи – абсолютная ложь.

Как только книга вышла в свет, Джесси Гловер первым выступил с официальной жалобой в своей книге «Брюс Ли»: «Дао Джит Кун До это в лучшем случае неудачная шутка над великим мастером боевых искусств... В этой книге мало что может помочь новичку развить базовые навыки, а большая часть написанного открыта для широкого толкования. Лучшее, что можно сказать об этой книге, это то, что это не книга, написанная Брюсом, скорее неудачная интерпретация его заметок».

По словам Джо Снайдера, который взял на себя обязанность отследить настоящих авторов книги, Брюс Ли скопировал один в один тексты общим количеством в 13 019 слов, вместе с двадцатью тремя иллюстрациями, взятыми из семнадцати работ других авторов!

В настоящее время, двадцатое издание на девяти языках «Дао Джит Кун До» добрый десяток лет являющееся бестселлером, наполнило карманы многих ценой бесчисленного множества обманутых мастеров боевых искусств всех возрастов и уровней мастерства. К счастью наступит день, когда великие мастера, чьи работы содержатся в «Дао Джит Кун До», будут признаны, и в печатном и денежном

эквиваленте, потому что их работа в течение многие лет ошибочно и намеренно приписывалась Брюсу Ли. Вероятно худший пример плагиата произошел в 2000-ом, когда писатель представителей наследников ошибочно причислил Брюсу Ли работу "The Passionate State Of Mind" (Страстное Состояние Души) известного философа (и обладателя Президентской Медали Свободы) Эрика Хоффера!

Около трех десятков лет выпускалось множество других опубликованных посмертно книг, имеющих отношение к методам борьбы Брюса Ли. Далекое не случайно, что издатель большинства этих книг также выпускает ведущий журнал о боевых искусствах – «Черный Пояс».

Можно ли считать простым совпадением, что до недавнего времени Брюсу Ли посвящалась большая часть практически каждого номера журнала «Черный Пояс» после его смерти в июле 1973-го? Много лет назад великий чемпион страны Грейси Касалласс написал издателю письмо протеста, в котором говорилось: "Да сколько ж можно!" Но проблема монополизации «Черным Поясом» имени Брюса Ли в течение тридцати лет и соответственно помощь в создании легенды Брюса Ли, это еще не настоящая трагедия. Печально то, что журнал «Черный Пояс», который традиционно около пятидесяти лет был голосом (и зачастую цензором) сообщества боевых искусств в целом, стал можно сказать инструментом, благодаря которому в течение многих лет озвучивался исследовательский и фактический материал о жизни и смерти Брюса Ли.

В 1992-ом ответственный редактор «Черного Пояса» был оповещен об общем содержании этой книги - следуя сложившейся практике несколько образцов глав были отправлены в «Черный Пояс» (а также в ряд других журналов) для рассмотрения в качестве документальных очерков, рецензий к книге и будущей рекламной кампании. Хотя один из заместителей директора выразил искренний интерес к материалу, после этого автору был направлен письменный ответ, в котором говорилось, что "вы предоставили нам очень интересный материал, и мы бы С РАДОСТЬЮ использовали его. Однако, мое руководство поддерживает очень тесные связи с Линдой Ли и не позволит нам этого сделать". К сожалению, как мир узнал из провального суда О.Дж.Симпсона, личные финансовые планы, предвзятые СМИ, образ героя и поиск истины по определению слишком часто прямо противоречат друг к другу.

На протяжении многих лет Адриан Маршалл предъявлял многочисленные судебные иски тем, кто как он считал, был виновен в разнообразных проступках. В

списке обвиняемых были: Аквариус Филмз, Итернэл Филмз оф Гонконг, Герман Кохен Продакшнс, Синема Шэз оф Нью-Йорк, Спектэкьюлар Филмз оф Гонконг, Филмз оф Америка, Эллайд Артистс, Холлмарк, Эсквайр и Уинтроп. Кроме того, вскоре после смерти Брюса Маршалл представлял Линду Ли в знаковом иске на 10 000 000 долларов против Эллайд Артистс, указав в качестве соистцов Бетти Тин-пей, мадам Ло Вэй и Рэймонда Чоу среди прочих, которые по одиночке или вместе, согласно обвинению Маршалла “подвергались оскорблениям и насмешкам, спровоцировавшим огромные психические и эмоциональные страдания и горе, нарушение душевного равновесия и унижение”. Вскоре Бетти Тин и мадам Ло Вэй хватило благоразумия обратиться с просьбой вычеркнуть их имена из того, что неизбежно рассматривалось многими как необоснованный иск.

Сразу после смерти Брюса Ли и за годы утверждения наследства Брюса, Линда и Адриан активно путешествовали в Гавайи, Новую Англию, Европу и Восток. По мере роста банковских счетов Линда и Адриан приобрели собственность и вступили в совместное деловое сотрудничество, а Линда часто вносила долю Адриана в инвестиционный фонд. Не считая солидного адвокатского гонорара, Маршаллу также платили как юристу наследства Брюса, и практически с самого дня смерти Брюса Ли Маршалл получил на неограниченный срок 25% со всего дохода, собранного от торговли именем Брюса Ли, и это вдобавок к крупному годовому авансовому платежу. Закончив свои юридические отношения с Брянтом Бертоном вскоре после смерти Брюса, Маршалл последние тридцать лет работал из своего дома в Лонг-Бич, а его единственным клиентом была соответственно Линда Ли.

Что касается окончательного бухгалтерского учета наследства Брюса Ли перед появлением в высшем суде Лос-Анджелеса в сентябре 1979-го, Маршалл обеспокоился, что не сохранил достаточных записей для обоснования многолетних судебных издержек, и в результате распорядился, чтобы Линда обратилась в суд с ходатайством об отказе предоставления подробного учета.

Оскорбленные, представители «Пит, Мэрвич, Митчелл и Ко» сразу написали Маршаллу с извещением, что будут вынуждены сделать определенные оговорки суду “по вопросам такого рода”, а именно: 1) денежные счета не имеют цель отразить финансовое положение наследства, потому что дебиторская и кредиторская задолженность не упомянуты, 2) счета не были подготовлены в соответствии с общепринятыми принципами бухучета, 3) определенные оговорки, необходимые для

надлежащего раскрытия данных не упомянуты, и 4) никаких шагов по аудиту не предпринималось в ходе подготовки переписи данных, даже проверка остатков денежных средств на банковских счетах.

4 октября 1979 года истец Линда Ли, выступая в качестве душеприказчицы наследства Брюса Ли, представила на утверждение суду следующий документ (Приложение№1): “Для моего сведения и использования международной бухгалтерской фирмой «Пит, Мэрвич, Митчелл и Ко» был подготовлен подробный бухгалтерский учет (наследства моего мужа) за период с 1 ноября 1976-го по 17 сентября 1979-го. Я рассмотрела бухгалтерский учет. Однако, Суду представлен лишь краткий бухучет, и настоящим документом я отказываюсь от предоставления подробного отчета высшему суду”.

Надо отметить, Адриан Маршалл ранее путешествовал в Гонконг в конце 1979-го и прекратил полномочия компаний «Пит, Мэрвич, Митчелл и Ко» и «Джонсон, Стоукс энд Мастерс», заменив обе гонконгской фирмой «Гэмптон, Уинтер и Глинн».

После административного доклада суд присудил Линде и Адриану их запрошенные и весьма существенные внеочередные сборы, после чего Линда Ли получила всю выручку от наследства Брюса Ли, которая составила в общей сложности 2 448 599,47 долларов США.

К вечеру в публичный реестр было занесено следующее: “Из этого следует, что все сделки Линды в качестве Управляющей Имуществом были проведены в соответствии с законом; они выписаны, признаны и постановлены; Линда Ли в качестве Управляющей Имуществом освобождается от полномочий как таковых, и настоящим поручительства освобождаются от ответственности за все сделки, последующие к настоящему документу. Датировано 27 декабря 1979 года и подписано Судьей Высшей Инстанции Джэком У.Суинком”. С заходом солнца на западном горизонте Брюс Ли был похоронен во второй раз.

Важное примечание: роман между Линдой и Адрианом продолжался еще несколько лет, окончательно завершившись в 1983-ем. На вопрос в августе 1988-го, как долго продолжались их тайные отношения с Маршаллом, Линда ответила: “около десяти лет”.

«ИГРА СМЕРТИ»

Есть в «Пути Дракона» сцена, где Брюс и его ведущая актриса Нора Мяо прогуливаются по мосту. Вдалеке виднеется живописный вид пышных садов и девственных водопадов. Нора замолкает, восхищаясь пейзажем, а затем объясняет, что сады были возведены древним королем для своей королевы. “Должно быть это стоило много денег” – вздыхает она с легкой завистью. “Наверное, он очень сильно любил ее. Вам нравится?”

Брюс быстро смотрит на сады, а затем переводит возмущенный взгляд на Нору. “Какая трата денег! Все это! В Гонконге я бы все застроил и делал деньги!” В сущности, слова Брюса как нельзя лучше описывают основной принцип, лежащий в создании «Игры Смерти»: “Застроить все и делать деньги!”

Для полного понимания полудня 20 июля 1973-го, важно понимать, как последний фильм Брюса Ли, «Игра Смерти», снятый после смерти, вообще появился на свет.

После завершения «Пути Дракона» и перед выходом на экраны «Выхода Дракона», как вы помните, Брюс примерно в октябре 1972-го снял несколько боевых сцен в Гонконге со своим лучшим учеником Дэном Иносанто, звездой баскетбола из Лейкерс Каримом Абдулом-Джаббаром и мастером хапкидо Дзи Хэнь Дзаем. Эта видеозапись была сделана без подготовки и без сценария.

Когда «Выходу Дракона» был дан зеленый свет в конце ноября 1972-го, запись боя, снятую Брюсом с Иносанто, Каримом Абдулом Джаббаром и мастером Дзи Хэнь Дзаем поместили в архив Голден Харвест. С технической стороны видеозаписью владели совместно Рэймонд Чоу, который обеспечил кинооборудование и декорации, и Брюс Ли, который обеспечил талант.

Несомненно, если бы Брюс не умер, эта видеозапись никогда бы не попала на киноэкраны мира. И тому есть несколько причин. Возглавляет этот список то, что Брюс не был в хорошей физической форме. В результате временной приостановки приема анаболических стероидов, который он продолжил только в декабре 1972-го при подготовке к «Выходу Дракона» в январе 1973-го, Брюс вновь сбросил почти двадцать фунтов мышц, и его лицо выглядело худым и бледным. Для многих вид Брюса, одетого

в полинявшую желтую робу, которая висела на нем как мокрые лохмотья, вызывал глубокую печаль. Едва ли можно назвать случайностью то, что «Игра Смерти» была единственным фильмом с участием Брюса Ли, в котором он появляется не с голым торсом. Что касается его игры, искра, которая раньше разжигала динамичный взрыв энергии, мучительно отсутствовала, и в сценах со своим ставленником Дэном Иносанто оба мужчины сыграли одинаково неудачно.

Однако, к несчастью, в свете смерти Брюса, человек или группа людей начала коллективно обсуждать идею продажи этой сцены боя Брюса с Иносанто, Каримом Абдулом-Джаббаром и мастером Дзи Хэнь Дзаем. Фактически это базовая видеозапись, на основе которой “застроили все и сделали деньги!”

Когда-то вместе смонтированные, три сцены боя составляли около пятнадцати минут экранного времени. Для выпуска полнометражного фильма, демонстрирующего эту запись, Рэймонду Чоу требовалось еще 100 минут съемок. После покупки у Линды Ли прав на видеозапись за 200 000 долларов США, Чоу отправился на поиски актера для роли ее умершего мужа.

После обширной рекламной кампании, в ходе которой не было никакого упоминания, что продюсеры ищут дублера Брюса Ли, в Юниверсал Студиос был проведен кастинг, что лучше всего можно описать как безумный цирк. После нескольких изнурительных дней, состав жюри, включая Линду Ли, выбрал молодого китайца из тысячи претендентов всех размеров, форм и национальностей. Пока дублер Брюса занимался подражанием Брюсу Ли, Рэймонд Чоу разобрался со второй проблемой, то есть с написанием сценария.

Сценаристку Джен Спирс пригласили для написания истории, которая бы выставила в лучшем свете пятнадцать минут видеосъемок боя, ранее снятых Брюсом в Гонконге. Задача была непомерной, и Спирс буквально сконструировала черновик сценария. В заключительных титрах «Игры Смерти» Спирс указана в качестве единственного автора сценария, без упоминания “идея принадлежит” или “адаптировано на основе”. Если бы существовал ранний черновик «Игры Смерти» или даже синопсис (в чем нас уверяли некоторые), Спирс не была бы единственным упомянутым автором сценария. Более того, если бы существовал оригинальный сценарий или синопсис, написанный Брюсом Ли, он бы безусловно появился на аукционе наряду с остальными личными вещами Брюса на одном из двух открытых аукционов, организованных Линдой.

Бесспорно, общая сюжетная линия «Игры Смерти» безумна до крайности. Главный герой (наш подражатель Брюса Ли) играет гонконгскую кинозвезду, известную миру под именем “король кунг-фу”. В открывающих сценах Ли притесняют представители организованной преступности (триады), требующие, чтобы он подписал договор об управлении. Знакомое начало, а? Ли отказывается и вскоре угрожает пойти в полицию и разоблачить банду вымогателей. После ряда посягательств на жизнь Брюса (в последнюю из которых Ли стреляют в лицо во время съемок фильма, и пуля вылетает из муляжа, который должен был быть заряжен холостыми), наш герой в конце концов принимает участие в программе защиты свидетелей, одновременно с фальшивыми похоронами. Разумеется, присутствует неизбежная любовная драма (грубым образом поставленная таким образом, чтобы напоминать реальные отношения Ли с Бетти Тин-пей), а также адвокат Ли (как ни странно носящий фамилию Маршалл), которого в последних сценах один из представителей триад предупреждает: “Ты можешь многому научиться в такой работе, как твоя. Но знание может стать тяжелой обузой”.

На протяжении фильма двойник Брюса Ли прячется (и дерется!) за оригинальными солнечными очками, которые он носит в помещении и ночью, и позже, в силу ранения лица, играет все сцены с головой, обмотанной бинтами, которые придают ему нелепую внешность атакующей египетской мумии. За этим следует отвратительная маскировка из бороды и усов, а после скучный маскарад старика, и все это вперемежку с реальными кадрами настоящего Брюса Ли (включая наложенный кадр Брюса на лицо дублера, где его голова поворачивается как у куклы из магазина дешевых товаров), и все это склеено с кадрами из предыдущих фильмов Брюса и никак не сочетается визуально.

Возможно самый отвратительный образ появляется в первой сцене, когда актер Хью О’Брайен разговаривает с картонным фрагментом головы Брюса! Позднее режиссер (Роберт Клауз) продемонстрировал образец дурного вкуса, вставив в фильм кадры настоящего трупа Брюса. Неудивительно, что годы спустя Клауз отметил, что поступил так потому что он просто не мог ничего сделать с самим фильмом.

Когда «Игра Смерти» вышла на экраны, она была разрекламирована по всему миру как фильм с участием Брюса Ли, без какого-либо упоминания о дублере, который подражал Брюсу Ли около двух часов. Более того, утверждалось, что одну из главных ролей в фильме сыграл Чак Норрис, который на самом деле никогда не работал над

этим фильмом. Вместо этого, запись Норриса, показанная в «Игре Смерти», была украдена из «Пути Дракона».

Это поистине печальный реквием для великого мастера боевых искусств, увековеченный как последний фильм Брюса Ли, и в то же время этот фильм помнят как одну из худших компиляций всех времен.

ХРОНИКА СОБЫТИЙ 20 ИЮЛЯ 1973 ГОДА

“Когда доктора отошли от Брюса, я осталась с ним, чтобы убедиться, что больше ничего не могу для него сделать. Именно в этот момент, когда жизненная сила только-только погасла, я почувствовала, как невероятная сила наполнила мое сердце и душу. Решительность и смелость самого Брюса передались мне” - Линда Ли

Когда я впервые услышал общее объяснение того, что произошло в день смерти Брюса в Гонконге, мне стало не по себе. Зная то, что я знаю сегодня, мне еще больше не по себе. То, о чем дальше пойдет речь, не претендует на абсолютную точность. Тем не менее, это более логическая интерпретация доступной нам информации. По крайней мере, здесь исправлена большая доля абсурдности основной версии (главы 7 и 9), которую нам рассказывали последние двадцать девять лет.

Чтобы лучше понять события дня 20 июля 1973 года, сперва нам нужно посмотреть, на каком этапе кинокарьеры Брюс находился на тот момент.

Хотя «Выход Дракона» еще не вышел в прокат, согласно единогласному мнению, Брюс Ли был близок к международной славе и собирался вернуться в Соединенные Штаты. Если все это было так, тогда почему вся эта дискуссия между Рэймондом Чоу, Бетти Тин и Брюсом Ли потребовала столько времени, чтобы переписать сценарий к «Игре Смерти»? Очевидно, что Брюс наконец достиг Главной Цели в Жизни. Голливуд стучался к нему в дверь. Не принимая во внимание тот факт, что еще не было сценария, чтобы его переписывать, даже если и существовал сценарий к «Игре Смерти», неразумно считать, что Брюс спешил поскорее продюсировать фильм, поэтому в день смерти Брюсу не нужны были ни Рэймонд Чоу, ни Голден Харвест, ни Конкорд, ни «Игра Смерти». Все, что ему нужно было сделать, это позвонить Тэду Эшли из Уорнер Бразерс и сказать, что он хочет, чтобы три лучших доступных на данный момент сценариста Голливуда были предоставлены в его распоряжение вместе с тарелкой устриц и чашкой горячего чая в частном бунгало в отеле Беверли-Хилз или где-нибудь еще, если уж на то пошло, и он бы получил все это. И более того, он знал об этом, потому что тусовался со Стивом МакКуином, Джеймсом Коберном, Стерлингом Силлифэнтом, и поэтому знал о курьерах,

менеджерах и юристах для миллионеров в сфере развлечений Тинселтауна, и можно поклясться, все они с готовностью позвонили бы Брюсу Ли.

Однако это не та картина событий, которую рисовали Рэймонд Чоу, Бетти Тин и Линда Ли последние двадцать девять лет. 20 июля 1973 Брюс был торопливым человеком. Рэймонд Чоу приезжает домой к Ли, и мужчины сидят несколько часов, внося окончательные поправки в сценарий. Как бы невероятно это ни звучало, Рэймонд вдруг стал партнером Брюса по написанию сценария. Часы тикают. Чернила еще свежи на страницах. Подобно тайфуну Дороти, начинающему обрушивать свой гнев, они спешат к Бетти Тин-пей, третьесортной актрисе, чтобы предложить ей роль в следующем фильме Брюса. Слава Богу, она соглашается, что все трое тем же вечером поедут в отель Мирамар, чтобы угостить Джорджа Лезенби, в надежде, что он тоже согласится сыграть роль в фильме. Двумя неделями ранее Брюс отказался сыграть с Элвисом Пресли, и при этом он весь день проводит в спешке, надеясь сыграть со второсортным актером Лезенби. Десятью неделями ранее Брюс упал в обморок на Голден Харвест и был отправлен в Бэптист Хоспитэл на грани жизни и смерти. И теперь, вместо того, чтобы восстановить силы, он лихорадочно разъезжает по всему городу с гонконгским продюсером, третьесортной тайваньской актрисой и Джорджем Лезенби, едва находя время, чтобы выпить пару легких напитков за весь день, лишь затем, чтобы вечером слечь от ужасной головной боли. Это совершенно абсурдный вариант развития событий. У Брюса могло не быть другого выбора, кроме как терпеть такой распорядок дня шесть месяцев назад, но очевидно у него не было причин поступать так 20 июля 1973-го. Так что же не так в основной версии?

Первая проблема связана с общей атмосферой вокруг появления Рэймонда Чоу в начале полудня на Камберленд-роуд. Очевидно он был там не для того, чтобы работать с Брюсом над переработкой сценария к «Игре Смерти». Какой тогда была цель его визита? Существует два вероятных логичных ответа.

Первый связан с продолжающейся борьбой Брюса с рядом потенциально опасных препаратов. Мы знаем, что последний случай ярости произошел всего десять дней назад на Голден Харвест Студиос, когда он угрожал убить режиссера Ло Вэя. Кроме мучительного психологического кошмара Брюса, он был известен своим вспыльчивым и взрывным характером. Учитывая все это, вполне возможно, что по одной из длинного списка причин Брюс пришел в ярость, в результате чего Линда вызвала Рэймонда Чоу.

В качестве альтернативной и более вероятной версии, вполне возможно, что Рэймонд Чоу, опасаясь, что потеряет миллионера-звезду и находясь в состоянии депрессии, поехал на Камберленд-роуд, чтобы уговорить Брюса не уходить из бизнеса. Кроме того, что Брюс заявил и узкому и широкому кругу, что возвращается в Соединенные Штаты, чтобы работать с крупными компаниями в Голливуде, оба мужчины в течение нескольких месяцев спорили о практической стороне «Пути Дракона».

Во-первых, было хорошо известно, что Брюс огорчен из-за того, что Рэймонд заключал сделки по сбыту продукции без предварительного согласования с ним. Вторая и гораздо большая проблема заключалась в том, что Конкорд сообщил прессе, что фильм пользуется потрясающим успехом, при этом выручка компании не равнялась кассовым сборам. Если и было основание для вмешательства триад в «Путь Дракона», то боссы триад потребовали бы объяснений, что несомненно дало бы основу для серии книг. По случайному совпадению, примерно в это время брат Брюса Питер начал делать публичные заявления о том, что Брюса настораживает Рэймонд, потому что тот не предоставляет правильный финансовый отчет о кассовых сборах «Пути Дракона». В любом случае, можно предположить, что планы Брюса по возвращению в Соединенные Штаты, любая проблема, касающаяся триад, если таковая в самом деле была, лежала исключительно на плечах Рэймонда.

За последние двадцать девять лет многие люди задавались вопросом, почему Камберленд-роуд внезапно и как-то странно превратился 20 июля 1973-го в призрачный город. Как правило, дом Ли был похож на Гранд Сэнтрал Стейшн, и служил домом для двух больших семей, а на заднем дворе часто бегали дети. Тогда возникает очевидный вопрос – где были все? Линда утверждает, что ушла на ланч с подругой Ребу Хуи, женой поп-исполнителя Сэма Хуи. Кроме Линды, где находился Ву Нган? И где находилась жена Ву? Тоже ушли? Кто присматривал за всеми детьми? Тоже ушли? Вопрос в том, где были все те люди, которые могли бы прояснить события того дня? Их общее отсутствие кажется подозрительно удобным.

Что до настоящей причины появления Рэймонда Чоу в тот день на Камберленд-роуд, ответ скорее всего известен лишь Рэймонду Чоу, Линде Ли, Ребу Хуи, Бетти Тин и возможно Ву Нгану. Судя по всему, несомненно то, что в тот день на Камберленд-роуд случилось то, о чем никто не хочет рассказывать. И что бы это ни было, как

оказалось впоследствии, кроме прочего двадцать семь лет назад это что-то сделало домашнего слугу Ли Ву Нгана очень богатым человеком.

Независимо от того, как закончилась их встреча, примерно в четыре часа Рэймонд и Брюс покинули дом Брюса и поехали в квартиру Бетти Тин.

Любопытно, что на расследовании временной вопрос поднимался не один раз. Обвинитель Джо Даффи спросил Рэймонда Чоу: “Есть ли доля правды в предположении, что вы приехали к мисс Тин-пей в три часа дня с мистером Ли, а не в четыре и не в пять?” Рэймонд Чоу горячо отменил эту версию и пустился в объяснения, что такое не было возможно, потому что они работали над новым сценарием. Не считая того факта, что ответ Чоу не был искренним, это абсолютно бессмысленный ответ.

По поводу того, зачем Брюс и Рэймонд поехали к Бетти, опять-таки существует несколько возможных ответов. Первый, Рэймонд мог просто отвезти Брюса к Бетти, потому что Брюс не мог припарковать свой яркий Мерседес перед домом Бетти ввиду продолжительной огласки их связи. Во-вторых, в случае, если Брюс снова пришел в ярость, Рэймонд мог искать помощи Бетти, чтобы его успокоить. И третье, думая о бизнесе, Рэймонд мог отвезти Брюса к Бетти в надежде, что она поможет убедить Брюса остаться в Голливуде. Но важный момент, какой бы ни была причина поездки к Бетти, Брюс и Рэймонд поехали к ней не для того, чтобы поработать над «Игрой Смерти» или предложить роль в каком-то фильме. Бетти не была сценаристкой. Она была любовницей Брюса. И если он хотел, чтобы она снялась в главной роли в следующем его фильме, она бы снялась в его следующем фильме. Точка.

После того, как они приехали к Бетти, Рэймонд какое-то время составлял Брюсу компанию, очевидно, лишь достаточное время, чтобы выпить легкий напиток, а затем ушел, повторив напоследок, что он надеется, что Брюс и Бетти присоединятся к нему и Лезенби за обедом. Теперь Брюс и Бетти остались одни. Что произошло дальше это то, что происходило уже многие месяцы. Брюс раскурил сигарету с марихуаной, а возможно и другие наркотики, и все закончилось с Бетти в ее спальне, где они занимались любовью, а может нет. Прошло несколько часов, и они возможно устали или уснули, вполне вероятно отключив телефон. На расследовании Бетти заявила под присягой, что с того времени, как она дала Брюсу одну таблетку Экваджезика до почти четырех часов спустя, когда она обнаружила его в коме, она одна смотрела телевизор в гостиной. Да, такими были ее показания.

Около 7:30 вечера Бетти или разбудили конвульсии Брюса, или она проснулась сама, обнаружив, что Брюс впал, как ей казалось, в кому. Она позвонила Рэймонду в Мирамар, где он обедал с Лезенби.

Именно в этот момент у Рэймонда и Бетти был хороший шанс спасти Брюсу жизнь. Очевидно могут быть небольшие сомнения, что Брюс испытывал ту же проблему, что произошла 10 мая. Бэптист Хоспитэл находится всего в двух кварталах. Бетти или Рэймонд могут вызвать скорую и Брюса доставят в Бэптист, где доктора, хорошо знакомые с прошлым обмороком Брюса, точно знают, что нужно ввести Манитол, таким образом уменьшив растущее спинномозговое давление жидкости в мозгу Брюса. Но ни Бетти, ни Рэймонд не делают этого. Вместо этого Рэймонд тратит двадцать минут, чтобы приехать к Бетти в сильную бурю.

После его приезда Бетти снова сообщает Рэймонду, что не может разбудить Брюса, даже шлепками по лицу. Хотя Рэймонд считает, что Брюс выглядит как обычно, он тоже не может его разбудить. Вызывает ли он скорую, зная, что случилось с Брюсом 10 мая? Нет. Что же он делает? Он дает ему пощечины и сильно трясет его в течение десяти минут! Когда у него не получается разбудить Брюса, вызывает ли он скорую? Нет. Он звонит лечащему врачу Бетти, доктору Чу Фо-хваю. Линия Чу занята, но Рэймонд продолжает звонить снова и снова, и наконец дозванивается. Как бы невероятно это ни звучало, 10 мая на Голден Харвест Студиос Чоу оказывается практически в том же самом положении. Перед лицом Брюса тикают часы, пока он борется за жизнь, а Рэймонд Чоу звонит в Бэптист, чтобы поговорить с доктором.

Проходит еще двадцать минут, пока доктор Чу едет к Бетти. Звонит ли Чу в скорую? Нет. Что же он делает? Он бьет Брюса по щекам в течение десяти минут, и в какой-то момент у него возникают трудности с прощупыванием пульса.

Наконец Чу решает отправить Брюса в больницу. Бэптист Хоспитэл всего в двух кварталах. Но дает ли Чу распоряжение, чтобы Брюса отправили в Бэптист? Нет. Он говорит водителю скорой, чтобы тот отвез его через весь город в Куин Элизабет Хоспитэл, где по приезду у него констатировали смерть.

Как примечание к этой страшной готической истории: на вопрос Брайана Тисдола, бывшего гонконгского адвоката Линды Ли и представителя ее интересов на расследовании, доктору Чу, почему тот не отправил Брюса в Бэптист Хоспитэл вместо Куин Элизабет, Чу заявил: "Брюс Ли находился в глубокой коме, у него не прощупывался пульс, не было признаков дыхания, зрачки не реагировали на

раздражители. Когда он не выказал никаких признаков улучшения, мне не пришло в голову, что время имело большое значение”.

Едва ли можно поверить, что такое возмутительное заявление было представлено в защиту буквально примера явной и недобросовестной халатности. Что-то здесь было не так.

Проблема в том, что показания доктора Чу упускают один существенный факт, как минимум вследствие того, что никого не спрашивал его об этом. Помните, что Рэймонд Чоу утверждал, что после его приезда к Бетти ему показалось, что Брюс выглядел абсолютно нормально? Когда Брюс был доставлен в Куин Элизабет Хоспитэл, у него констатировали смерть по прибытии, а его лицо распухло как арбуз. Теперь, если Рэймонд Чоу говорил правду, тогда нужно спросить себя, а когда именно распухло лицо Брюса? Если по мнению Рэймонда Брюс выглядел нормально до того, как его увезли от Бетти на скорой, и скончался по приезду в Куин Элизабет Хоспитэл, тогда гротескное распухание лица Брюса могло произойти во время двадцатиминутной поездки в больницу. Чтобы это произошло у него должна была расти температура. Однако этого не было, потому что по заключению доктора Чу у Брюса не было пульса.

Довольно серьезная проблема, не так ли? Не было пульса? Прибавьте к этому, что Брюс не дышал и что его зрачки не реагировали на раздражители, и приходит в голову вопрос, почему доктор Чу не начал тут же давить на грудь Брюса, пока Рэймонд или Бетти вдыхали воздух в его легкие? Ответ очевиден. Важное показание, которое доктор Чу мог дать, если бы кто-то спросил его, заключалось в том, что когда доктор Чу приехал к Бетти, Брюс Ли уже умер и был мертв какое-то время.

Как Брюс Ли умер на самом деле? Ответ на этот вопрос лежит в основе двух следующих глав.

ПРИШЕСТВИЕ ДЬЯВОЛА

“Я как будто в тюрьме! Я словно обезьяна в зоопарке!” - Брюс Ли

Под конец жизни Брюс откровенно поделился с Линдой: “Не знаю, сколько еще смогу это продолжать”. О чем именно говорил Брюс? Может он имел в виду безжалостный режим своих тренировок или изнурительную кинокарьеру? А может он говорил о трудностях корпоративного бизнеса? Или может он говорил об опасности выпавшей на его долю славы и удачи? Факт в том, что Брюс не имел в виду ничего из перечисленного. Проблема, с которой Брюс Ли боролся под конец своей жизни заключалась в том, что его безудержное употребление препаратов окончательно превратило его мир в кошмар вращающихся тарелок.

Благодаря своему детскому крипторхизму и одержимой личности, Брюс Ли бесспорно был плохим кандидатом на употребление анаболических стероидов. Наоборот, хотя кажется маловероятным, что его первоначальный интерес в принятии мужского гормона был связан с повышающимся либидо, понятно, что стероиды привлекли Брюса как мастера боевых искусств. Кроме развития и построения мышечной массы, стероиды значительно увеличили скорость и мощь Брюса. В конце 1960-х эти чудодейственные таблетки успешно помогли ему попасть в высший эшелон мира боевых искусств. Когда он занялся кинокарьерой в начале 1970-х, именно анаболические стероиды в сочетании с диуретиками были главным образом ответственны за его проработанное мускулистое тело, хорошо известное кинозрителям.

Однако неизбежно появились и негативные побочные эффекты. Пытаясь предотвратить растущую тревогу, бессонницу и пугающие вспышки гнева, Брюс увеличил употребление предписанных лекарств, в основном ЦНС-депрессантов и успокаивающих препаратов, и вскоре начал злоупотреблять марихуаной и алкоголем.

Оказалось, что это гонка на время. Его главная цель в жизни маячила на горизонте. Десять миллионов долларов и всемирная слава, а потом он заживет жизнью, полной мира и гармонии. Только бы продержаться еще один месяц. Все говорили ему, как он был близок к успеху. «Выход Дракона» должен был сделать его звездой. Это не имело значения. Время бежало слишком быстро. Брюсу пришлось

нарушить этот цикл. Ему пришлось прекратить употребление анаболических стероидов. Открыв жене, что просто не сможет больше этого продолжать, он наконец сказал Рэймонду Чоу, что снял свой последний фильм о боевых искусствах.

Через несколько недель после прекращения употребления стероидов мышцы Брюса начали атрофироваться, быстрее чем когда-либо. Проблема, хорошо известная другим потребителям, заключалась в том, что при употреблении анаболических стероидов естественная способность тела вырабатывать тестостерон резко снизилась. В результате, по крайней мере, выражаясь фигурально, крипторхизм Брюса вернулся. Только теперь, вместо того чтобы вырабатывать не соответствующий норме уровень тестостерона, его тело не вырабатывало почти ничего. Вскоре вес Брюса упал ниже 120 фунтов. Рост растительности на лице снизился, а руки стали мягкими и гладкими.

Каким бы ужасающим ни был, единственный способ повернуть вспять процесс феминизации и остаться таким, какой есть, заключался в том, что он скорее умрет, чем продолжит принимать стероиды. Однако, сделать это значило нанести практически неизбежный серьезный вред почкам и сердцу, и даже хуже того, возвращение стероидной ярости. Как резкий контраст, освободиться от стероидов значило больше чем просто значительное мышечное истощение и потерю энергии. Это бы означало конец неуязвимого короля кунг-фу.

Прискорбно, что демоны, с которыми Брюс сражался в результате своего употребления стероидов, меркли по сравнению с физиологическими ужасами, открывшимися из-за его физической и физиологической зависимости от кортизона.

Вспомните, что сразу после смерти Брюса Ли несколько коричневых бумажных пакетов, содержащих наспех сделанные бомбы, начали появляться по всей территории Гонконга. Примечательно послание, написанное на некоторых из них. Оно гласило: "Бетти знает причину смерти Брюса Ли". Обратите внимание, что в послании не говорилось, что Бетти знает, кто убил Брюса Ли, скорее, что она знает причину его смерти. Это было провокационное послание, чье значение можно отнести к следующему отрывку из письменных показаний доктора Гарольда Карпмана 24 июля 1974 года, которые он дал в Лос-Анджелесе одному из адвокатов Линды, Джону Хили, на тот момент представителю Лондонского Ллойда/АСК на предмет страхования:

В: Какие еще доктора, насколько вам известно, лечили мистера Ли?

О: Насколько я знаю, Фр. Рейсборд наблюдал его здесь. Знаю, что протокол патолога был рассмотрен доктором Рональдом Окуном, токсикологом университета. Но он никогда не наблюдал мистера Ли. А еще был доктор из Гонконга, которого звали... точнее доктор из Англии, думаю, я слышал его имя вскользь, но точно не помню его.

В: Доктор Лэнгфорд?

О: Возможно. Это все, что я знаю. В этой стране только я и доктор Рейсборд наблюдали его в тот период времени.

В: Вы знаете о докторе Тэнни?

О: Хербе Тэнни?

В: Верно.

О: Да. Я знаю Херба Тэнни.

В: Вы знаете, что доктор Тэнни в прошлом лечил мистера Ли?

О: Нет, я не знал этого. Когда это было? Я имею в виду, до того, как он [Ли] уехал в Гонконг?

В: Да. Это был 70, 71-ый год.

О: Нет, я не знал этого. Я правда вообще этого не знал.

С чего бы Джону Хили интересоваться у Карпмана о профессиональных взаимоотношениях доктора Тэнни с Брюсом Ли три года спустя, в частности, если один полагает, что Брюс не видел Тэнни с момента переезда в Гонконг в октябре 1971? Ответ можно найти во втором отрывке показаний доктора Карпмана:

В: Он [Ли] ничего не говорил о том, что перенес травму спины и принимает кортизон в течение значительного времени?

О: Нет.

В: Опять-таки, знали ли вы об этом, что это так или иначе...

О: Нет, кортизон никак на это не повлияет.

В: Я слышал, что он мог сделать его более предрасположенным к эпилептическому припадку.

О: Если принять большие дозы внутримышечно. Большинство принимает его как укол. Очень маловероятно, что при приеме внутрь можно ввести достаточное количество кортизона в организм для возникновения какой-либо метаболической реакции.

К большому сожалению в приведенном выше отрывке за весь период показаний Карпман не спрашивает и ему не говорят, о том, как часто и в каком объеме Брюс принимал кортизон, и делал ли он это внутримышечно или принимал его внутрь. По всей вероятности причина, по которой Карпман был отчасти безразличен к этому вопросу, заключалась в том, что на время дачи показаний единогласное мнение медиков заключалось в том, что прием кортизона был безопасной и безвредной практикой.

До своего отъезда в Гонконг в октябре 1971-го, как мы знаем, он прошел годичный курс инъекций кортизона от доктора Герберта Тэнни. Подробности его продолжительного приема кортизона в последующие два года, однако, тяжело систематизировать, особенно касаясь того, как и в каком количестве этот препарат поставлялся Брюсу. Тем не менее, основываясь на его истории болезни и воспоминаниях близких в последние месяцы жизни, нет никакого сомнения, что Брюс находился в постоянном неравном бою с недостаточностью коры надпочечников, то есть прямым результатом продолжительного приема кортизона.

Первоначально Брюсу Ли вводили кортизон, чтобы снизить скелетно-мышечное раздражение в области спины, коленей и рук. Однако за короткое время он начал полагаться на это лекарство, чтобы побороть незначительные физические недомогания, как явные, так и воображаемые, и начал испытывать перепады настроения и увеличение либидо. Помните, что это было почти тридцать лет назад. Сегодня продолжительный прием кортизона Брюсом, и что наиболее важно, его отказ от приема этого мощного лекарства, был бы с легкостью выявлен. Обязанные проводить продолжительные медицинские исследования, доктора сегодня назначают клинический прием кортизона с особой осторожностью.

Основная проблема, выступившая против Брюса Ли в результате его продолжительного приема кортизона заключалась в том, что этот препарат вызвал атрофию надпочечников, и в результате естественная способность его тела производить гидрокортизон резко уменьшилась. Одна из основных функций этого стероида заключается в поддержании циркуляции в случае стресса. Когда обычный человек заболевает или получает травму, надпочечники выталкивают усиленную дозу гидрокортизона, чтобы помочь сохранить капилляры здоровыми и поддержать кровяное давление. Если пациент с атрофией надпочечников получает травму или

переносит болезнь, тогда гидрокортизон для выталкивания отсутствует, и система капилляров может дать сбой, вслед за этим последует смерть. Вторичный продукт надпочечников - кортизол, жизненно важный для белкового и углеводного обмена веществ. Испытывая недостаток достаточного количества кортизола, тело Брюса было неспособно должным образом перерабатывать пищу в процессе обмена веществ.

Наиболее важный симптом, отмеченный у пациентов, страдающих от хронической недостаточности надпочечников – общее истощение тела. Вдобавок к потере аппетита и сопутствующей потере веса, пациент часто борется с обезвоживанием. Через несколько месяцев человек испытывает мышечную слабость и утомляемость (к сожалению Брюс мог списывать это на прекращение приема анаболических стероидов). Из-за падения кровяного давления человек временами чувствует слабость, также часто отмечаются головокружение и путаница в мыслях, включая приступы бессонницы. Кроме того часто отмечаются боли в животе, тошнота и рвота. Но важнее всего красноречивое свидетельство, общее для большинства пациентов – коричневатый оттенок кожи (которая выглядит загорелой) с белыми пятнами вместе с темными пятнышками на лице и шее. Все вышеперечисленные симптомы периодически отмечались у Брюса Ли в течение последних шести месяцев его жизни.

Возможно, король кунг-фу умер от неопределенных, фатальных осложнений острой недостаточности функции коры надпочечников? Если это так, тогда это бы объяснило загадочный результат лабораторного анализа азота мочевины крови (АМК), полученный в больнице Бэптист Хоспитэл вслед за обмороком Брюса 10 мая, поскольку существует общеизвестный факт, что из-за недостаточности функции надпочечников азот мочевины крови в теле буквально зашкаливает.

Хотя ранее было установлено, что симптомы, отмеченные у Брюса, когда он упал в обморок на студии Голден Харвест 10 мая и его смерть десятью неделями спустя 20 июля были поразительно похожи, были ли эти симптомы такими же у тех, кто переносил приступ острой недостаточности функции коры надпочечников? Ответ “да”, с оговорками. К тому моменту хорошо зная о пагубных побочных эффектах кортизона, Брюс мгновенно распознал начальные симптомы недостаточности надпочечников. Повышающееся внутричерепное давление вызывало головную боль, и он чувствовал тошноту и усталость. Если бы он не повысил уровень кортизона в

теле, он бы неизбежно впал в состояние острой недостаточности функции коры надпочечников, что является чрезвычайно опасным для жизни состоянием. Однако, если бы Брюс принял необходимое количество кортизона, симптомы быстро прошли.

Спустя время и учитывая все странности, Брюсу скорее играл в русскую рулетку, потому что сегодня специалистам в области медицины хорошо известно, что попытки самостоятельного регулирования уровня кортизона без помощи лабораторных анализов и не консультируясь с врачом – чрезвычайно опасная практика. Мягко говоря - это очень точная рецептура. Примешь слишком мало, и результатом будет продолжительный неравный бой с недостаточностью надпочечников. Примешь слишком много за слишком короткий период времени, и твое тело начнет обезвоживаться так быстро, что за рвотой и сильным жаром скоро последуют конвульсии, отек мозга и кома.

Возможно это и случилось с Брюсом Ли в полдень 20 июля 1973 года. Лишенный достаточного количества гормонов коры надпочечников и ощущая побочные эффекты приближающегося состояния острой недостаточности функции коры надпочечников, Брюс самостоятельно принял слишком много кортизона, находясь на Камберленд-роуд. Вскоре перед приездом в квартиру Бетти он выпил пару стаканчиков содовой в ответ на повышающуюся температуру. Практически сразу водный баланс тела нарушился, и ткани начали накапливать жидкость с пугающей быстротой, тогда как почки начали отказывать. Появилась головная боль, и Бетти дала ему Экваджемик в попытке остановить боль и снизить жар. Это не помогло. Брюс лег в спальне Бетти, где его тело начало раздуваться от жидкости. Через короткое время опасное для жизни состояние перешло в неконтролируемое течение, когда Брюс перенес конвульсии, отек мозга и смертельную кому. Используя тот же вариант развития событий, причина, по которой Брюс Ли выжил в похожем опасном для жизни состоянии 10 мая на Голден Харвест, просто-напросто заключалась в том, что врачи из Бэптист Хоспитэл ввели Манитол, таким образом уменьшив стремительный процесс дегидратации, вызванный похожей передозировкой кортизоном.

Как ни странно, Брюс достиг бы того же опасного для жизни состояния, если бы не вводил кортизон вообще. В отсутствие достаточного количества гидрокортизона его сердечно-сосудистая система и соответственно капилляры начали бы постепенно выходить из строя, в результате накапливая жидкость в тканях. Через короткое время его почки бы отказали, приведя к конвульсиям и отеку мозга. В конце концов кома и

смерть. Что до случившегося 10 мая, то при описанном выше сценарии Брюс чудесным образом выжил, когда его доставили в Бэптист Хоспитэл, потому что вдобавок к Манитолу доктора наконец выявили падение кровяного давления и тут же ввели инъекцию гидрокортизона. Эта рутинная процедура, проведенная в реанимационном кризисе, когда было отмечено необъяснимое падение кровяного давления. После инъекции гидрокортизона симптомы Брюса постепенно начали проходить, и вскоре он вернулся в нормальное состояние.

Хотя общая клиническая картина кортикальной недостаточности, описанная выше, имеет глубокое и тревожное сходство с физическим описанием Брюса Ли в последние месяцы его жизни, есть еще одна проблема, требующая решения. И она довольно проста. Вспомните, что спустя пару недель после обморока Брюса 10 мая они с Линдой отправились в Лос-Анджелес, где Брюс прошел полное медицинское обследование, включая ряд комплексных тестов. В заключении, не считая незначительного судорожного синдрома, доктора не смогли выявить, что с ним было не так. Почему так произошло? Единственным простым объяснением было то, что между обмороком Ли 10 мая в Голден Харвест и его прибытием в Лос-Анджелес парой недель спустя уровень его кортикостероида восстановился.

Русская рулетка – опасная игра, но есть выжившие, кто живет, чтобы вновь крутануть барабан. Для современных медиков не такая уж редкость, что многие пациенты с надпочечной функцией, но ограниченными резервами организма кажутся абсолютно здоровыми, пока что-то не вызовет последующую недостаточность функции коры надпочечников. Это состояние, когда связь с употреблением стероидов особенно опасна как “общий вывод” в болезни Эддисона (первичная надпочечниковая недостаточность) низкого содержания сывороточного натрия не присутствует во время задержки, вызванной внешними (самостоятельно вводимыми) стероидами. Кроме того, человек не должен упускать из виду временной фактор. Это было начало 1970-х, когда ужасы злоупотребления кортизоном были практически неизвестны медикам. В этой связи, даже сообщив Брюс о своем употреблении кортизона, понятно, что доктора могли не придать этому большого значения. И наконец, чтобы тщательно диагностировать проблему Брюса, в то время докторам потребовалось бы провести большой ряд анализов гормона коры надпочечников и функции надпочечников. Если бы уровень кортизона Брюса находился в пределах нормы, такие дополнительные анализы не могли бы быть проведены как следует, особенно в начале 1970-х.

В заключение: закончилась ли жизнь Брюса как прямой результат недостаточности функции коры надпочечников на фоне отека мозга? На основании представленного на рассмотрение материала специалисты в области медицины, с которыми я консультировался, пришли к единогласному мнению, что существует большая вероятность этого. Однако они тут же обратили внимание на один возможный вариант. Если бы Брюс Ли не умер от недостаточности функции коры надпочечников, остается лишь одно разумное и ужасное, альтернативное объяснение...

НЕЧЕСТНАЯ ИГРА

Как только гонконгская полиция узнала о смерти Брюса Ли, первое что сделали полицейские, это прочесали улицы в поисках наркотических связей Брюса. Они знали то, что остальные не воспринимали всерьез. Они знали о людях, которые хотели смерти Брюса Ли.

Как и другие, полиция слышала о любовнице Брюса, Бетти Тин. Парой недель ранее она пыталась покончить с собой, потому что Брюс хотел порвать с ней связь. У нее имелись связи и с организованной преступностью, и с наркотиками.

Полиция также знала, что триады месяцами преследовали Брюса. Миллионы долларов были поставлены на карту. А как быть с теми зарубежными продюсерами, которые стояли в очереди за пособием по безработице, потому что Король Кунг-Фу полностью уничтожил их рынок сбыта? Подозреваемые были на каждом углу. Главный детектив открыл файл и озаглавил его “возможное убийство”. Он никогда не звонил в Уайет Лаборатрис с вопросом о побочных эффектах Экваджезика. Он скорее бы поговорил с неуловимым дворецким, которому Брюс Ли завещал все свое добро. Опять-таки был эпизод ссоры с Рэймондом Чоу. Без Брюса Ли Голден Харвест Студиос пришлось бы рекламировать рис.

Ко второму дню расследования детективы стучались в двери всего Гонконга. Кем были старейшины боевых искусств, которых обидел Брюс Ли? И где был тот представитель триады, которого Ли заставил подчиниться на съемках «Выхода Дракона»? Правда ли, что Брюс выплатил компенсацию семье этого парня? И почему Линда вела была так напугана? Протокол вскрытия еще не был опубликован, а она уже заявляла всему миру, что никого не считает виновным в смерти мужа. Полиция сочла это несколько преждевременным. И кем был этот адвокат из Калифорнии, лихорадочно снующий по Гонконгу в поисках банковских счетов? Да, у Голливуда не было ничего против Гонконга. Это была настоящая сказка о том как нищий стал богатым, в которой было все кроме авиакатастрофы.

Полицейские были не единственными, кто считал это убийством. Несколькоими неделями ранее доктора в Бэптист Хоспитэл взглянули на Брюса и предположили, что он был отравлен. Они просто следовали процедуре, а она одинакова во всем мире.

Зайдите в любое отделение реанимации и скажите лечащему врачу, что сюда везут пациента, у которого наблюдаются симптомы отека мозга и почечной недостаточности, и врач тут же позвонит в токсикологический центр. Причина, по которой он это сделает, в том, что отек мозга в сочетании с острой почечной недостаточностью - это обычный сигнал отравления.

С клинической точки зрения, яд всегда учитывался при постановке диагноза любых необъяснимых признаков или симптомов. Когда доктор Лэнгфорд осмотрел Брюса Ли в Бэптист Хоспитэл 10 мая, он тут же назначил внутривенную инъекцию Манитола. Причина в выборе Лэнгфордом этого препарата заслуживает внимания, поскольку Манитол редко используется исключительно для лечения отека мозга. Скорее это осмотический диуретик, используемый главным образом при передозировке барбитуратами для очистки организма от потенциально летального переизбытка соды, который многие яды накапливают в почках жертвы. Именно накопление переизбытка соды вызывает отек мозга и конвульсии, и по этой причине Лэнгфорд ввел Манитол Брюсу Ли, в особенности потому что Брюс демонстрировал признаки отравления.

Это объясняет загадочный тест на содержание азота мочевины в крови. Это не была типографская ошибка, как первоначально подозревал доктор Гарольд Карпман. Хотя показание 92 (мг/мл) чрезвычайно высоко, оно закономерно для пациентов, у которых наблюдается почечная недостаточность в результате отравления.

Отравление Брюса Ли в то время жизни было бы непростым делом. По словам Линды, в последние месяцы жизни он прекратил есть твердую пищу, и держался на одной моркови и яблочном соке. Если это было правдой, тогда единственный способ отравить Брюса - добавить яд в единственное вещество, которое он употреблял, которое все знали – в марихуану.

Тогда возникает вопрос – где Брюс Ли хранил всю эту марихуану? Это было не незначительное количество, а внушительный тайник, который регулярно пополнялся. Разумеется, основной проблемой было то, что Брюс был потенциальным мультимиллионером, представителем шоу-бизнеса. Бесспорно, его прием наркотиков должен был быть предметом острой озабоченности для многих людей, особенно если его выбором наркотика была марихуана. В начале 1970-х на всей территории Востока марихуана приравнивалась к героину в Соединенных Штатах. Свидетелем может быть звезда «Битлз», Пол МакКартни, который едва не угодил за решетку после того, как в

Японии у него обнаружили небольшое количество травы. Нет, слишком большие деньги были поставлены на карту. Буквально миллионы. Кто-то другой должен был держать под контролем эту марихуану. Мы знаем, что Бобби Бейкер привез ее в Гонконг. Но что с ней произошло после этого? Может ее заперли в 500-фунтовом напольном сейфе в Камберленде? Рискованно. А как насчет Голден Харвест Студиос? У главного входа есть пункт охраны. Разумеется, это не остановило полицию от того, чтобы ворваться туда во время инцидента с Ло Вэем. В Голден Харвест имелся холодный подвал. Как насчет там? Или может ее хранили у Бетти Тин дома? А если у Ву Нгана? Может верный слуга Ли был доверенным лицом? Да. Кто присматривал за тайником с марихуаной Брюса Ли? Кто был хранителем ключей? Вокруг Брюса было полно мотивов. Доступ равноценен возможности. Это ключевой кусочек пазла.

Мотив. Возможность. Метод. Яд. Когда Брюс Ли упал в обморок на пол Голден Харвест и его внезапно начали сотрясать конвульсии, затем его вырвало, и он вступил в бой за жизнь, это слово – яд – казалось витало в воздухе. Ничто другое кроме как инфаркт, инсульт или пуля так быстро не забирает жизнь. Есть один элемент во всем сценарии, который продолжает гореть как один из миллионов неоновых огней Гонконга. Он как свеча. В один миг она горит, а в следующий уже погасла. В один миг Брюс находился в отчаянной борьбе за свою жизнь, а часом позже, когда Манитол очистил его организм, он чудесным образом вернулся в нормальное состояние и вышел из реанимационного отделения. Яд.

А как насчет вскрытия Ли? Искал ли доктор Лэм яд? Искал. Между делом. В мире существует 9 000 000 естественных и синтетических веществ, считающихся отравляющими. Среди них 3 000 вызывают более 95% всех случайных и умышленных отравлений, о которых сообщается ежегодно.

В общем, общая процедура, проводимая в большинстве вскрытий – проведение случайного поиска яда, исследуя остаточные следы различных металлов. Это проводится потому что большинство ядов содержат по крайней мере один из нескольких металлов в химическом составе. Хотя в своих показаниях доктор Лэм аккуратно избегает слово “яд”, очевидно, что он искал яд, проводя анализ на ртуть и свинец, являющиеся двумя основными металлами, оставляющими следы, общие для многих токсических веществ. Двумя металлами, оставляющими следы, которые доктор Лэм не анализировал, были фтор и фосфор. Они оба используются в ядах, и

как известно, вызывают конвульсии, отек мозга и почечную недостаточность у жертв. И фтор и фосфор обычно находят в крысином яде и других бытовых пестицидах.

К сожалению, факт в том, что если Брюс Ли умер от отравления ядом, то это было заранее спланированное преступление. Более чем вероятно яд был использован такой, который бы не обнаружился при вскрытии. Если кому-то и был нужен такой особенный яд, Гонконг определенно был лучшим местом для покупки. Великий мастер кэнпо, Эд Паркер, должно быть знал об этом, сказав вскоре после смерти Брюса: “Многие из нас не знают о внутреннем мышлении и секретах китайских травников. У них есть лекарственные травы, а есть такие яды, о которых мы никогда не слышали. Я считаю, что причиной смерти Брюса Ли стала нечестная игра”.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ МЫСЛИ

Написание этой книги было чрезвычайно трудным и напряженным занятием. Как и у многих других авторов и биографов, прошедших этот путь до меня, мои впечатления о Брюсе Ли изменились навсегда. Когда я сделал свои первые открытия, должен признать, что чувствовал, что с этого времени считал бессмысленным долгом защитить “Легенду Брюса Ли”. Я выдержал большое количество времени на написание, пытаясь найти способ, чтобы объяснить тот факт, что человек, которого я однажды представлял иконой боевых искусств, был на самом деле человеком, которому были свойственны слабость и неконтролируемые демоны. Вероятно самой жесткой реальностью, которую мне пришлось принять, было наблюдение Стерлинга Силлифанта, который мудро отметил, что в конце жизни, то, что должно было защитить Брюса Ли – боевые искусства – покинуло его.

В течение пяти лет, пока я писал и анализировал эту книгу, многие люди задавали мне сотни вопросов. И все же есть один, на который у меня по-прежнему нет ответа. Этот вопрос задала Эми Саньбо во время моего визита к ней на остров Вашон. Я интервьюировал ее уже несколько часов, когда она вдруг спросила: “А вам нравился Брюс?” Теперь я знаю, почему мне так тяжело ответить на этот вопрос. Это потому что слишком много Брюсов Ли. Есть первый, с которым я познакомился с 1963-ем, когда учился в выпускном классе средней школы. Есть совершенно другой Брюс Ли, которого я знал в Голливуде. Опять-таки есть муж Брюс Ли, каким мне его описывала Линда. Самый известный – распиаренный Брюс Ли «Король Кунг-Фу», являющийся образом, который часто называют “Святым Брюсом”. Дилемма в том, что все эти Брюсы Ли сильно отличаются друг от друга. Хуже того, у меня смешанные чувства к каждому из них. Я могу лишь представить, как мучительно тяжело это было для Брюса.

Получив первый тираж этой работы в 1996-ом, всенепременно на горизонте начали назревать проблемы, когда мне угрожали крупным гражданским процессом три человека, если я продолжу публикацию. Рэймонда Чоу, отклонившего множество предложений поговорить со мной о содержании этой книги, представлял адвокат из Беверли-Хилз, Майкл Бергман. Более того, Линда Ли Кэдвелл и Адриан Маршалл, которые также отклонили множество предложений обсудить содержание этой книги,

были вместе представлены адвокатом Джеромом Вайнштейном. Между прочим, с момента публикации первого тиража «Нераскрытых загадок» истек закон об исковой давности и ни один из этих трех не обратился в суд с иском заявлением.

Я был одновременно опечален и разочарован тем, что моя бывшая жена Линда решила не высказывать ничего конструктивного по поводу написания этой биографии. Надо признать, что когда я начал писать эту книгу, в мой адрес выступили с критикой несколько человек, считавшие, что я выражал некую степень предательства к Линде, продолжая свое дело без ее согласия. Возможно, это справедливая критика. Однако я должен подчеркнуть, что был женат на Линде менее двух лет, тогда как был мастером боевых искусств более четырех десятков лет. Если у меня и есть преданность в этом деле, то она к сообществу боевых искусств. Думаю, что все вместе мы заслуживаем правды, и откровенно говоря я верю, что был единственным, кто мог рассказать об этой стороне жизни Брюса.

В душе я искренне верю, что Брюс бы одобрил эту книгу. Я говорю это потому что он никогда не прятался за обманом. Он вполне мог принимать почести. Такой была его позиция в жизни. Хорошая, плохая и безразличная. Брюс Ли никогда не боялся чистой, настоящей правды. Фактически, он успешно делал на ней бизнес, даже требовал ее от себя и окружающих. У человека были принципы, а также невероятная смелость и стремление, и все это соединилось воедино в последние годы его жизни, чтобы доставить ему неприятности. Надеюсь, что передал эту сторону Брюса Ли. Зачем? О чем еще можно спрашивать у приятеля, кроме того, чтобы он искренне поделился с нами самими большими трудностями в жизни? Рассказал, как он попал в переплет и что сделал, чтобы выбраться из него. Как родители мы не приносим своим детям пользы, сидя рядом и стараясь убедить их в том, какие мы великие. Они не хотят это слушать. Они хотят знать, как мы преодолели проблемы в жизни. И Брюс не исключение. Как раз наоборот, это придает ему уникальность, потому что он был достаточно счастлив, чтобы жить той жизнью, которой он жил, и учился и шел вперед в своем духовном развитии. Но для каждого из нас из тех, кто остался позади, это не имеет значения, если нам не расскажут правду. Именно поэтому я написал эту книгу. Я посчитал, что настало время принять Брюса Ли-человека. Всем нам. Мы стали обществом, которое наживается на правде. Мы устали от того, чтобы нами манипулировали. В идеализировании Брюса Ли есть огромный вред. Я думаю, что он является разрушительным для молодых людей, которые ходят в школы боевых

искусств по всему миру. В этой стране у нас есть замечательные мастера боевых искусств, которые в той или иной степени стояли в тени Брюса в последние двадцать девять лет и все во имя коммерциализации одного человека ради финансовой выгоды парочки людей. Это никак не умаляет заслуг Брюса. Он всегда будет занимать свое место в боевых искусствах. Этот человек был легендарным основоположником и инициатором. В то время Брюс занимался очень продолжительной запоздалой “чисткой”. Благодаря Брюсу больше никогда не наступит день, когда человек назовет себя мастером и выбьется в люди под завесой тайны, не “доказав на что способен”, как бывало говорил Брюс, и на весьма регулярной основе. И мы все можем им гордиться за огромный вклад, который он сделал в искусство, но должны смотреть на вещи в их истинном свете.

Я написал эту книгу в духе помощи старому другу разгрести бардак, который он оставил после себя. Она не только о рассмотрении возможности того, что какой-то человек или группа людей безнаказанно совершила тяжкое преступление. Да, это часть прошлого Брюса, которая имеет для меня огромное значение, но эта книга также обращена и к будущему. Есть молодые люди, которые могут извлечь для себя большую пользу, зная, что случилось с Брюсом Ли. Несмотря на то, как умер Брюс, боль и страдания, окружавшие его и его близких в последние три года жизни никогда бы не случились, если бы его не смел поток безграничной жизни и мыслей.

Линда часто говорила, что Брюс был человеком, который мог делать то, о чем говорит. Я всем сердцем соглашусь с ней в этом вопросе. Мы не можем изменить прошлое, но можем менять будущее к лучшему, если будем придерживаться правды, насколько это возможно. Как однажды заявил известный адвокат Джерри Спенс, нам нужно придерживаться правды. Потому что когда мы не делаем этого, полуправда в конечном счете становится полноценной ложью.

НЕВОШЕДШИЕ ГЛАВЫ

СВЕЧА, КОТОРАЯ ГОРИТ ВДВОЕ ЯРЧЕ, СГОРАЕТ ВДВОЕ БЫСТРЕЙ

Я познакомился с юным Брэндонем Ли, когда работал старшим инструктором в школе кэнпо Эда Паркера в Санта-Монике, штат Калифорния. Брюс обычно заезжал в школу по воскресеньям, и время от времени брал с собой Брэндона. В то время Брэндону было около двух лет, и даже в этом юном возрасте всем было понятно, как ему нравилось быть рядом с отцом.

Брюс с гордостью смотрел, как его сын бегаёт по матам, а потом резко останавливается, чтобы продемонстрировать стойку или серию ударов руками и ногами, которым его научил отец. С самого начала было видно невооружённым взглядом, что у ребенка была харизма, острое внимание и решимость отца, и при этом в раннем возрасте он демонстрировал свою знаменитую фирменную улыбку, которая излучала самую суть миролюбия, с которым лишь немногие из нас сталкиваются в своей жизни.

С юности Брэндон не хотел становиться мастером боевых искусств, вместо этого он хотел стать успешным актером. После смерти отца эта дорога обернулась тернистым путем, потому что слишком многие из мира ДКД естественно полагали, что Брэндон встанет у руля как капитан корабля. Несмотря на то, что у Брэндона явно имелась харизма, способности к спорту и решимость отца, боевые искусства не были его внутренним призванием. Брэндон шагал под другой барабан.

Когда мы с Линдой начали встречаться в 1988-ом, для меня наступило время повторно познакомиться с Брэндонем, которого я не видел с конца 1960-х. Я до сих пор помню, словно это было вчера, как захожу в дом. Кухня находилась сразу по левую сторону от парадного входа, и не успел я зайти в дом, как мой взгляд упал прямо на Брэндона. Он стоял на кухне рядом с блендером, делая на скорую руку коктейль Маргарита (обращу внимание, что за те годы, что я брал на себя роль отчима, я никогда не слышал, чтобы он злоупотреблял алкоголем или наркотиками). Брэндон имел общительную натуру, и приветствовал меня теплой улыбкой. Мы обменялись рукопожатиями, и он передал мне солоноватую Маргариту. Через несколько мгновений я совершил ошибку, заведя разговор об отце. Я просто подумал, что это будет хорошим началом, но тут же понял, что ошибся с выбором темы для разговора.

Позже я узнал, что дело было не в том, что Брэндону не нравилось говорить об отце, скорее он избирательно относился к тому, с кем вступал в такой диалог. Слишком много лет все спрашивали о Брюсе. Насколько я помню, я случайно упомянул, что однажды Брюс, проводя демонстрацию своего ДКД у Блэйка Эдвардса и Джули Эндрюс дома, ударил меня ногой с такой силой, что я пролетел через весь их бассейн. Эти новости не произвели на Брэндона особого впечатления. А Линда просто посмотрела на меня и сказала: “Да, Брюс был определенно целеустремленным человеком”.

Шесть месяцев спустя мы с Линдой были женаты, и как один из свиты молодоженов, Брэндон в своем красивом сером смокинге подвел Линду к алтарю и дал мне ее руку. Этот день останется до конца моей жизни одним из самых памятных дней.

Прошли недели и месяцы, и Брэндон начал все больше и больше времени проводить дома. После развода со своей первой женой Дженнифер Эдвардс девятью годами ранее я не имел возможности радоваться теплоте семейному кругу – отец, мать и дети. Полагаю, Брэндону тоже этого не доставало в жизни, потому что вот уже пятнадцать лет он жил без отца. Однажды я работал над чем-то по дому, обычный воскресный список дел, и Брэндон отправился со мной в местную скобяную лавку. Я выкладывал нужные вещи на прилавок, а Брэндон помогал находить искомое по списку. Когда настало время кассиру посчитать все мои покупки, он взглянул на меня и бросил взгляд на Брэндона.

- Вы вместе?

- Да. Вообще-то это мой сын - ответил я как ни в чем не бывало.

Когда мы с Брэндоном вышли из магазина и направились к машине, я заметил, что он был немного растерян, если не сказать, что у него в глазах стояли слезы, что было на него непохоже.

- С тобой все в порядке? – спросил я.

- Да. Просто меня долгое время так никто не называл. Его реакция и слова в тот момент очень много для меня значили, и значат до сих пор.

Вскоре я узнал, что у Брэндона есть соревновательная жилка. Будучи мастером боевых искусств более двадцати пяти лет я испытывал небольшие сложности с тем, чтобы подыгрывать ему в местном семейном бильярдном клубе, где мы с ним стали завсегдатаями на выходных.

Не думаю, что у меня был шанс с самого начала. Вспоминая об этом сегодня, Брэндон был настоящим шулером. Это не имело ничего общего с деньгами, потому что мы не делали ставок и не решали, кому бежать за бургерами или кувшином пива. Он был мягким, и в редкие случаи я бил его. И он был достаточно умным, чтобы не тянуть одеяло на себя. Думаю, он понимал, что если бы он сделал это, я бы ушел. Но он обожал разыгрывать меня, и временами был великолепен в вербальных джебах по ребрам, следом за которыми всегда следовала его невинная улыбка. Хотите, чтобы я их перечислил?

Чтобы взбедить мою душу, после бассейна мы возвращались в дом, где я часто сталкивался с Линдиным дядей Верном, который сидел за кухонным столом, тасуя колоду карт.

- Не желаешь пару-тройку партий под джин, Том?

Если мне удавалось выиграть одну из десяти партий, то мне крупно везло. И этот человек был таким же мягким, как и Брэндон. С их любезной подачи я сел под их перекрестные взгляды. На это первое Рождество, которое наши семьи праздновали вместе, я подарил Брэндону кий.

Меня часто спрашивают о характере Брэндона. До сих пор в голову приходят три основные воспоминания о нем. Первое связано с компьютерной игрой под названием "Где же Кармен Сан-Диего?" Я уверен, что многие читатели знакомы с этой игрой, но для тех, кто не знаком, скажу, что это по сути простая и в то же время сложная игра. Идея заключается в том, что Кармен Сан-Диего – воровка, а игрок выступает против компьютера, чтобы поймать Кармен Сан-Диего, пока не закончится заданное время. Чтобы поймать беглянку, нужно пройти по подсказкам-ключам, которые требуют от игрока знание географии и флагов крупнейших стран мира. На первый взгляд игра кажется гораздо легче, чем она есть на самом деле. Кроме счета игрока, который выдается в конце игры, игровые очки также суммируются, а компьютер сохраняет список игроков, набравших максимальное количество очков, которые получают звания. Самое низшее - звание сыщика (эта игра у меня была недолго и теперь ее у меня нет), а наивысшее звание что-то вроде Главного Детектива. Между двумя этими званиями полдюжины других званий от Инспектора до Капитана, и тому подобное.

Мы с Линдой часто играли в эту игру по выходным. Нам обоим нравилось готовить, и поэтому пока один готовил, другой часто оказывался в гостинной, смотря

телевизор или в кабинете, играя в компьютер. Нам с Линдой нравилось состязаться, и я помню, как наши личные результаты склонялись то в одну, то в другую сторону, в зависимости от того, кто готовил в тот вечер, что позволяло другому увеличить очки и получить более высокое звание.

Одним воскресным вечером Линда хозяйничала на кухне, а я развлекался за компьютером. Я услышал, как в переднюю дверь заходит Брэндон. Спустя пару минут он показался в проеме двери в кабинет, увидев меня за компьютером. После того, как мы обменялись приветствиями, он спросил мимоходом: “Во что ты играешь?”

“Где же Кармен Сан-Диего?” - ответил я, продолжая гонку на время и снова и снова бросая взгляд на карту флагов, расположенную на полу поблизости.

- Это не так легко, как кажется. Кроме того, что тебе нужно хорошо знать карту мира, тебе потребуются кое-какое основное детективное чутье.

Компьютерное время вышло, и я набрал очередные 1500 очков. Я посмотрел список чемпионов и увидел, что мне оставалось всего 200 очков или около того, чтобы обогнать Линду.

- Не желаешь попробовать свои силы?

- Конечно – ответил Брэндон.

Он подошел к компьютеру и сел рядом. Я объяснил ему основы игры, которые, я уверен, он не до конца понял. Я нажал на кнопку Start, Кармен Сан-Диего побежала, и часы начали отчет. Три минуты спустя Брэндон закончил одну из худших игр.

- Хорошая попытка. Как я уже сказал, здесь нужно...

- Я слышал, что ты сказал – прервал меня Брэндон кривой улыбкой. - Как начать новую игру?

- Просто нажми на Start. Может быть если ты потратишь двадцать минут на изучение флагов, у тебя будет больше шансов – заметил я со смешком. Настал мой черед поквитаться с ним за тяжелое поражение, которое он нанес мне днем ранее в бильярдной.

- Да, может быть так и сделаю.

Я ушел из комнаты и присоединился к Линде на кухне. Я шутя рассказал ей не удивляться стонам и причитаниям Брэндона из кабинета, прерываемым кассетой Фрэнка Синатры, которая играла в соседней гостиной. Я не удивился, когда час спустя Брэндон бормотал что-то о том, что едва набрал достаточно очков, чтобы получить звание сыщика.

После обеда мы с Линдой смотрели телевизор, пока Брэндон читал, сидя рядом. Его никогда особенно не интересовали общественные телепередачи, он был любителем книг по философии и психологии. Около десяти часов мы с Линдой пожелали доброй ночи Брэндону, который спросил, не возражаем ли мы, если он какое-то время почитает документы отца в моем офисе. Поскольку несколько месяцев назад я был соавтором Линды в «Истории Брюса Ли», документы Брюса все еще лежали в моем офисе. Брэндон был достаточно тактичен, чтобы спросить, хотя знал, что я не стану возражать. В общем, мы пожелали друг другу спокойной ночи.

На следующий понедельник мы завтракали вместе с Линдой, после чего она уехала на работу в начальную школу, где работала воспитательницей, а я направился в свой кабинет, чтобы начать писать.

Тем же вечером мы отдыхали от долгого дня. Я готовил на кухне, пока Линда работала над школьным проектом для своего класса. В конце концов я заглянул в кабинет и загрузил компьютер и «Где же Кармен Сан-Диего?» Перед началом первой игры я по привычке проверил компьютерную статистику, чтобы посмотреть, на каком месте мы с Линдой остановились. Насколько мне известно, она втайне сыграла одну или две игры, пока я не видел.

Когда на экране показались рейтинги, я сперва не поверил тому, что увидел. Должно быть это какая-то ошибка. Затем я понял, что никакой ошибки не было. Я находился на третьей строчке с примерно 1300 очками и званием Инспектора. Линда была выше, лишь ненамного обогнав меня с 1400 очками и приблизившись к званию Капитана. И гораздо выше нас обоих с невероятными 5000 с лишним очками красовалось наивысшее звание, которое мог получить игрок – Глава Инспекторов Брэндон Ли! Мгновение спустя я был в гостинной.

- Дорогая, ты должна это увидеть.

Линда сидела на полу, приклеивая картинки, которые она вырезала из журналов на огромную доску постеров.

- Что такое?

- Просто пойдём со мной. Ты должна это увидеть своими глазами.

Мы с Линдой прошли кухню, а затем длинный коридор на пути к кабинету. Она стояла перед компьютером, улыбаясь в экран. Понятно, что произошло. Прошлой ночью, после того, как мы с Линдой пошли спать, Брэндон провел много часов, совершенствуя свое мастерство в компьютерной игре и буквально завоевал ее. И

таким образом превзошел меня. Но самая запоминающаяся деталь этой правдивой истории в том, что Брэндон не сказал мне об этом ни слова. Ни на следующий день, ни на следующей неделе, ни когда-либо еще. Он сделал вызов самому себе, а затем спокойно и значительно отличился. Как и его отец, Брэндон не терял времени на пустую болтовню. Он был человеком действий, и хотел сделать все возможное, чтобы заявить о себе. А затем он тихо ушел прочь, внутренне улыбаясь самому себе. Это редкая и замечательная черта, та, которую его отец получил за все его достижения и успехи. И эта черта в будущем принесет Брэндону большие дивиденды.

Мое второе теплое воспоминание демонстрирует уникальную независимость Брэндона. Он был поистине самостоятельным человеком с собственным самоощущением, и не собирался жертвовать им в пользу кого-либо, и особенно истэблшмента.

То время, пока мы с Линдой были женаты, у Брэндона было два средства передвижения – древний мотоцикл Харли-Дэвидсон, которым он очень гордился и жуткого вида черный катафалк. К моему большому беспокойству, я часто приезжал домой, обнаруживая, что катафалк припаркован перед парадной дверью дома! Брэндон просто не мог понять, почему это меня так нервировало, и когда я предложил припарковать его где угодно, только не у крыльца, он посмотрел на меня своим отрешенным взглядом в сочетании с невинной улыбкой.

Проблема была в том, что Брэндон часто гонял на Харлее по автомагистрали под дождем и без шлема. Причина, по которой он не ездил на катафалке во время дождя заключалась в том, что на нем не работали стеклоочистители. По понятным причинам это доставляло Линде значительное беспокойство, и она всегда испытывала большое облегчение, когда он заходил в дом или звонил, чтобы сказать, что вернулся домой без происшествий.

Однажды вечером я решил попытаться исправить ситуацию. В тот год я купил новый Форд Торес. До сих пор не знаю, зачем я это сделал. Может потому что журнал Роуд энд Трэк несколько лет подряд ставил Форд Торес на первую строчку списка как самую безопасную американскую машину в ценовом диапазоне. Вскоре после того, как мы с Линдой поженились, мы купили Джип Вагонер, поэтому у нас была возможность выгуливать недавно купленных немецких овчарок в местном парке, и в результате Торес не так часто нами использовался.

Я попросил Брэндона составить мне компанию в гостиной и сделал ему деловое предложение. Я напомнил, как беспокоилась его мать по поводу того, что он ездил на мотоцикле по мокрой от дождя автомагистрали. Он понял это, и вновь, как он часто это делал, попытался убедить меня, что он отличный водитель, умалчивая, что при этом был лихачом, у которого за плечами было несколько жутких падений, которые он каким-то чудесным образом избежал, не получив шрамы.

- У меня есть решение проблемы – начал я. Все это на самом деле большая удача для тебя. Все довольно просто. Если ты согласишься не ездить на своем мотоцикле во время дождя, я отдам тебе Торес. Отдам даром. Я даже лично доставлю его к твоему дому.

После многозначительной паузы Брэндон мимоходом спросил: – Ты сделаешь это для меня?

- Сделаю. О чем мы вообще говорим – всего несколько дней в месяц? Кроме того, мы почти пережили сезон дождей. Что скажешь? По рукам? - спросил я с ободряющей улыбкой.

Брэндон обдумал это пару мгновений, а затем сказал.

- Один вопрос?

- Давай.

- Если ты отдаешь мне этот Торес, значит ли это, что мне придется одеваться как ты?

Факт в том, что я был мужчиной среднего возраста, который одевался от Ральфа Лаурена, и носил гавайские рубашки и Гуччи. Вопрос Брэндона не задумывался как грубый ответ. В моем предложении была большая проблема, и я не учел ее. Факт в том, Брэндон ни за что бы не сел за руль Форда Торес, даже если бы он был покрыт золотом с инкрустированными бриллиантами покрывками. И тот факт, что машина предлагалась бесплатно даже не рассматривался им.

Я уставился на Брэндона казалось на бесконечность, а затем разразился смехом. Когда я сказал Линде, что Брэндон ответил на мое предложение, она рассмеялась еще громче. У Брэндона было очень сильное самоощущение, и он не собирался отклоняться от него. Таким было качество его характера, который так сильно напоминал характер Джеймса Дина. Брэндон был бунтарем с рыцарской улыбкой. Когда он мог жить в Беверли-Хилз или на пляже в Малибу, в тот момент своей жизни он предпочел жить в арендуемом ветхом доме в старой коммуне Лос-Анджелеса под названием Эхо Парк. Эта привлекательная уникальность – именно то, что в

конечном счете выделило Брэндона из голливудской киноиндустрии. Те, кто видел его фильмы и видел своими глазами его театральные выступления, неизбежно были от него под большим впечатлением. Брэндон был поистине тем, кто выделялся в толпе, любой толпе.

Третье проявление Брэндона, которое я счел таким замечательным, это то, что он искренне любил и уважал женщин. Редкое качество для современной молодежи. В глазах Брэндона и еще важнее, в его сердце, женщины были не хуже мужчин. Они не были ни чьей-то собственностью, ни людьми второго сорта. В присутствии женщин, включая маму, сестру или девушку, Брэндон был во всех отношениях джентльменом и человеком с избытком обаяния. В этом не было ни грамма фальши. Он ни за чем не гнался. Он возвел женщин на пьедестал и требовал, чтобы другие мужчины в его присутствии относились к ним тем же образом.

Помню как-то вечером мы с Линдой отправились с Брэндонам и Лизой Гриффен, его девушкой на тот момент, в китайский ресторан. Линда знала неплохое местечко, которое оказалось в захудалом районе. Мы припарковали машину на противоположной стороне дороги и ждали, пока проедут машины, а затем перешли дорогу. Пока мы спешили перейти улицу, юноши в машине заметили девушку Брэндона, которая напоминала Памелу Андерсон. Когда машина остановилась, из окон высунулись головы с какофонией грубого свиста и улюлюканьями. Брэндон развернулся на каблучках и по-видимому пришел в ярость.

- Эй, вы на кого свистите, придурки, черт подери!

Этим все не кончилось. Он преследовал машину по улице, а я кричал ему в спину: – Эй, полегче, Брэндон! Ради Бога, полегче!

Этих парней не интересовал Брэндон. Они видели, что он настроен серьезно. Он не искал физического столкновения, и вспоминая об этом сейчас, я уверен, что он не стал бы ввязываться в драку и при этом поставил этих парней на место. Дело в том, что он не собирался терпеть, когда любой мужчина неуважительно относился к женщине в его присутствии. Для него не имело значения, кто это – его бабушка или горничная. Просто и ясно. Если говорить о более мягкой стороне его характера, я часто наблюдал, как Брэндон вечерами проводит время с Линдой у камина в гостиной. Его по-настоящему интересовало то, что она говорила, и еще больше его волновали ее чувства. Брэндон давал понять женщине, что отдает ей 100% своего внимания.

Мне было приятно узнать, что ближе к концу жизни Брэндон встретил женщину своей мечты – Лизу Хаттон, помощника режиссера по работе с актерами из Голливуда, с которой Брэндон жил в Беверли-Хилз и на которой собирался жениться 17 апреля после завершения съемок «Ворона». Должно быть она была очень особенным человеком, и я думаю, что наступит день, когда она напишет книгу о Брэндоне Ли, возможно в соавторстве с Линдой.

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ОТКРЫТИЕ ПАТОЛОГИИ ДОКТОРОМ А.Д.СПЕРАНСКИМ

Приведенный ниже текст – часть статьи, опубликованной в журнале «Грани медицины», весьма уважаемом альманахе исторических научных исследований. На мой взгляд фундаментальная теория невропатологии Сперанского может быть связана со смертью Брюса Ли. Хоть и представлены в контексте повествования, научные основы, как и события, правдивы.

“ЛАБОРАНТ итальянского ученого доктора Санарелли в изумлении уставился на животных. Они были мертвы. Невозможно! Ведь это был безопасный эксперимент”.

Он в волнении поспешил к своему руководителю, чтобы сообщить невероятные результаты. Доктор Санарелли покачал головой. “Нам придется повторить эксперимент”.

Луиджи взял из клетки двух откормленных кроликов, и пока он гладил их шерсть, доктор Санарелли ловким и безболезненным движением ввел каждому из них неопасную дозу фильтрата микроорганизмов. Луиджи покормил животных, помыл с мылом руки, а затем отправился в ближайшее кафе, чтобы позавтракать со своим другом Пьетро, репортером из местной газеты.

Вечером по пути домой доктора Санарелли едва не сбил грузовик, настолько невнимательно он перебежал через улицу, спеша к газетчику, который крича размахивал вечерней газетой: “Идеальное убийство в лаборатории – доктор Санарелли травит кроликов без яда!”

В статье, которую доктор Санарелли обнаружил в продаже рядом со своей фотографией, вот что его поразило тем утром.

“Скромный итальянский ученый добился того, о чем даже издавшие виды авторы детективов не смели мечтать” – говорилось в сенсационной статье. “Отравление без яда” – идеальное убийство. Жертвами были всего лишь кролики, но обстоятельства эксперимента пугают. Доктор Санарелли ввел ряду животных безопасную дозу бактериального экстракта. На следующий день он ввел некоторым из них еще одно вещество, которые обычно не вызывает никаких симптомов. К его изумлению они серьезно заболели и умерли через несколько часов, в то время как

подопытные животные, получившие всего одну инъекцию, остались невредимы. На настоящий момент этому феномену пока нет удовлетворительного объяснения.

Вскрытие не выявило никаких следов яда. Должно быть смерть наступила от ранее неизвестных загадочных реакций организма животных. Эксперты предполагают, что такой результат мог быть аналогичен той причине, что у пациентов-людей временами неожиданно вызывает серьезные клинические осложнения и сводит на нет все навыки медиков. Возможно Доктор Санарелли уже на пути к решению этой загадки”.

Злой, как черт, ученый запихнул газету в карман пальто и поспешил в лабораторию, где бросил статью перед носом Луиджи и отругал его.

В течение следующих дней ассистент избегал профессора, но вскоре новые волнующие эксперименты заставили их обоих забыть об этом случае. Санарелли не ошибся. Более того, он обнаружил, что смертельная реакция не зависела от характерных особенностей примененного препарата; ее могли вызвать многочисленные микробы и вещества. Она не зависела от времени, потому что не происходила, если интервал между первой и второй инъекцией превышал 70 часов.

Странные эксперименты были опубликованы в научных журналах, но у лаборатории не было средств, чтобы продолжить работу в более широком масштабе. Однако эти средства были доступны советскому ученому А.Д.Сперанскому.

В настоящее время Сперанский возглавляет Институт Экспериментальной Медицины в Москве, но значительная часть жизни этого ученого, который хочет произвести революцию в медицине, окутана тьмой, непостижимая для западного читателя. Он закончил Казанский университет в 1911 году в возрасте 23 лет. После революции оказался в далекой Сибири, в Иркутске на озере Байкал, где преподавал в местном университете. В 1923-ом в Ленинграде он стал ассистентом знаменитого обладателя Нобелевской премии, профессора Павлова, и вскоре после этого начал работать независимо от него. Десять лет спустя его исследование завершилось новой революционной теорией медицины – невропатологией.

Сперанский исследовал “идеальное убийство” в экспериментах над животными еще раньше, чем Санарелли, когда откачивал мозговую жидкость у собак под наркозом. Как правило это была безвредная процедура; но если нервные волокна раздражались относительно безвредными веществами, такими как кротоновое масло, желчь, формальдегид, кислота или даже здоровая нервная ткань самого подопытного

животного, животные умирали в конвульсиях. Ни отток жидкости как таковой, ни нервная раздражительность, не могут этого вызвать. В сочетании с “быстрым ударом”, как его называет Сперанский, они вызывают смерть.

Но не все собаки погибли. У некоторых произошли конвульсии, но они поправились; другие никак не отреагировали. Очевидно смертельная реакция могла произойти лишь по пока неизвестной особенности, которая присутствовала не у всех животных.

Выжившие собаки использовались для исследований, касающихся последствий химического повреждения нерва. Обычно неврома развивалась на поврежденном участке, а небольшой отек нерва выступал в качестве постоянного раздражителя нервной системы. Когда этих собак проанестезировали и выкачали мозговую жидкость, они умерли при тех же симптомах, что и собаки в первых экспериментах. На этот раз несколько выжило. Накопление определенных нервных раздражений (отток жидкости выступал в качестве раздражителя) по-видимому и вызывало смерть.

Рассеянность ассистента Дмитрия Лебедева и слепая покорность его любимой собаки Беты привели к неожиданному подтверждению загадочных наблюдений. Это произошло на трехлетие его сына Андрея, когда Дмитрий решил пожертвовать Бетой в изучении одной из самых ужасных болезней - эпилепсии. Чтобы изучить ее течение, доктора создали искусственные эпилептические припадки у животных путем замораживания коры головного мозга размером с вишню. Большинство экспериментов завершились смертью подопытных.

Ассистент сам выпустил собаку из клетки, и Бета прыгнула на него, виляя хвостом. Лебедев потрепал животное по голове, повернулся и вышел, медленнее, чем обычно, в операционную комнату. Он думал о многих эпилептиках, которые вынуждены всю жизнь быть инвалидами. Он представлял, как у сестры его жены происходит припадок, и она стонет, корчась на полу с пеной у рта. И все же ему не нравилась работа, которую он был вынужден сделать.

Дмитрий рассеянно подозвал животное и нащупал рукой операционный стол. Собака прыгнула на стол и не сопротивлялась надеванию респиратора. Когда она была под глубоким наркозом, Дмитрий вскрыл ее череп, а затем осторожно зашил швы. Он ждал конвульсий, которые должны были произойти от двух до пяти часов после операции.

Но ничего не произошло. Бета была немного усталой, но вела себя как обычно и ела с хорошим аппетитом. Фатальные конвульсии не произошли. На следующий день Лебедев наблюдал собаку каждые три часа. Бета полностью оправилась и приветствовала своего хозяина как обычно. Это было чудо, и Лебедев был рад. Но должны ли мы верить в чудеса? Разве не нужно искать причину? Почему Бета не отреагировала на холод как остальные собаки?

Лебедев сравнил свои записи с записями предыдущих экспериментов. Никакой разницы. Хотя нет, было одно отличие. Он не делал Бете укол морфина. Это было излишне. Во всех предыдущих экспериментах собаки получали инъекции морфина перед тем, как их помещали на операционный стол. Эта облегченная анестезия делает животных неспособными к сопротивлению. Но морфин не мог вызывать эпилептических приступов, это было точно известно.

Единственное, что оставалось сделать, это повторить тесты без уколов морфина. Десять собак, отобранных для этого эксперимента, остались живы, все до единой. Но когда небольшая доза морфина вводилась подкожно за 48 часов до операции, у них наблюдались смертельные конвульсии.

“Сторонний наблюдатель, который увидит эти эксперименты, не зная, что им предшествовало”, - написал Сперанский, “будет вынужден объяснить свойства морфина сходством с так называемым судорожным ядом – абсолютно ошибочная точка зрения, безусловно”.

Опять-таки было наглядно продемонстрировано, что раздражители, которые сами по себе не вызывают серьезных последствий, могут оказаться фатальными, если частично попадают в определенный временной промежуток, или “смертельное окно”, если так можно выразиться.

Для дальнейшей иллюстрации теории Сперанского рассмотрим случай юной Наташи Ступиной. Опять-таки, рассказанная в контексте повествования, хронология событий, как и научные основы, взяты из истории болезни.

Ранним морозным зимним утром доктор Вася Ступин попрощался со своей семьей на пять дней. “Я останусь в лаборатории” – объяснил он своей жене, “мы проводим эксперименты, которые требуют постоянных наблюдений”. Он поцеловал маленькую Наташу, которая лежала в постели с простудой, дал несколько распоряжений и поспешил на трамвайную остановку.

Двое его коллег ждали в лаборатории. Три небольших стакана были наполнены мутной жидкостью. Доктора подняли их с натянутыми улыбками и выпили за здоровье друг друга. В каждом стакане содержалась концентрированная смерть – около двух миллиардов живых микробов холеры.

Мужчины снова повторяли тест, который знаменитый немецкий врач Макс фон Петтенкофер впервые рискнул провести в 1892 году перед своими коллегами и студентами. Несколько лет спустя его повторили коллеги русского ученого Мечникова. Петтенкофер выжил и таким образом подтвердил свою точку зрения, что даже чрезвычайно опасные микробы не обязательно вызывают болезнь. Тест Мечникова подтвердил тезис Петтенкофера.

Вася и его коллеги ждали результата своего научного приключения в изолированной комнате. Были ли правы Петтенкофер и Мечников? Через десять часов у одного из врачей случился острый приступ диареи, но на третий день она прекратилась. У двух других не было никаких симптомов. На четвертый день успех эксперимента был очевиден.

Вася, беспокоящийся о своей больной дочери, вернулся домой в тот же вечер. Повода для беспокойства не было – Наташа снова ходила в школу.

Однако, два дня спустя Наташа пожаловалась на сильную головную боль, у нее открылась рвота и диарея. Ее мучали судороги в голени, голос стал хриплым, а кожа приобрела синевато-серый оттенок, и ее обычно сияющие глаза померкли в глазницах. Хотя ее отец сделал все возможное с медицинской и человеческой точки зрения, три дня спустя Наташа умерла от холеры.

Почему смертельные микробы убивают одного человека, не нанося вред другому, хотя они оба одинаково заражены? Согласно Сперанскому, ответ скорее кроется в нервной системе человека и животного, чем в самих микробах. Сила микробов значительно меньше, чем обычно предполагают. Немецкий термин «еррегер» (то есть «возбудитель» или «стимулятор») по мнению Сперанского точно подходит фактическому воздействию микробов. Стимулятор что-то стимулирует, что-то вызывает, инициирует процесс, который затем продолжается сам по себе. Согласно теории невропатологии доктора Сперанского, Брюс Ли подвергался значительно большему риску, чем среднестатистический человек, потому что регулярно бомбил свою нервную систему опасными раздражителями.

Обратите внимание:

- 1) фактически не менее года уколов в позвоночник;
- 2) применение голых электродов на теле, которые вызывали импульсный электрический ток, пока он спал;
- 3) многочисленные удары в голову во время съемок боевых сцен;
- 4) чрезмерное использование ЦНС-препаратов, и стимулянтов и депрессантов, а также ряд запрещенных наркотиков.

Вдобавок к сложной центральной нервной системе Сперанский всерьез интересовался другой масштабной коммуникационной сетью, гормональной системой. Сперанский часто замечал у лабораторных животных выраженную гипертрофию важных гормональных желез, надпочечников и коры надпочечников. Он объяснял их гипертрофию признаком перегрузки желез, которые лихорадочно выделяют гормоны, когда организм подвергается сильному стрессу.

Опять-таки, в защиту невропатологии доктора Сперанского, злоупотребление Ли стероидами в дальнейшем вызвало помехи и таким образом внесло раздражение в чувствительный лабиринт нервов и постоянно перестраивало проводящий путь нервных сигналов, благодаря которым неизвестный кукловод управляет всеми явлениями жизни.

Фактические пути, посредством которых средний мозг управляет активными и восстанавливающими фазами организма через вегетативную нервную систему и гормональную систему, еще более сложны, чем показано на рисунке I-I. На рисунке показаны различные жизненные функции (круги справа), переплетающиеся как передачи в коробке передач. Когда стимулируется симпатический нерв, передача I (автономная иннервация) совершает поворот на 90 градусов до позиции А (внизу) и включает передачи от II до VII. Это означает, что уровень кальция повышается, анализ крови меняется, температура тела, метаболизм и содержание сахара в крови повышаются. Стимуляция парасимпатического нерва дает противоположный результат. Все передачи переходят в позицию Б и указанные выше эффекты идут в обратном направлении.

При таких корректировках гормоны играют столь же большую роль, как и нервы. Избыточное производство определенных гормонов, может, к примеру, повысить метаболизм; передача VI пойдет против часовой стрелки и переведет все остальные передачи в позицию А. Все эти взаимодействия и обратные действия, которые были

исследованы лишь частично, приводят к балансу или при нарушении к болезни в случае фатального “быстрого удара” – к смерти.

И наконец интересно заметить, что объяснение доктора Сперанского нейродистрофического процесса аналогично методу, применявшемуся в древних и крайне секретных формах искусства “ядовитые руки” и отсроченном прикосновении смерти (дим мак). Специалисты этих смертельных практик, как предполагают, способны убить человека, просто прикоснувшись рукой к жертве. Во время процесса передачи “смертельной энергии” телу жертвы, происходит повреждение нерва, и в результате последующего нейродистрофического процесса, наступает смерть, будь то через неделю или десять лет.

Вскоре после смерти Ли по сообществу боевых искусств распространился слух, что мастер техники дим мак дотронулся рукой, которую часто называют “вибрирующей ладонью”, до Ли и по сути сообщил Брюсу точное время смерти и что его смерть наступит от мозговых конвульсий. Так это было или нет уже не представляется возможным узнать. Однако, верно то, что Ли верил в процесс “смертельной энергии”, и в течение жизни искал мастеров дим мак.

В сущности, смертоносный принцип техники дим мак идентичен искусству “указывания костью”, которое практикуют туземные ведуны. Доктор Герберт Бенсон, который широко писал о связи мозга и тела, описывал один такой случай в 1925 году: “Человек, который узнает, что враг его проклял, в самом деле представляет собой жалкое зрелище. Он стоит в ужасе, его глаза уставились на коварного ведуна, а руки подняты, словно он пытается отвести смертельную энергию, которой, как он представляет, наполняется его тело. У него бледные щеки, а глаза стекленеют, и выражение его лица ужасно искажается. Он пытается закричать, но обычно у него просто идет пена изо рта. Его тело начинает дрожать, а мышцы непроизвольно сокращаются. Он раскачивается назад и падает на землю, и вскоре теряет сознание; но вскоре после этого, пишет он, у него начинается смертная агония, и закрывая лицо руками, он начинает стонать. Его смерть – вопрос сравнительно недолгого времени”.

ХРАМ ВОН ТАЙ СИН

Запахи фимиама я ощутил еще за несколько кварталов. Благовонные палочки. На Дальнем Востоке их основная цель никак не связана с тем, чтобы наполнять дом приятными ароматами. Благовонные палочки используются для пробуждения богов.

Я думал о Брюсе Ли большую часть четырнадцатичасового полета из Лос-Анджелеса. На половине перелета через Тихий Океан я поймал себя на мысли о том, как бронзовый гроб Ли стоимостью 40 000 гонконгских долларов мистическим образом открылся во время перелета в Сиэтл двадцать лет назад и как в него проникла влага, а краска с темно-синего костюма окрасила внутренние стенки гроба из белого шелка. Древние китайцы видели в этом дурное предзнаменование. “Дух покойника не обретет покоя” – утверждали они. “Есть нераскрытые загадки”.

Несколько часов спустя я проснулся в предрассветные часы в Гонконге, и после короткой пробежки по улицам и переулкам наконец добрался до загрязненной гавани. Я должен был почувствовать Гонконг. Если и был шанс раскрыть загадку Брюса Ли, значит я должен был попасть в его голову. Я приехал в то место, где он вырос и умер молодым мужчиной. Я должен был увидеть его семейный дом, пройти по парку на Натан-роуд, посетить его старые любимые места, побывать в реанимации и поговорить с докторами, которые лечили Брюса и доктором, который констатировал его смерть.

Также в мои планы входили деловые партнеры и старые подружки, его знакомые мастера боевых искусств. Были судебные протоколы и пачки старых газет двадцатилетней давности в Сити Холле, которые я должен был прочесть. Больше всего я хотел поговорить с людьми из Гонконга. У меня было множество вопросов, и я не рассчитывал, что на многие из вопросов без труда и с готовностью последуют ответы. Я мог предугадать, кто постарается избежать встречи со мной, и также думал, что знал, какие двери захлопнутся прямо перед моим носом. Я ждал, что в какой-то момент за мной начнут следить, и после второго дня телефонных звонков и быстрой смены одной точки дислокации на другую, я никогда не уходил из номера в отеле, оставляя свои записи и камеру. Перед тем, как уехать из Калифорнии, я оставил одному из своих черных поясов полную рабочую копию скелетной версии рукописи

вместе со всеми относящимися к делу документами, фотографиями и кассетными интервью. Если бы я не вернулся по какой-то причине, он должен был продолжить это дело в мое отсутствие.

К девяти часам утра того дня термометр уже достиг девяносто градусов (по Фаренгейту). В этой части мира в разгаре был сезон тайфунов, а влажность была изнурительной. Я не был так уж одинок, когда поднимался по ступенькам, ведущим в храм Вон Тай Син. Со мной была китаянка по имени Мин Хин-вай. На мой взгляд она была даром с небес. Она не только говорила на кантонском и мандаринском диалекте, но также знала переулки Гонконга и не боялась попробовать себя в деле. Обладающая уличной смекалкой и начитанная, она могла выйти сухой из самых щекотливых ситуаций.

Идея пойти в монастырь принадлежала Хин-вай. Вообще-то она вежливо настаивала. По ее словам, перед тем, как отправиться в любую серьезную авантюру, нужно прийти в монастырь и поговорить с богами и предсказателями. Это китайский способ, и они относятся к этому очень серьезно. Монастырь Вон Тай Син - это огромный даосский комплекс храмов посреди государственного проекта плотного жилищного строительства. Его построили в 1921 году в честь Вон Тай Син, мифического пастуха, обладавшего силой исцелять и приносить удачу игрокам. Как только мы с Хин-вай подошли к главному входу, меня тут же окружили старухи, продающие карты на удачу, банкноты и благовонные палочки. Меня интересовали благовонные палочки, потому что они были необходимы для пробуждения богов. Передавая старой беззубой женщине двадцать гонконгских долларов я не мог не обратить внимания на нескольких китайцев, стоящих около входа в храм. У их ног лежали жареные свиньи размером с небольших собак, дары были завернуты в сверкающую красную пищевую пленку. Хин-вай объяснила, что это означало, что эти мужчины получили то, чего желали. Согласно обычаю, необходимо вернуться в храм с жареной свиньей, чтобы все это видели. Эта свинья приносится не в дар храму, наоборот, потом она возвращается в дом "счастливчика", и семья устраивает праздничный ужин. Эти свиньи не дешевы. Они стоят около 800 гонконгских долларов (100 долларов США), большие деньги для китайца, принадлежащего рабочему классу.

Достигнув вершины ступенек, ведущих к храму, я ощутил трепет от того, что находилось передо мной. Сотни верующих, фанатичных в своей вере, стояли на обширной площади, обращенной к внушительных размеров храму. Огромные урны

стояли сбоку и в центре площади, а клубящиеся облака дыма исходили от тысяч благовонных палочек, будто я стоял посреди лесного пожара. Вокруг стояло пение и плач. Треск десятков ручных сосудов с деревянными бамбуковыми палочками производил жуткий эффект на том, что бы ни происходило в этом почитаемом месте.

Требовалось пройти специальную процедуру. Для начала я подошел к одной из множества золотых урн, наполненных песком. Рядом с этими урнами находились небольшие напоминающие пагоды структуры из стекла, вмещавшие металлические чаши с кипящим маслом. Именно здесь горели более сотни благовонных палочек. Следующим шагом нужно было подойти к урнам и воткнуть благовонные палочки в песок. Теперь, когда я пробудил нужных богов, с которыми пришел поговорить, я перешел к следующему шагу. Держа сосуд с тонкими бамбуковыми палочками, я подошел прямо к храму. Ни один человек, по крайней мере не житель Запада, не допускался внутрь здания храма, хотя через открытые двери я отчетливо видел алтарь и портрет Вон Тай Син.

Хин-вай стоя чуть позади меня мягко сказала: “Назови свое имя, дату рождения и зачем ты здесь”.

Фимиам начал затруднять дыхание.

“Меня зовут Том Бликер, я родился 13 апреля 1943-го. Я проехал 7 000 миль, чтобы спросить о книге, которую пишу о жизни и смерти своего друга Брюса Ли, который умер здесь, в Гонконге”.

После задумчивой паузы я начал осторожно трясти сосуд с бамбуковыми палочками. Идея состояла в том, чтобы выполнять это действие, пока одна палочка не выпадет из сосуда и не упадет на землю. Это напомнило мне вытряхивание одной сигареты из пачки. Казалось, это продолжалось вечность, и я начал представлять, как все 100 палочек упадут одновременно или вообще ни одной. Никогда. Вдруг Хин-вай поспешила ко мне. “Остановись, Том! Остановись!” Она наклонилась к земле и подняла одну палочку, которая, пока я не видел, упала из сосуда. На ней стоял номер 71.

Я прошел с Хин-вай в другую часть храмовых участков, где располагались предсказатели. Несколько рядов. Все они были стариками, одетыми в разную одежду. Некоторые казалось пришли прямо с улицы, а другие выглядели так, словно они только что пришли из монастыря. У многих были реквизиторы, которые как красочные птицы выпархивали из своих бамбуковых клеток и хватали различные предметы со

стола и передавали их своим мастерам. Все это было частью судьбы. Я стоял там дольше всего, не зная, что делать дальше. “Выбери одного, Том. Не торопись” – сказала Хин-вай, которая в самом начале взяла за привычку сопровождать меня в моем дальневосточном путешествии.

Я изучил ряд предсказателей. “Хоть один из них говорит по-английски?” – спросил я. Это было неважно. Хин-вай переведет для меня. Наконец я выбрал одного мужчину, с которым ощутил связь.

Я сел перед предсказателем и передал ему бамбуковую палочку, которая упала на землю несколькими минутами ранее. Он изучал деревянную щепку какое-то время и время от времени поглядывал на меня. Наконец он рассказал древнюю притчу палочки 71 храма Вон Тай Син. Он говорил на самостоятельно изученном ломаном английском, время от времени Хин-вай передавала мне смысл.

“В самом начале ты рыба” – сказал старик. “И рыба попадает в беду, когда ее ловят в воде. Это все равно что попасть в тиски водоворота. Это притча о терпении”.

Предсказатель спросил меня о возрасте. Я ответил, что мне сорок шесть. Он ответил, что решение моего вопроса произойдет не раньше, чем мне исполнится сорок семь, а затем быстро поменял эту цифру на сорок восемь. “Рыба должна найти способ остановить водоворот. Решить загадку. В этом и состоит наибольшая трудность” – продолжил старик.

Мне стало немного не по себе.

“Все зависит от вод Запада” – продолжил предсказатель. “От поддержки с Запада. Тогда ты разрешишь загадку и вырвешься из водоворота”. Он изучил последний столбец китайских иероглифов, а затем взглянул на меня и казалось заглянул в самую глубину моей души. Наконец улыбка тронула уголки его рта. “Ты делаешь правильное дело, и оно принесет большой успех. Но ты должен иметь терпение. Это счастливая судьба”.

БИБЛИОГРАФИЯ

КНИГИ:

- Barnhart, Edward R. Publisher.** Physicians' Desk Reference. Oradell, New Jersey. Medical Economics Company, Inc. 1992
- Berkow, Robert, M.D.,** Editor-in-Chief. The Merck Manual 15th Edition. Rahway, New Jersey. Merck Sharp & Dohme Research Laboratories. 1987.
- Block, Alex Ben.** The Legend of Bruce Lee. New York; Dell Publishing Co., Inc. 1974
- Cleary, Thomas.** The Japanese Art of War. Boston & London. Shambhala. 1992
- Clouse, Robert.** Bruce Lee: The Biography. Burbank, CA. Unique Publications, Inc. 1988
- Gia-Fu Feng and Jane English.** Tao Lao Tsu Te Ching. Vintage Books; Random House, New York. 1972.
- Hill, Napoleon.** Think & Grow Rich. Fawcett Books, New York. 1960.
- Hui Fai,** Editor. Bruce Lee: The Fighting Spirit. Hong Kong, Bruce Lee JKD Society. 1978.
- Inosanto, Dan.** Jeet Kune Do: The Art and Philosophy of Bruce Lee. Los Angeles, California. Know Now Publishing Company, 1976.
- Lee, Linda. Bruce Lee:** The Man Only I Knew. New York: Warner Paperbacks, 1975.
- Lee, Linda and Tom Bleecker.** The Bruce Lee Story. Burbank, CA. Ohara Publications, 1989.
- Mushashi, Miyamoto.** A Book of Five Rings. Woodstock, New York. The Overlook Press. 1982.
- Nitobe, Inazo.** Bushido: the Warrior's Code. Burbank, California. Ohara Publications, Inc. 1979.
- Posner, Gerald L.** Warlords of Crime, Chinese Secret Societies—the New Mafia. New York, McGraw Hill. 1988.
- Robbins, Anthony.** Unlimited Power. New York, Fawcett Columbine. 1986.
- Speransky, A.D.** The Revolutionary Pathology of A.D. Speransky. Frontiers of Medicine. 1986.
- Thomas, Bruce.** Bruce Lee: Fighting Spirit. Berkeley, California. Frog, Ltd. 1994.
- Wong, Shun-leung.** Reminiscence of Bruce Lee. Hong Kong, Bruce Lee JKD Society. Hui Fai, Editor. 1978.

Yip, Chun Master. 116 Wing Tsun Dummy Techniques. Leung Ting Publications, Hong Kong. 1981.

ЖУРНАЛЫ И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИЗДАНИЯ:

Asian Organized Crime: United States Senate Subcommittee on Investigations; 102 Congress. U.S. Government Printing Office, Washington. 1992

Asian Organized Crime: The New International Criminal. United States Senate Subcommittee on Investigations; 102 Congress. U.S. Government Printing Office, Washington. 1992

Suen, Andy. February 28, 1992. Deposition of 92 Productions Corp. Senate Permanent Subcommittee of Investigations Exhibit #72.

Chan, Robert (deposition transcript, Pages 1 - 51) United States Senate Permanent Subcommittee on Investigations, Committee on Governmental Affairs. Asian Organized Crime. Miller Reporting Company, Inc. Washington, DC, June 9, 1992.

Quach, Calvin Thuymy (deposition transcript, Pages 1 – 87) United States Senate Permanent Subcommittee on Investigations, Committee on Governmental Affairs. Asian Organized Crime. Miller Reporting Company, Inc., Washington DC. April 9, 1992.

Black Belt magazine. Rainbow Publications, Santa Clarita, California. April 1993 edition. "Bruce Lee's Jeet Kune Do vs. Ed Parker's Kenpo Karate."

Black Belt magazine. Rainbow Publications, Santa Clarita, California. April 1991 edition. Special Ed Parker Memorial Section.

Black Belt magazine. Rainbow Publications, Santa Clarita, California. July 1992 edition. "Bruce and Kareem! Black Belt Goes One on One with Former Hoop Star and Student of Bruce Lee!"

Black Belt magazine. Rainbow Publications, Santa Clarita, California. November 1992 edition. "Chuck Norris' Anti-Drug Program."

Black Belt magazine. Rainbow Publications, Santa Clarita, California. December 1995 edition. "Black Market Bruce Lee: the Dragon's Bootleg Videotapes."

Jules Brown and Helen Lee. The Real Guide / Hong Kong and Macau. United States and Canada, Prentice Hall. 1991.

Bruce Lee: His Privacy and Anecdotes. Hong Kong, Bruce Lee JKD Society. Hui Fai, Editor. 1978.

Bruce Lee, the Untold Story. Hollywood, California. CFW Enterprises. 1979.

Cheung, Hawkins. "Bruce Lee's Hong Kong Years." Inside Kung-fu magazine. CFW Enterprises, Inc. Burbank, California. Four parts. November 1991 – February 1992 issues.

Corcoran, John. "Up Close and Personal with Stirling Silliphant." Kick magazine. Five parts, July – November 1980 issues.

Dannen, Fredric. Hong Kong Babylon. The New Yorker, August 7, 1995.

Editors Kung-Fu Monthly. "Who Killed Bruce Lee?" Felden Productions, Bunch Books. 1978.

Editors Kung-Fu Monthly. "Bruce Lee In Action." H. Bunch Associates, Ltd. 1977.

Inside Karate. July 1993. "20 Years After! Bruce Lee's Final Day Revisited." CFW Enterprises, Inc.

Inside Kung-fu magazine. CFW Enterprises, Inc. Burbank, California. December 1992 edition. "IKF Exclusive! Dragon Star Jason Scott Lee!"

Inside Kung-fu magazine. CFW Enterprises, Inc., Burbank, California. August 1993 edition. "Linda Lee To Auction Bruce Lee Memorabilia!"

Karate International. Vol.3, #2. "On Film: The Life of Bruce Lee."

Karate International. Vol.3, #8. "Bruce Lee: Cult of Personality."

Martial Arts Legends. "Featuring Bruce Lee, the Martial Arts Wizard of Ahhhs!" CFW Enterprises, Inc. January 1993.

Pan, Lynn. Lilian Likes Red (Behind the Scenes with Concubine Creator Lilian Lee). Article, Discovery (August 1992 Volume 20 Number 8). Hong Kong. Cathay Pacific Airways Ltd.

Scott, David Clark. Hong Kong's Migrant Millionaires. Article, World Monitor (Vol. 2, No. 5). The Christian Science Publishing Society. 1989.

Smoke, Stephen. "Y.C. Chiang." Inside Kung-fu magazine. CFW Enterprises, Inc. Burbank, California. June 1976 edition.

Snyder, Joe. Official Karate magazine. "Bruce Lee's Judo Connection."

Sutton, Alan. "The Kung Fu of Yun Chung Chiang . . . A Life's Journey." Inside Kung-fu magazine. CFW Enterprises, Inc. Burbank, California. February 1974 edition.